М. СВЕТЛОВ

1

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРЕХ ТОМАХ

МОСКВА. «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА». 1974

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том первый

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ЭПИГРАММЫ

ПЕРЕВОДЫ

МОСКВА. «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА». 1974

Р 2
С 24

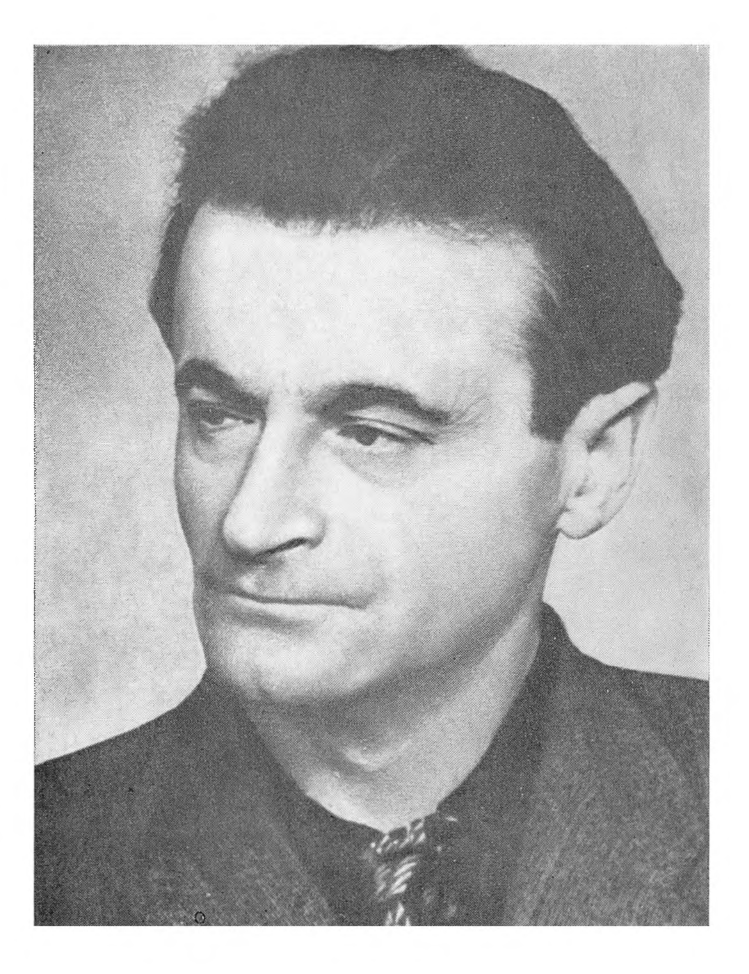
Вступительная статья
Б. И. Соловьева

Подготовка текста
Л. Н. Смирновой

Примечания
Е. П. Любаревой

Оформление художника
Ю. Алексеевой

С $\frac{70402\text{-}368}{028\,(01)\text{-}74}$ подписное

МИХАИЛ СВЕТЛОВ
(1903—1964)

Михаил Аркадьевич Светлов родился в Днепропетровске (Екатеринославе) 17 июня 1903 года, в бедной семье еврея-кустаря. В 1919 году будущий поэт вступил в комсомол, тогда же начал писать и печатать стихи.

«Вокруг города свирепствовали банды,— пишет он в автобиографических «Заметках о моей жизни»,— и для защиты от них был создан Первый екатеринославский территориальный пехотный полк...» В этот полк и вступил М. Светлов.

Впечатления, связанные с пребыванием в Красной Армии, отозвались впоследствии в творчестве поэта.

Затем он переехал в Харьков, работал в отделе печати ЦК комсомола Украины. В 1923 году вместе со своими друзьями — Михаилом Голодным и Александром Ясным перебрался в Москву, где молодые поэты, с помощью Валерия Брюсова, поступили в руководимый им Литературный институт.

Но еще и в Харькове, когда ему не было и двадцати лет, М. Светлов успел выпустить книгу стихов «Рельсы», о которой сам потом с улыбкой скажет, что «очень смешное и трогательное впечатление она сейчас производит», ибо никто из юных поэтов — друзей-сверстников М. Светлова тех лет «тогда не имел точного представления о задачах своей профессии. Нам казалось, что чем замысловатей стихи, тем они художественней...». В таком понимании «художественности» (вскоре оно самым

основательным образом изменилось!) нельзя не усмотреть влияния теории и практики футуризма, имажинизма и других им подобных течений и направлений, весьма «модных» и громких в свое время.

Вот почему первая книга М. Светлова еще в достаточной мере художественно аморфна и в ней трудно различить, каким значительным и самобытным поэтом станет вскоре ее автор. Так, в стихотворении «Моим друзьям» (1921; а друзья — это, конечно, М. Голодный и А. Ясный) М. Светлов писал:

Вбились выстрелы скачущим боем
В убегающий пульс станка...
Мы пришли окровавить зарею
Засыпанный снегом закат.

В этих стихах отвлеченность совмещается с нарочитой усложненностью и искусственностью образа.

Но уже в самой ранней лирике Светлова подчас отчетливо заметны и характерные для его позднейшего творчества черты и особенности — сочетание мотивов возвышенно патетических с самой обыденной повседневностью, подмеченной острым и проницательным, иронически прищуренным взглядом,— что не позволяет и самой романтике оторваться от земли.

Так, в «Стихах о ребе» (1923) высокая патетика неожиданно сменяется комическими подробностями быта, не случайно попавшими в поле зрения наблюдательного поэта:

Помню, о чистилище и рае
Говорил мне выцветший Талмуд.

Старый ребе говорил о мире.
Профиль старческий до боли был знаком...
А теперь мой ребе спекулирует
На базаре прелым табаком.

Первые стихи М. Светлова нередко отмечены некоторой отвлеченностью и недостаточной самостоятельностью в осмыслении происходящего, но вскоре это уже не могло удовлетворить

поэта. Он перешел к созданию произведений иного характера — гораздо более самобытных, определявших его особое лицо, верных действительности, как он ее сам наблюдал, хотя на первых порах его восприятия и переживания подчас носили односторонний, а то и крайне мрачный характер. Он увидел, что современная действительность совсем не так проста и «однозначна», как ему казалось. Она предстала перед ним со всею противоречивостью, особенно обострившейся в годы нэпа, оживления частного капитала и частника, вообразившего себя хозяином жизни и еще не видевшего своей исторической обреченности. Поначалу М. Светлов не понял необходимости нэпа, а поэтому и не принял его, увидел в нем лишь отступление от высоких идеалов и целей, вдохновлявших людей в годы гражданской войны. Это и породило у него настроения безнадежности, с особенной силой сказавшиеся в поэме «Ночные встречи» (1924) — одном из самых трагических произведений М. Светлова.

В этой поэме сугубо личные переживания М. Светлова, вызванные добровольным уходом из жизни его друга — молодого поэта Николая Кузнецова, соединились с горечью восприятий гораздо более широкого характера, ибо поэт еще не видел в нэпе ничего, кроме сдачи тех позиций, ради утверждения которых люди свершили столько подвигов. Бродя по улицам Москвы, наблюдая повседневное и упорное строительство, начатое с самого малого и неприметного, поэт с опаской внушал себе и своему читателю:

...Нынче не то, что у нас в степи,—
Вольно нельзя жить.
Строится дом, и каждый кирпич
Хочет тебя убить.

Сам Светлов вскоре признается в стихотворении «Пирушка», впервые опубликованном журналом «Октябрь» — в номере, выпущенном к десятилетию Великой Октябрьской революции: [1]

[1] Впоследствии М. Светлов переработал это стихотворение. *(Прим. ред.)*

Я не раз спотыкался,
Товарищ начдив,
Но клянусь,
Что с дороги твоей не сойду,
Над пылающим знаменем
Стих водрузив!

И действительно — хотя поэт (в своем творчестве тех лет) не раз «сбивался» с дороги, «спотыкался», но верность «пылающему знамени» революции никогда не покидала его — и рано или поздно всегда выводила на ту единственно надежную дорогу, которая вела к великому будущему, к борьбе за него.

Если первые произведения М. Светлова встречали положительную оценку, даже и в «напостовской», весьма суровой и придирчивой, критике, отмечавшей, что в «Стихах о ребе» Светлов умеет «сопоставить старое и новое, отживающий и нарождающийся мир...» [1], то вскоре положение изменилось,— появляющиеся в печати (особенно после опубликования в альманахе «Перевал», № 2, безнадежно трагического по своему тону стихотворения «Николаю Кузнецову») его произведения стали подвергаться крайне резкой критике.

Так, в журнале «Октябрь» [2] утверждалось: «Мы уже привыкли к надрывным, проклинающим и жадно смакующим мрачные стороны нэпа стихам...»,— и М. Светлов был отнесен к их создателям. Поэму же «Ночные встречи» (да и весь третий сборник «Перевала») критик рассматривал как «кривое зеркало», искажающее современную действительность.

Нельзя сказать, что острая критика, какую встретил поэт, была во всем несправедлива, но она носила во многом огульно отрицательный, а то и явно предвзятый характер. Она обрушивалась не только на ошибки и промахи поэта, но и на самые основы его творчества, на его романтический пафос и гуманизм,

---

[1] «На посту», 1924, № 1.
[2] «Октябрь», 1925, № 1, 9.

стремление запечатлеть действительность во всей ее подлинности (не подчиняясь заранее заданным догмам и схемам). Такая критика вызвала самый решительный и язвительно гневный отпор поэта.

В борьбе с критиками пролеткультовского, рапповского, лефовского и других направлений, пытавшихся навязать писателям и поэтам своего времени сугубо сектантские, узкоутилитарные, не выходящие за пределы плакатности и «фактографии» представления об искусстве и литературе, М. Светлов и рождался как самобытный поэт — со своими определенно выраженными чертами и особенностями. В этой борьбе он обнаружил себя не только как художник, стремящийся сочетать в своем творчестве романтику и реализм, но и как острый сатирик, умеющий обнаружить самые слабые и уязвимые места своих оппонентов и противников, нападающих на него с резкими, но не всегда справедливыми обвинениями.

Многие стихи, написанные М. Светловым в то время, отвечали духу этой острой и напряженной полемики с литературными противниками, в адрес которых направлены такие произведения, как «На море», «Призрак», «Клопы», «Старушка» и многие другие.

В этих произведениях поэт ведет упорную борьбу с ревнителями и пособниками всяческого упрощения и обеднения искусства, с теми вульгаризаторами и «ортодоксами», которые пытались зачеркнуть самые основы и направленность его творчества (будто совершенно чуждого законам и интересам нашего современника!); эти критики кричали ему (как с иронической улыбкой сообщает он в стихотворении «На море», 1925):

— Ты погиб, молодой поэт! —
Дескать, пробил последний час
Оторвавшемуся от масс!

Сам-то «молодой поэт» — как бы подчас его ни качало в открытом море — море самой действительности,— испытывал такой

прилив новых творческих и неукротимых сил, что меньше всего чувствовал себя «погибшим» и задорно возражал своему критику:

Ветер с лодкой вступил в борьбу,
Я навстречу ему гребу,
Чтоб волна уйти не смогла
От преследования весла.

В стихотворении «На море» М. Светлов противопоставлял искусству схематичному, мертворожденному огромные возможности искусства иного склада, полного жизни и страсти, всего могущества человеческого бытия, подчас грозного и опасного, что и воплощено в образе бурных и безудержных волн. И разве можно бороться с ними, если занять позицию «у берега на посту» и ограничиться окриками и благими увещеваниями?!

В те годы иные теоретики и догматики от эстетики ставили под сомнение романтику, объявляли ее чем-то чуждым нам, идеалистическим по своей сути, и подобный подход к искусству, угрожавший многообразным возможностям его развития, не мог не встревожить М. Светлова (воспитанного на сочинениях Гейне и Гоголя!), не породить у него иронии, а вместе с тем и горечи.

Вот что побудило поэта написать такое стихотворение, как «Похороны русалки» (1927) — той самой, которая (согласно эпиграфу, взятому из Лермонтова) некогда хотела «доплеснуть до луны серебристую пену волны» и являлась воплощением красоты жизни и чудотворной силы искусства. А ныне, иронизирует поэт, нет места никаким русалкам и прочим призракам, а тем более — идущим из старины! Поэту только и остается, что похоронить русалку, а вместе с нею и породившую ее романтику:

Подводных глубин
Размеренный ход,
Качающийся гроб —
Романтика в забвенье.
А рядом
Величавая

Рыба-счетовод
Высчитывает сальдо —
Расход на погребенье.

Только эта деловитая и чуждая любым фантазиям и сентиментальностям «рыба-счетовод» оказалась на высоте, ей ничто не угрожает, она может пригодиться и в том прибрежном кооперативе, до которого ныне доплескивает «серебристая пена волны».

Но и эти стихи пронизаны такой неугасимой верой в романтику и ее бессмертье, что и в них сквозь горечь проступает непобедимая улыбка, а поэт подсказывает своему читателю — какой бедной и убогой была бы жизнь, если б из нее исчезли те чудесные и сказочные создания народного гения, какие издавна отвечали его жажде истины и красоты, его исканиям и стремлениям... Значит, романтика жила в этом стихотворении, и сам его создатель свершил немало для того, чтобы вдохнуть в нее новый дух, придать ей новые крылья.

В то время иные рапповцы стремились зачеркнуть поэзию, отображающую человеческий мир во всем его богатстве и многообразии,— да и вообще все, что не вмещалось в узкие рамки их догм и схем. Они утверждали, что «раз поэт написал стихотворение о любви к женщине, или о любви к сыну, или о природе,— значит, он впал в идеологический уклон, потому что, мол, недопустимо писать о таких чисто личных чувствах» [1]. А Светлов, неоднократно сталкивавшийся с подобными инвективами, решительно оспаривал примитивность и ограниченность таких представлений о внутреннем мире человека, о сущности и назначении искусства современности. В полемическом азарте он создал стихотворение «Старушка» (1927), в котором шутка и ирония также обретают острополемическую направленность.

Это стихотворение, для героини которого даже путешествие по улице «с правой на левую сторону» — целое событие,— могло

[1] «Октябрь», 1925, № 3-4.

бы прозвучать слишком сентиментально, если бы не сатирическая концовка, нацеленная в литературных оппонентов:

Товарищ! Певец наступлений и пушек,
Ваятель красных человеческих статуй,
Простите меня — я жалею старушек,
Но это — единственный мой недостаток.

И сколько в этой просьбе о прощении убийственной иронии в адрес тех критиков, которые не признавали в искусстве ничего, кроме риторических восклицаний и плакатных красок, а потому и готовы были заподозрить нечто чуждое и даже враждебное в любом подлинно человеческом чувстве!

Следует подчеркнуть, что всякого рода «ваятелям красных человеческих статуй», не признававшим в искусстве никаких красок, кроме плакатных, поэт противопоставил не только иронические и сатирические выпады, но и нечто более значительное: правдивые, внутренне богатые, романтически приподнятые и словно бы подсмотренные в самой жизни, а потому необычайно самобытные и неповторимые *образы своих современников*.

Эти образы утвердили правоту поэта в его борьбе со своими противниками и оппонентами.

Поэт воочию видел, как преображается страна в ходе огромной перестройки, как на авансцену истории выходят новые герои — созидатели и труженики, какие перед ними открываются широчайшие перспективы. Это породило и укрепило у поэта чувство того подлинно исторического оптимизма, какой с особой выразительностью сказался в стихотворении «Живые герои» (1927).

В нем поэт затевает озорной спор с классиками, зачастую не видевшими для своих героев — в их слишком тяжелой и трагической жизни — иного исхода, кроме смертельного.

Толчком паровоза,
Крутым колесом
Убита Каренина Анна...

А поэт, уже успевший воспеть в своей лирике немало «живых героев» иного склада, задорно возглашает:

Я сам лучше кинусь
Под паровоз,
Чем брошу на рельсы героя.

Вот так должен поступать «настоящий писатель»,— и все это сопровождается острым и веселым «светловским» юмором («...с первой страницы // Героев начну // Ремеслу обучать // И сам помаленьку учиться»). Но есть у поэта и своя «сверхзадача»: раскрыть новаторский характер нашей литературы, требующей от писателя и новаторского решения встающих перед ним задач, связанных с великой борьбой за то будущее, которое зависит только от нас. Конечно, эта борьба требует от «живых героев» Светлова готовности к любым испытаниям и жертвам, может быть — и всей жизни, но и самое бессмертие они видят в своей кровной связи с делами и подвигами народа.

Здесь, конечно, прежде всего необходимо говорить о герое «Гренады» (1926), который давным-давно перешел за пределы нашей страны и завоевывает миллионы сердец во всем мире. В стихотворении счастливо найдено и воплощено в каждой строке, каждом образе сочетание широчайшей, в пределах всей земли, интернациональной темы с неповторимым характером героя — «мечтателя-хохла», простого малограмотного парня, который вычитал в какой-то книге доселе незнакомое слово «Гренада», ответившее его самым высоким и романтическим устремлениям, и пошел на великий бой и свершает героические дела, охваченный неутомимой жаждой «...землю в Гренаде крестьянам отдать...».

В глазах этого украинского хлопца борьба за участь родного края, за судьбу своего народа неразрывно сливается с борьбой за судьбы трудящихся всего мира,— и, даже озирая «родные края», он поет все одну и ту же песню, запавшую в сердце:

«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

В ней утверждается его незыблемая верность своей наивной, а вместе с тем возвышенной и великой мечте, ради которой он идет на подвиги и испытания.

Эта верность мечте, претворяемой хотя бы и ценой самой жизни, стала пафосом не только стихотворения «Гренада», но во многом и всего творчества М. Светлова.

Образ мечтателя-бойца возникает перед нами как удивительно живой, полнокровный и многогранный, внутренне цельный и неповторимо своеобразный — в каждой своей черте и примете. А потому его мечта, ради осуществления которой он готов заплатить — и заплатил — ценою своей жизни, при всей своей возвышенности и романтичности лишена каких бы то ни было черт отвлеченности.

Под стать «мечтателю-хохлу» герой стихотворения «В разведке» (1927), такой же отважный боец гражданской войны, простой и малограмотный парень, упорно допытывающийся:

— ...по-русски
Как Меркурия зовут?

Но и этот наивный и безответный вопрос говорит о такой же душевной широте лирического героя, о размахе его помыслов и стремлений, далеко выходящих за пределы каждодневных и зримых событий. Именно потому, что ему присуще чувство нерасторжимой связанности со всем окружающим, с судьбами всего народа, он с особенной глубиной и беззаветностью видит в этом и свое бессмертие, что и порождает его подлинно героические качества:

Лучше я, ночной порою
Погибая на седле,
Буду счастлив под землею,
Чем несчастен на земле...

Вот так понимают свое бессмертие «живые герои» М. Светлова, знающие, что оно — в победе общего дела, от которого зависит счастье народа и судьба всего мира.

Такою же героической романтикой отличается стихотворение «Рабфаковке» (1925); здесь постижение научных азов («так покорно легли листы завоеванного зачета») и подробности обычного быта («платье серенькое твое неподвижно на спинке стула») с подкупающей естественностью и непринужденностью сочетаются с героикой сражений за великое будущее, с самыми возвышенными и романтическими событиями и легендами веков:

Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели,—

и для нас очевидно, что и в любых других боях эти рабфаковки — «наши Жанны» — никому не уступят в своем мужестве и преданности великому делу революции.

Михаил Светлов в двадцатые годы рос как большой и самобытный поэт, в борьбе за утверждение социалистической поэзии создавая реальные, а вместе с тем и романтически возвышенные образы своих героев, рожденных эпохой, созвучных ее духу и пафосу. Эти «живые герои» стали не только достоянием истории советской поэзии, но и поныне сохранили всю свою неповторимость, все свое удивительное обаяние,— что и свидетельствует о значительности и художественной зрелости раннего творчества поэта.

В тридцатых годах многие стихи М. Светлова посвящены большой гражданской теме, отвечают требованиям новаторского искусства; об этом свидетельствует хотя бы «Песня» (1931), посвященная Н. Асееву и исполненная таких глубоких переживаний и раздумий, какие всегда высказывались М. Светловым посвоему, с неповторимой интонацией:

Ночь стоит у взорванного моста,
Конница запуталась во мгле...
Парень, презирающий удобства,
Умирает на сырой земле.

Здесь земля — не только ее ограниченный клочок, но и весь неизмеримый простор, вся родная страна, в борьбе за которую он отдал свою жизнь; вот почему так естествен и внутренне неизбежен переход от образа этого парня, «презирающего удобства» (о каких же «удобствах» могла идти речь в дни смертельных схваток с врагом?!), к далекому Кремлю, где великий вождь разрабатывает стратегию революционных схваток и сражений:

Юношу стального поколенья
Похоронят посреди дорог,
Чтоб в Москве еще живущий Ленин
На него рассчитывать не мог.

Но как бы ни были тяжелы испытания и жертвы на пути к победе,— она неотвратима, она торжествует. Не случайно стихотворение это завершается гимном молодости «в единственном числе», утверждением жизни — в таких прекрасных и неистребимых ее проявлениях и приметах:

Девушки ночами пишут письма,
Почтальоны ходят по земле.

Поэт сознает, что от добычи угля в Донбассе («Монолог», 1932) зависит судьба земли, по которой «идут большевики», и он так же соединяет повседневное с историческим и непреходящим:

Скоро ночь,
А Горловка не спит:
По земным артериям глубоким
Бродят коммунисты и шахтеры
Повышать земли температуру
Убыстренным пульсом вагонеток.

Для поэта очевидна и несомненна связь шахтерского труда с великими планами переустройства всей земли.

Среди стихов этих лет все явственнее и та лирическая фантастика, которая впоследствии будет так много означать в творчестве М. Светлова, а сначала скажется в его проникновенно-

любовной «Песенке» (1932), где поэт, дабы уберечь свою возлюбленную «от пыли дорожной»,—

...на руки взяв осторожно,
На облако я усадил.

Все во власти поэзии, нет перед ней никаких преград и пределов, а потому и сам поэт чувствует себя всемогущим чудотворцем, который может выполнить все, что только ни пожелает его любимая:

Сегодня я отдал ей целое небо,
А завтра всю землю отдам!

И это поэтическое ощущение, что вся земля и небо могут стать нашим достоянием, явится сутью и пафосом всей лирики М. Светлова.

Произведением, прозвучавшим на многие годы и десятилетия, явилась его «Песня о Каховке» (1935).

Каховка, Каховка — родная винтовка...
Горячая пуля, лети!
Иркутск и Варшава, Орел и Каховка —
Этапы большого пути...

Особенно запоминались заключительные слова этой песни:

Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути! —

и разве можно было не повторять эти слова многократно, особенно в годы Великой Отечественной войны,— так глубоко они ответили духу и характеру нашего народа.

Поэтическое творчество М. Светлова нельзя рассматривать как сплошной подъем, как цепь одних лишь удач. Нет, были здесь и свои паузы, и даже явные просчеты.

Так, в тридцатых годах поэт, захваченный огромными свершениями народа, превращающего отсталую страну в передовую

индустриальную державу, стремился запечатлеть их в своем творчестве, но не всегда художественно безупречно.

У него нередко появлялись стихи о таких героях нашей современности, как строители, металлурги, нефтяники, но их образы лишены порою тех неповторимых черт и примет, какие могли захватить читателя, взволновать его,— чего-то самого важного и впечатляющего им явно не хватает. Подчас такие стихи отвечают всего лишь газетной теме и юбилейной дате,— как это мы видим в стихотворении «Красная площадь» (1931):

Героев полей,
Бойцов индустрии
Выстраивается парад.
Качая станиной,
Блюминг идет,
Встали в строй дизеля,
Нефтью бьет,
Углем шебуршит,
Пшеницей шумит земля.

Такие стихи, в которых преобладала плакатность, декларативность, не удовлетворяли массового читателя,— да едва ли они могли удовлетворить и самого автора, творчество которого являлось новой и неповторимой главой в истории советской поэзии.

Во второй половине тридцатых годов М. Светлову стало тесновато оставаться в пределах одной лишь поэзии; он почувствовал в себе рождение драматурга,— что вызвало вместе с тем и новый подъем его лирики, ставшей важной и неотделимой частью пьес; взятые вместе, они и создали особый «театр Светлова»,— и это определение не случайно, оно оправдано присущим ему своеобразием, решающим образом повлиявшим и на всю их структуру. Следуя заветам и закономерностям избранного им жанра, М. Светлов вместе с тем полностью включает сюда

все, открытое им в области лирики, что и составляет особенность его драматургии.

Пьесы Светлова сюжетно стройны, организованны, действие их, позволяющее героям раскрыться с наибольшей полнотой и многогранностью, развивается слаженно и стремительно; в пьесы вторгаются целые потоки стихов и песен, без которых нельзя себе представить ни действующих лиц, ни их поступков.

Для Светлова-драматурга характерно лирически-взволнованное, несколько приподнятое изображение реальной действительности, ее героев, подчеркнутое изъявление их высоких качеств, рождающихся и закаляющихся на наших глазах в особо трудных обстоятельствах, взывающих к упорству и мужеству. Его герои преодолевают любые препятствия и самые опасные испытания — и осмысливают значение своего подвига и всей своей жизни в связи с судьбами всего мира, с самыми знаменательными событиями истории, непременными участниками которой они себя чувствуют. Вот почему их обыденная и прозаическая речь постоянно перебивается стихами и песнями, отвечающими их самым сокровенным чувствам и заветным помыслам.

В первой своей пьесе, «Глубокая провинция» (1935), поэт еще только намечает контуры своего особого «театра». Пьеса посвящена преображению нашего сельского хозяйства на новых, коллективистских началах. Ее герои — это работники наших колхозов и совхозов, на плечи которых легли новые и необычайно трудные задачи, какие они успешно решают, борясь с выпавшими на их долю испытаниями.

В пьесе немало веселых диалогов, острых ситуаций, живых картин, свидетельствующих о том, как захвачен поэт пафосом преображения страны, образами своих героев. Но нельзя не заметить, что здесь поэт еще только приобщается — и далеко не во всем уверенно — к доселе чуждому ему жанру, да и избранному им материалу сельской жизни.

Иной характер носит пьеса «Сказка» (1938). В ней чудесное и необычайное входит на порог обыкновенного дома, песня и

лирика становятся теми неотъемлемыми и крайне важными сюжетными мотивами, без которых действие пьесы не могло бы развиваться с такой естественностью и непринужденностью. А сами персонажи — среди житейских забот и опасных испытаний — остаются верны тем возвышенным, романтическим устремлениям, без каких нельзя представить лирических героев поэзии Светлова.

В пьесе действуют романтические герои, стремящиеся ценою любых испытаний и жертв найти необходимые стране золотоносные жилы и россыпи, а рядом с ними — отъявленные злодеи, всячески пытающиеся сорвать их планы и замыслы; это определяет сюжетную напряженность пьесы, ее драматические события. Впрочем, когда они принимают слишком трагический характер, автор спешит подчеркнуть условность происходящего, не дающую зрителям повода для слишком горестных переживаний.

В этой пьесе мы узнаем почерк поэта, верного своим творческим началам и не изменившего себе даже в драматургическом жанре:

Веселее, друзья, глядите!
Первым делом — не унывать!..
От студенческих общежитий
До бессмертья — рукой подать!

И действительно, для героев пьесы «Сказка», рядовых и с виду мало чем заметных обитателей «студенческих общежитий», это не только слова, но и основа всей их деятельности, суть самой жизни; вот почему они свершают такие невероятные подвиги.

Несколько иной и более реальный характер носит пьеса «Двадцать лет спустя» (1939). В ней также немало сказочности и условности, слышится перекличка с «Тремя мушкетерами» Дюма, вдохновляющими юных героев пьесы на отважные дела и поступки; но они совершают подлинные подвиги, какие совершались комсомольцами в годы гражданской войны, и если по

ходу пьесы проливается кровь, то автор уже не подчеркивает, что все это выдумка и условность. Нет, он уже оставляет героев лицом к лицу со зрителями, которые воспринимают события, развертывающиеся на их глазах, как реальные и доподлинные — при всей их невероятности и романтизме, а то и трагичности.

В прологе пьесы «Двадцать лет спустя» автор говорит о том, о чем говорили и многие его стихи, пронизанные пафосом комсомольской юности, героики гражданской войны:

Повторяется юность заново
Очень трогательной, чуть смешной,
Будто в детском театре занавес
Раскрывается передо мной...—

и для нас очевидно, что героический пафос, каким пронизана пьеса, мог бы прозвучать слишком возвышенно и даже риторически, если бы не сочетался с «чуть смешной» юностью, которая еще пренебрегает всем житейски непреложным и расплачивается за это пренебрежение порою слишком тяжелой ценой: этим определяется правдивость пьесы, психологическая углубленность образов ее героев. И нельзя создать о драматургии второй половины тридцатых годов достаточно полного представления, минуя «театр Светлова».

Началась Великая Отечественная война,— и хотя поэт (как сообщает он в автобиографических заметках) был освобожден от военной службы, он не мог остаться в стороне от участия в тех огромных и грозных событиях, от исхода которых зависела судьба родной страны. М. Светлов стал политработником, сотрудником военной прессы, испытал на фронтах те же опасности, как и миллионы наших солдат, со всею присущей ему мужественностью. В 1941 году он был корреспондентом газеты «Красная звезда» в Ленинграде, затем в армейских газетах —

«На разгром врага» и «Героический штурм». Он писал стихи, очерки, корреспонденции.

В начале войны поэт опубликовал небольшую книгу «Отечество героев» [1], в которой говорил:

Пусть полчища вражьи налезли,—
Дадим мы достойный ответ!..

В ином — и более самобытном — ключе создана поэма о Лизе Чайкиной, отважной партизанке, отдавшей свою жизнь в борьбе с врагом,— здесь глубоко высказана непреходящая скорбь поэта и его гордость за свою героиню, человека большой мечты и неколебимого мужества. Поэту необычайно дорога каждая подробность, любое событие ее короткой и прекрасной жизни — от радостного начала до скорбного завершения.

Может, образ твой издалека
Слабым светом песня освещала,
Но дышала каждая строка
Воздухом, которым ты дышала!

В поэме психологически проникновенно раскрываются истоки героизма, который вел на самые большие опасности и смертельные испытания таких девушек,— вчерашних школьниц! — как Лиза Чайкина.

М. Светлов посвятил цикл стихов и подвигу двадцати восьми гвардейцев-панфиловцев.

Он пишет об их испытанном в боях мужестве, о непреклонной решимости бороться с ожесточенным врагом,— и пусть эта борьба стоила им самой жизни, поэт знает, что

Бессмертье встает в карауле,
Когда умирают гвардейцы! —

и стремится передать их величие и простоту, вдохновляющие их помыслы и чувства, и их ответственность за каждый свой шаг.

---

[1] «Советский писатель», 1942.

А вскоре М. Светлов написал одно из самых примечательных в лирике времен Великой Отечественной войны стихотворений — «Итальянец» (1943), и поныне живое и действенное каждым своим образом, каждой строкой. Оно словно бы продиктовано всем ходом событий на фронте, а вместе с тем отвечает глубоким раздумьям и интернациональным устремлениям, какие присущи нашим людям.

Свидетель и участник войны, поэт, обращаясь к поверженному на поле боя противнику-итальянцу, делится теми сокровенными признаниями, какие едва ли смогут не разделить и его читатели:

Я, убивший тебя под Моздоком,
Так мечтал о вулкане далеком!
Как я грезил на волжском приволье
Хоть разок прокатиться в гондоле!

Да, Италия не раз возникала в его мечтах как страна дивной красоты и бессмертного искусства, прославленного в веках и тысячелетиях, но разве мог он прийти с пистолетом «отнимать итальянское лето»?!

Словно бы невольно погруженный в глубокие раздумья о смысле жизни, о правде и справедливости, о характере развязанной врагами захватнической войны, поэт стремится постигнуть, что же произошло с этим итальянцем, как он смог позариться на чужую землю и ее достояния, не им созданные:

Нашу землю — Россию, Расею —
Разве ты распахал и засеял?

И сам собою напрашивается прямой и неоспоримый ответ:

Нет! Тебя привезли в эшелоне
Для захвата далеких колоний,
Чтобы крест из ларца из фамильного
Вырастал до размеров могильного...—

а иного креста не заслуживает тот, кто пришел на нашу землю с хищническими помыслами!

Трудно понять психологию захватчика,— так она чужда нашим людям! Но из всех раздумий поэта — скорбных, а вместе с тем высоких и ясных, неотвратимо, неизбежно рождается непоколебимое чувство святости подвига советского солдата, незыблемой и суровой правоты его героических дел и свершений.

От его имени поэт и выносит окончательный приговор тому, кто пришел на наши земли с коварными и безнадежными замыслами:

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей!

И пусть уже целые десятилетия миновали со дня написания этого стихотворения, созданного в самый напряженный и переломный год войны,— оно несет в себе неизгладимый отпечаток тех грозных и славных дней, живет во всей своей значительности и первозданной свежести и поныне. В нем нельзя не расслышать отзвука того подлинного гуманизма, какой соединяет утверждение правды и справедливости с непримиримостью к насилию и агрессии.

Следует напомнить, что и довоенные стихи и песни Светлова также были приняты в годы войны на вооружение, сражались заодно с другими, вдохновлявшими наших солдат на подвиги,— именно об этом говорит Ольга Берггольц в посвященном Михаилу Светлову стихотворении:

...мы, как надо,
Как Родина велела — шли в бои.
И с нами шли «Каховка» и «Гренада»,
Прекрасные ровесники твои...

Так оно и было, и «военная свирель Светлова» (как сказано в том же стихотворении) не замолкала в годы войны, воодушевляя многих и многих своим вдохновенным призывом и героическим пафосом.

Великая Отечественная война завершилась,— и поэт снова вернулся к тем лирическим темам и мотивам, где такая значительная роль принадлежит романтике и фантастике, но и эта фантастика словно бы пронизана гулом только что отзвучавших боев, победоносных сводок и по-своему отвечает на них.

Поэту представляется чем-то совершенно очевидным и несомненным, как говорит он в стихотворении «Возвращение» (1945), что

Ангелы, придуманные мной,
Снова посетили шар земной.
Сразу сократились расстоянья,
Сразу прекратились расставанья,
И в семействе объявился вдруг
Без вести пропавший политрук,—

объявился потому, что его дело и слово не подвластны умиранию, а если так — бессмертие становится и его необыкновенным уделом. И пусть нас не смущает, что ангелы и политрук — образы и понятия, казалось бы, совершенно чуждые друг другу,— и даже взаимоисключающие! — запросто соседствуют в этом стихотворении: в том мире чудесного, какой возникает в стихах Светлова, возможны и вполне закономерны и самые невероятные встречи и события!

Поэт вернулся с войны умудренный, изведавший большие испытания; теперь он с настойчивостью подчеркивает значение лирики — и лирического начала — в жизни людей, как читаем мы в том же «Возвращении»:

...надо, чтобы поколенью
Мы сказали нужные слова
Сказкою, строкой стихотворенья,
Всем своим запасом волшебства...—

и отныне к этому неисчерпаемому запасу, тем более богатому, чем беззаветнее делишься им с окружающими, неустанно возвращается поэт.

Такими стихами, необычайно знаменательными в лирике М. Светлова, открывается новая — послевоенная — ее глава, в которой с наибольшей полнотой сочетаются быль и сказка, внимание к подчас мало чем примечательной действительности и неотступная устремленность в будущее. Здесь поэт с особой углубленностью вторгается во внутренний мир человека, не отводит от него своего пристального и пристрастного взгляда, неразрывно связывая ту красоту, какой только что угрожали самые большие опасности, с незыблемыми основами правды и справедливости.

Об этом и свидетельствуют последние книги его стихов — «Горизонт» и «Охотничий домик», отвечающие и предшествующим произведениям, а вместе с тем несущие с собою и нечто новое, какое-то светоносное начало, как бы пронизывающее эти книги.

Оно заметно и в широте замыслов, и в окрыленной человечности, отвергающей какие бы то ни было пределы в своих возможностях, а потому и родственной романтике и фантастике, и в специфически «светловском» юморе.

Все это и многое другое свидетельствует о новом и очевидном подъеме его творчества.

Один из тех нерушимых заветов, с какими поэт обращается к своим собратьям — художникам,— да и не только к ним! — заключается в том, чтобы не измельчиться самим и не измельчить свое творчество, чтобы не утратить широту замыслов и свершений, говорить с читателями о самом важном и значительном,— что должно откликнуться не только сегодня, но и во всей жизни человека:

Для поколенья, не для населенья,
Как золото, минуты собирай,
И полновесный рубль стихотворенья
На гривенники ты не разменяй.

(«Бессмертие»)

И против такого «размена», за то, чтобы сохранить и воспитывать у людей чувство своего богатства, за верность зову и устремленности «коммунистической волны» неутомимо и настойчиво борется поэт.

По-прежнему его влечет даль, по-прежнему с неодолимой силой тянет его убегающая черта горизонта, манящая и недосягаемая,— и поэту видится, какие невероятные открытия можно свершать в своем неутомимом стремлении к нему — хотя бы и недостижимому:

Горизонта нет, но есть просторы!

На этом никогда не завершающемся пути все время открываются новые края — и один вывод напрашивается у поэта:

Все далекое ты сделай близким,
Чтоб опять к далекому идти!

Нигде с такою ясностью не выражен пафос новых книг поэта, как именно в этих строках.

Последняя, подготовленная к печати самим поэтом (хотя и вышедшая в свет после его смерти) книга М. Светлова «Охотничий домик» — это и воспоминание о комсомольской юности, и раздумье о будущем, и та широта философских и гуманистически высветленных размышлений, какие могли утвердиться только в зрелые годы, уже помогающие уяснить смысл прожитого; это и итог больших жизненных испытаний и уроков глубоко личных, а вместе с тем связанных с судьбами всего народа, трудными годами его истории.

В книге утверждается доброе начало «для людей, для земли, для небес», словно бы освещающее все окна его «Охотничьего домика», из которого никто не уйдет обиженным и обездоленным. Здесь даже и звери обретают добродушные и почти человеческие черты, вот почему поэт и утверждает: «Никого я из них не убью!»

Гуманное начало, пронизывающее весь «Охотничий домик», могло бы показаться подчас слишком аморфным и даже сентиментальным, если бы не присущая поэту нетерпимость ко всякой несправедливости, ограниченности, ко всему косному и отсталому, что еще есть в жизни и мешает борьбе за великое и прекрасное будущее.

В стихотворении «Чувства в строю» (1958) он пишет:

Любовь — не обручальное кольцо,
Любовь — это удар в лицо
Любой несправедливости!

Именно такую любовь к людям провозглашает поэт, глубоко постигая и то, что она вместе с тем означает и страстную ненависть ко всему чуждому и враждебному нам.

Современная действительность открывалась перед поэтом в двух мирах — в ее настоящем и в том будущем, какое постоянно и неизменно претворяется в живую явь уже и сегодня,— вот почему в его глазах

И начался совсем обыкновенный
И необыкновенный день...—

необыкновенный именно потому, что в нем уже и сегодня начинает сбываться то, о чем недавно можно было только мечтать. Но и сама эта мечта — особого рода, она не оторвана от реальной действительности, а близка ей, состоит с ней в прямом и кровном родстве. Только такую романтику признавал поэт! В его глазах выдумка, фантастика, сказка становятся одним из самых знаменательных и определяющих мотивов — и в его стихи запросто влетают бабочки и входят трехгорбые верблюды, а Золушки и Гарун аль Рашиды навещают поэта.

«Здравствуй, сказка!» — радостно обращается он к своей старой и доброй подруге, у которой подмечает те черты, какие особенно близки и дороги ему; он знает и видит, что «мир полон ворожбы» (хотя далеко не всегда мы это замечаем!). Надо только не проглядеть того прекрасного и необычайного, что по-

рою прячется в одеяния самые скромные и неприметные, и поэт стремится внушить своим читателям чуткость, зоркость, проницательность.

Утверждая высокие нравственные начала, как неотъемлемые от настоящего человека, он чуждался какой бы то ни было дидактики и нравоучительности, а если давал «указание» (так называется одно из стихотворений), то оно сводится к тому, чтобы

...без премий, без всякого жалованья
Сделать всю детвору на дворе
Капитанами дальнего плаванья...—

ответить их самым большим мечтам, всецело захватить их таким «указанием», чтобы и сами ребята, безусловно поверив в него, настойчиво спрашивали у поэта:

«Дядя Миша! Ты сделаешь нас
Хоть какими-нибудь капитанами?» —

и для них это теперь уже не только увлекшая их мечта, но и то главное и настоящее дело, какому можно посвятить всю свою жизнь! И так оказывается, что сказка — это не только сказка, а и

...верный помощник
При созданье реальных вещей.

Светлов решительно заявлял, что назначение поэта не только в том, чтобы вносить красоту в нашу порой неприглядную действительность, но чтобы и преображать ее, заставить ее ответить самым заветным мечтам человека. Ничто не в силах заменить поэзию,— и потому с такой настойчивостью звучит обращение поэта к своему собрату по перу:

...без стихов ни с чем не справиться,
Им всем поэт необходим...—

необходим именно потому, что без его творчества и само будущее может утратить свою притягательность и красоту.

Вполне понятно и то, почему у поэта, издавна верного фантастике, сказке, неотступно напрашивается вопрос: насколько они в его творчестве верны реальной действительности, способствуют ли ее возвышению и преображению, иначе они меркнут в его глазах, обращаются в некую мертворожденную «творимую легенду», каких немало сочиняли и в былые времена и какие были чужды духу и требованиям подлинной жизни.

Как я жил? Что я делал на свете?
Смог ли сказку я в быль превратить?

И если не сумеешь ответить на этот вопрос — значит, ты слишком нерадиво относишься к своему долгу и чего-то самого важного не сумел выполнить. Вот почему поэт стремился придать своему творчеству действенность созидательной и преобразующей силы, что он и подчеркивал страстно и настойчиво во многих своих стихах:

Пригодись, моя сила,
Для слабых людей,
Пригодись, мое сердце,
Для светлых идей.
Пригодись молодым,
Мое множество лет,
Пригодись, пригодись,
Пригодись, мой рассвет!

Не случайно в самом конце своей жизни поэт заговорил о своем рассвете как о начале того будущего, какое уже сегодня открывалось ему в делах и помыслах своих современников.

Вместе с чувством зрелости, подведения неких необычайно значительных итогов, возникала в его стихах и особая психологическая глубина. Так, утверждением ничем не ограниченной щедрости, не стесняющейся близостью с романтической выдумкой, звучат стихи, обращенные поэтом к своей подруге и могущие представиться слишком уж фантастическими, если бы

не их проникновенная правдивость, верность большим и непосредственным переживаниям, захватившим поэта:

Все ювелирные магазины —
они твои,
Все дни рожденья, все именины —
они твои...—

и многое, многое другое готов отдать ей поэт, без меры и без счета. Все это могло прозвучать лишь сугубой условностью и слишком возвышенным красноречием, если бы не пронизанная неподдельным и горьковатым чувством концовка, говорящая о том, что далеко не все готов отдать поэт своей подруге:

Весь этот город, все эти зданья —
они твои.
Вся горечь жизни и все страданья —
они мои...—

ибо «не затихает, не отдыхает любовь моя» — та любовь, какая готова все отдать и всем поделиться,— только не тою болью и не тою горечью, каких, наверно, немало испытал и пережил поэт, Так стихотворение, казалось бы, ограниченное пределами доброй шутки, внезапно обретает неоспоримую правдивость, верность большому и непосредственному чувству.

С такою же психологической углубленностью поэт в последних стихах раскрывает перед нами свой внутренний мир — в трудные дни, когда мысль о неизбежном и близком расставании не могла не захватить его. Но и здесь чувство юмора не изменило ему, как это мы можем заметить в одном из самых характерных и знаменательных его произведений — из тех, в каких сочетаются трагические переживания с непринужденной улыбкой:

Ну на что рассчитывать еще-то?
Каждый день встречают, провожают...—

провожают — как человека, с которым вскоре предстоит расстаться, и уже навсегда... Но и в эти часы поэт не может удер-

жаться от иронии, адресованной уже самому себе,— от постоянной и неизменной своей спутницы, утешавшей его в самые трудные минуты, не покинувшей и теперь:

Кажется, меня уже почетом,
Как селедку луком, окружают.

Но это уже тот горький лук, который вызывает не только улыбку, но и еле сдерживаемые слезы...

Последние стихи М. Светлова поражают не только глубокой откровенностью, с какою поэт раскрывал сложнейшие переживания, но и собранностью и мужественностью, неуступчивой и перед лицом смерти, не сумевшей заставить поэта забыть о своем верном и надежном оруженосце — улыбке, помогавшей скрашивать самые трудные испытания. Какая в этом выдержка, и как редко у поэта признание,— уже не сдобренное никакой улыбкой! — в том, что переживал он на самом деле:

Какой это ужас, товарищи,
Какая разлука с душой,
Когда ты, как маленький, свалишься,
А ты уже очень большой.

Сколько горечи в этом признании, и тут мы с особенной глубиной постигаем, чего стоила поэту эта правда, каким огромным напряжением всех внутренних сил давалась ему — давалась даже тогда, когда острая боль говорила о приближении последнего часа.

Но как ни трудно расставаться с друзьями, родными, близкими, со всем, что стало таким дорогим, и какие бы утраты ни ожидали нас, жизнь продолжается и не может остановиться,— и по-прежнему

Воины с винтовками идут,
Матери с детишками гуляют.

А если так, то и больничная палата, где лежит поэт, превращается в форт, откуда он, как и в былые годы, продолжает

ту борьбу за будущее, за преображение всей жизни, какая издавна поглотила все его устремления:

...пускай рядами фонарей
Ночь несет дежурство над больницей,—
Ну-ка, утро, наступай скорей,
Стань, мое окно, моей бойницей!

Этот призыв, обращенный поэтом к самому себе,— не только неожиданный и пылкий оборот речи, но и тот завет, какой воспринимается как исповедь. И с какою захватывающей силой звучат стихи, в которых чувствуется опыт и итог прожитой поэтом такой цельной и прекрасной жизни. Это — стихи надолго, и в них чувствуется героизм — подобный тому, какой ведал он и на поле боя.

Присущая М. Светлову молодость духа никогда, вплоть до последних дней жизни и творчества, не покидала его,— и она воплощалась для него в имени «Комсомол» и во всем том, что оно означает для наших современников.

Комсомольскими стихами начинался его творческий путь и песней о комсомоле, созданной незадолго до смерти, завершался,— той песней, в какой поэт сложил восторженный гимн комсомолу:

Постой, постой, ты комсомолец? Да!
Давай не расставаться никогда!

Словно подводя некие знаменательные итоги жизни и творчества, поэт делился со своим читателем самыми сокровенными признаниями:

Я радость добывал, и есть усталость,
Но голос мой не стих и не умолк.
И женщина счастливой оставалась,—
Я был поэтом, выполнил свой долг.

В этих гордых и спокойных строках слышится непреклонная уверенность в том, что подлинное искусство неотделимо от великого и благотворного воздействия на окружающих, на

всю их жизнь, созданную для счастья и устремленную к нему, а иного искусства поэт не признавал.

Я себя
  советским чувствую
    заводом,
вырабатывающим счастье...—

декларировал некогда Маяковский,— и Михаил Светлов, необычайно ему близкий и никогда не изменявший его заветам и традициям,— вслед за своим любимым поэтом скажет:

И если не радость и счастье,
То что же мне людям дарить?

Это и стало пафосом его творчества, что с неопровержимостью сказалось в «Стихах последних лет» (1957—1964), собранных уже после смерти поэта в одну книгу, удостоенную самой высокой награды — Ленинской премии.

После войны М. Светлов возобновил и активную работу в области драматургии, написал несколько пьес. Первая из них — «Бранденбургские ворота» (1945), созданная вскоре после завоевания великой победы, пронизана духом героики и романтики, опасных и решительных схваток с врагом, в каких проверялись и крепли замечательные качества наших солдат и офицеров,— и их образы обрели в пьесе особую жизненность и самобытность именно потому, что в них отозвался непосредственный боевой и житейский опыт поэта, делившего со своими героями все их опасности и испытания.

А один из героев «Бранденбургских ворот», казах Бекперген, становится героем пьесы — драматургической поэмы «Молодое поколение» («С новым счастьем», 1956), автор которой от геройских боевых сражений с врагом переходит к иной героике, связанной с борьбой за урожай. В пьесе утверждается и кровное родство поколений, делающих одно и то же общее дело, преданных одной и той же великой мечте.

Родство повседневного и сказочного, юмора и романтики побудило поэта с особой увлеченностью приняться за перелицовку известнейшей пьесы-сказки Карло Гоцци «Любовь к трем апельсинам», с ее невероятными выдумками и фантастическими приключениями. Именно для этой пьесы поэт сочинил стихи, по-своему раскрывая, что́ может означать для наших зрителей (особенно — юных!) любовь к «Трем апельсинам» — если разуметь под этими плодами земли нечто самое большое и прекрасное:

Мы повторяем вновь и вновь:
Мы — лучшая дружина...
Свобода, Верность и Любовь —
Вот кто три апельсина!

Конечно, этих слов и этих песен мы не найдем у самого Карло Гоцци (так же как и множества невероятных приключений, где роли героев классической пьесы переданы нашим школьникам и их учителям). Но у М. Светлова именно они отвечают заветным чувствам и высоким помыслам людей, и именно такое верное и нерушимое — в духе нашего времени — осмысленное сочетание «Трех апельсинов» является надежным залогом прекрасных свершений. Так и в переплавке пьесы «Любовь к трем апельсинам», необычайно увлекшей М. Светлова (что мог бы засвидетельствовать и автор этой статьи), он остался собой, тем лириком и романтиком, который стремился нести людям «радость и счастье» и в этом видел свое призвание и назначение.

Михаил Светлов известен не только как поэт и драматург, но и как опытный критик, воспитатель целых поколений литературной молодежи, как взыскательный учитель, уроки которого запомнились многим и многим его ученикам. Этому не могло не способствовать и то, что свои замечания и советы, утверждающие огромное общественно преобразующее и передовое значение искусства, поэт обычно выражал не в виде неких незыблемых аксиом и не подлежащих дискуссиям положений, а в остро-

умно-афористической речи, убеждающей и захватывающей слушателей своей неожиданностью, меткостью, глубиной. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться со сборниками статей, выступлений и высказываний поэта, изданными после его смерти и включенными в третий том настоящего издания.

Светлова, полного творческими, все более широкими и необычайными замыслами, в последние годы жизни тянуло и к прозе,— но какой-то особой, на грани иронии и фантастики, пронизанной духом того лиризма, какой мы ощущаем в последних книгах его стихов, где все невероятное и чудесное становится вполне естественным.

Именно об этом свидетельствует мечта поэта: «...написать повесть о том, как некий рубль разбился на десять гривенников, и о невероятных приключениях этих гривенников».

С этим замыслом связаны фрагменты его «Взрослых сказок» (к сожалению, незавершенных) и наброски к ним, характерные тем, что в них ординарная повседневность преодолевает тесные пределы наглядно зримого пространства, граничит с фантастикой и становится фантастикой.

Мы не знаем, как окончательно могла бы сложиться повесть о рубле, разбившемся на десять гривенников, но одно очевидно: своими «Взрослыми сказками» (как и другими творческими замыслами) поэт стремился раскрыть внутреннее и неизмеримое богатство советского человека.

Все то лучшее, что создано Михаилом Светловым за сорок лет его литературной деятельности, остается в истории советской поэзии как ее ценное достояние, как особая и незаменимая глава, и поныне сохранившая для современного читателя новаторское звучание и неповторимое значение.

Борис Соловьев

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ВИХРИ

Между глыбами снега — насыпь,
А по насыпи — рельс линии...
В небе дремлющем сумрак синий,
Да мерцающих звезд чуть видна сыпь.

Заяц вымыл свой ранний наряд
И привстал на задние лапочки
Посмотреть, как в небе заря
Разбегается красной шапочкой.

Дальний лязг застучал угрозой,
Вниз по насыпи заяц прыжком,
Увидал: за отцом-паровозом
Стая вагончиков поспешает гуськом.

Зазвенели стальные рельсы,
Захрипел тяжело гудок...
— Осмелься
И стань поперек!

...А там, где прошли вихри,
Прижавшись тесно друг к другу,
Рассказывал заяц зайчихе
Про вьюгу.

1921

ГОРОД

На большом перекрестке трамвайной сверкающей
линии,
Где кондуктор, спеша, проверяет билеты,
Ванька Синий
В первый раз увидал Лизавету,
Ванька Синий, больной, изнуренный венерик.
Всеми крохами чувств своих грязных безумно
влюбился...
Лизавета ушла в чьи-то жадно раскрытые двери.
С Лизаветою Ванька простился.
Там, где линии рельс загибаются вправо куда-то,
Ванька Синий попался, забравшись в чужие карманы.
Будет Ванька теперь щеголять в арестантском халате,
Будет плакаться пьяный...
Выйдет почью с парнями гулять Лизавета,
Милым полную грудь подставляя,
Там, где юркий кондуктор, спеша, проверяет билеты,
Где уходят паправо
трамваи...

1921

КОМСОМОЛ

1

Трубы, солнцем сожженные,
Хрипло дымят в закат.
Думаешь: легко Джону
У станка?

Льет завод расплавленный камень...
Видишь: молот — и ему лень...
Где же Джону с двумя руками
По двенадцать часов в день?

2

Джон в восемнадцать лет
Первый бунтарь в заводе...
Забастовочный комитет
Сегодня митинг проводит.

Мутно-свинцовую грязь
Трубы устали выбрасывать,
Сегодня в заводе праздник
Пролетарский,
Классовый.

3

Крылья зарев машут вдалеке,
Осторожный выстрел эхом пойман,
А у Васьки в сжатом кулаке
Пять смертей затиснуты в обойму.

В темный час ленивая изба
Красный флаг напялила с опаской...
От идущей нечисти избавь,
Революция антихристова, Ваську!

Под папахой мокнет черный чуб,
Бьется взгляд, простреленный навылет.
Сумерки, прилипшие к плечу,
Вместе с Васькой думу затаили.

Стынет день в замерзшей синеве,
Пляшет дружно хоровод снежинок,
Да читает окровавленный завет
Ветер — непослушный инок.

4

Джоном получен приказ
Собрать молодежь завода...
Каменной шее станка
Джон свои руки отдал.

Джона года
Ждали машины...
Если надо, душу отдаст
В порядке партийной дисциплины.

5

Месяц в небе задумчив и строг.
Стелет синий ковер на порог,
У порога месяц прочел
Незнакомое: «Комсомол».
Ветер гладит и чешет сосну,
Хорошо бы сосне соснуть...
Чью-то грусть сберегла тишина...
Хорошо бы Ваське узнать,
Хорошо бы винтовку с плеч,
Под лучи голубые лечь.

6

Джон и Васька вдвоем идут...
В пебе, на туче прохожей,
Пятигранную стелет звезду
Коминтерн Молодежи...

1921

МОИМ ДРУЗЬЯМ

Голодному и Ясному

Задыхались, спеша, на ходу мы,
Холод глянул в глаза Октябрю,
Когда каждый из нас подумал:
«Дай-ка вместе полюбим зарю!»
Вышла осень гулять за ворота,
Постучалась и к нам в окно,
А у нас под блузой работал
И стучал торопливый станок.
Вбились выстрелы скачущим боем
В убегающий пульс станка...
Мы пришли окровавить зарею
Засыпанный снегом закат.
Мы долго, мы долго стучали
В закрытую дверь Октября...
Скоро с пристани Завтра отчалим
Четверо — мы и Заря.

1921

РЕЛЬСЫ

Г. Ножницкому

I

Тухнет тающих туч седина,
Ночь приходит, убогая странница,
Бесконечной лентой луна
По чугунным рельсам тянется.
Выйди, маленький, стань у колес
И в бегущем огне каруселься,
Если вдруг захотел паровоз
Притянуть горизонт рельсами.
Только сумерок тихий пляс,
Только шепоты вечера раннего...
Выйди с рельсами в поздний час
Серебристую песню вызванивать.
Под колесами день умрет,
И доверчиво встретит вечер,
И запляшет колес хоровод
В убегающей четкой речи.
Стой и слушай, как рельсы звенят.
И смотри, как бегут колеса,
Как большие снопы огня
Вяжет ночь в золотые косы.
Молчи, и гляди, и жди,

И, к шпалам приникнув крепче,
Всё слушай, как пар гудит,
Как вечер про рельсы шепчет.

2

Пусть с неба туманные слезы
На грудь железную капают,—
Сегодня больному паровозу
В депо починили лапу.
Свирепо воткнет гудки
В низко нависшие тучи.
Сегодня машиниста замучают
Клокочущие паровики.

Запертый шумит огонь,
Чугунная поет свирель,
Сегодня железный конь
Сорвется с натянутых рельс.

Громыхая, промчится мимо
Уснувших в ночи огней,
Кидая пригоршни дыма
На пестрый подол полей.
Стоит и фыркает в небо,
И сумерки жмутся у ног,
И дико свободы требует
Запертый в клетку гудок.
Миг... и, покорный сигналу,
Сдвинет трубу набекрень
И помчится по серым шпалам
Догонять уходящий день.

3

Кинув вожжи в скучающий вечер,
Бронированная лошадка мчится,
Взметнулись рельсам навстречу
Деревни большими птицами.
Поднял посиневшие руки
Вечер над селами взмытыми;
По рельсам чугунные стуки
Отбивают стальные копыта.
Бежит и клокочет пламя
В стальном нахлобученном ранце,
Пока не заржет гудками
Прямо в ухо испуганной станции.
И снова и снова помчится
Туда, где, вспорхнув на рассвете,
Солнце огненной птицей
Бронированную лошадку встретит.

4

Утро тихо пришло с окраины
Лечь на бронь паровоза сердитого,
Подслушать, какие тайны
У трубы ветер выпытывал.
Расцвечен зарею восток,
Бежит паровоз и зябко
Кидает сердитый гудок
На церковь в буденновской шапке.
Гудка пересвист напевный
Петуху пересилить невмочь.
Бесшумно ушла из деревни
Убогая странница — ночь.
Лети, и бушуй, и осмелься

В час пробудившихся снов
Обнимать любимые рельсы
В аллее телеграфных столбов.
Смотри, как восток горит
Под тяжестью неба тяжелого,
И первым лучам зари
Подставь свою русую голову.

1921

РУСЬ

Хаты слепо щурятся в закат,
Спят дороги в беспробудной лени...
Под иконой крашеный плакат
С Иисусом спорит о спасеньи.

Что же, Русь, раскрытые зрачки
Позастыли в бесконечной грусти?
Во саду ль твоем большевики
Поломали звончатые гусли?

Иль из серой, пасмурной избы
Новый, светлый Муромец не вышел?
Иль петух кровавый позабыл
Запалить твои сухие крыши?

Помню паленой соломы хруст,
Помню: красный по деревне бегал,
Разбудив дремавшую под снегом,
Засидевшуюся в девках Русь.

А потом испуганная лень
Вкралась вновь в задымленные хаты...
Видно, красный на родном селе
Засидевшуюся в девках не сосватал.

По сожженным пням издалека
Шел мужик все так же помаленьку...
Те же хаты, та же деревенька
Так же слепо щурились в закат.

Белеют босые дорожки,
Сверкает солнце на крестах...
В твоих заплатанных окошках,
О Русь, все та же слепота.

Но вспышки зарев кто-то спрятал
В свою родную полосу,
И пред горланящим плакатом
Смолкает бледный Иисус.

И верю, Русь, Октябрьской ночью
Стопой разбуженных дорог
Придет к свободе в лапоточках
Все тот же русский мужичок.

И красной лентой разбежится
Огонь по кровлям серых хат...
И не закрестится в закат
Рука в щербленой рукавице.

Слышит Русь, на корточки присев,
Новых гуслей звончатый напев
И бредет дорожкой незнакомой,
Опоясана декретом Совнаркома.

Выезжает рысью на поля
Новый, светлый Муромец Илья,
Звонко цокают железные подковы...
К серым хатам светлый держит слово.

Звезды тихо сумерками льют
И молчат, заслушавшись Илью.
Новых дней кровавые поверья
Слышат хаты... Верят и не верят...

Так же слепо щурятся в закат
Окна серых утомленных хат,
Но рокочут звончатые гусли
Над тревожно слушающей Русью.

1921

СОСНЫ

Пришел в сосновую Славуту —
И с соснами наедине,
И сосны жалуются мне
И разговаривают будто.

И говор их похож на стон,
И стон похож на человечий...
Вот обошли со всех сторон
И жалобный разносят звон,
Чтоб я их лес не изувечил.

«Ах, слишком грубо, слишком часто
По стволам топор поет,
И, может, скоро, может, через год
На челюсти пилы зубастой
Сосновый сок оскомину набьет.

И страшно мне, сосне одной,
Когда сосновый посвист реже,
Когда вот тут же нож стальной
Мою товарку рядом режет.

И хочется тогда в борьбе
Перескочить свою вершину
(Как и тебе,
Когда тоска нахлынет)».

И несется стон в сосновой чаще,
И разносится в лесную глубь:
«Приходи к нам, человек, почаще,
Только не води с собой пилу!»

Я слушал. Полдень был в огне,
И медленно текли минуты,
И сосны жаловались мне
И разговаривали будто.

И эта новая сосновая кручина
Дала тревогой сердцу знать...
За твою высокую вершину
Я б хотел тебя помиловать, сосна!

Но слыхала ль ты, как стоны тоже
Паровоз по рельсам разносил?
Он спешил, он был встревожен,
И хрипел, и не хватало сил.

Надрываясь, выворачивал суставы,
Был так жалобен бессильный визг колес,
И я видел — срочного состава
Не возьмет голодный паровоз.

Две сосны стояли на откосе,
И топор по соснам застучал,
Чтобы, сыт пахучим мясом сосен,
Паровоз прошел по трупам шпал.

И пока он не позвал меня трубой,
Не заманивает криками колесными,
Я люблю разговаривать сам с собой,
А еще больше — с соснами.

1921

ЕКАТЕРИНОСЛАВ

Ячейке КСМ Брянского завода

ОТРЫВКИ

I

В ранних вздохах гудков поутру
Встать заря за трубами ленится...
От жестких сосцов этих труб
Оторвали меня, младенца...
Город, город. Я вырос большой,
Я теперь втрое больше прежнего,
Но тревожного сердца разбойный бой
И детская поступь — все те же.
Я бульваров твоих не забыл,
Разговор твоих листьев слышу...
Что это: ниже столбы
Или я стал немного выше?
Город. Кольцами зарев объят,
Нависающий с неба туман скинь.
Слышишь, с запада снова тебя
Стережет запыхавшийся Брянский.
Видишь, снова, как прежде, вверху
Сотни труб небеса царапают...
Что это: снег, или капли,
Или стружки в учебном цеху?

От машин я унес далеко
Свой тяжелый походный ранец...
Я не был у брянских станков,
Но я — тоже брянец.
Силуэты горящих громадин
Научили меня борьбе...
Город, город. Родиться в тебе
И в тебе умереть, если надо.

2

Город, помнишь победный набег?
Небеса нависали так близко,
Да ветер в потухшей трубе
Крохи дыма выискивал.
По Днепру закупалась заря...
Побежали гуськом из завода
Разведчиком — каждый снаряд,
Каждый столб — часовым у входа,
Ждал, прижавшись к винтовке, затвор,
Револьвер задыхался в кобуре,
А вверху опустевший собор
Близорукие окна щурил.
И когда набегающий день
Брызнул вниз задорно и хлестко,—
Революции красная тень
На безусом лице подростка.

. . . .
. . . .

6

Брянский, как поживаешь?
Мы с тобой не видались давно,
У твоих запыленных ног

Не ползут, не кряхтят трамваи.
Брянский, какую быль
Я прочел на молчащей домне...
Знаю я: годы борьбы
Забытый Прокатный помнит.
Трубы слушают вещий сказ,
Навострив доменные уши...
Брянский! Какая тоска
Эти взрослые трубы душит?
Я так же, как ты, одинок,
Мы с тобой сиротствуем вместе:
В токарном цеху станок
Долго ждет от меня известий.
В ждущие светлые годы
Темное носим лицо
Ты — безработным заводом,
Я — пролетарским бойцом.

7

Ночью улицы спят рядком,
Тьма глядит из оконных щелок...
Тревожным гудком
Разбужен поселок.
Сонливы глаза,
Лица вялы и робки.
Лизнул небеса
Огонь растворившейся топки.
Дым...
Черные тени у стен...
Куришь, Мартен?

. . . .

8

Город в солнечном свете ослеп,
Между трубами пляшет восход,
Впереди убегающий Днепр,
И на каменных лапах завод...

1922

НОЧНАЯ РАБОТА

Солнце на ночь отдано в починку,
Дню на отдых уходить пора...
У машин сегодня вечеринка,
Почитай, до самого утра.
Ночь впотьмах за крышею стеклянной
Остановит искры на бегу...
Знаю: домны весело и пьяно
Будут пить расплавленный чугун,
Будут звезды облачных видений
За трубой высокой ожидать...
Завтра рваный телеграф оденет
Отработанные за ночь провода.
И когда за колокольней дальней
Утомленный выглянет восток,
Про любовь шалунье-наковальне
Нашепнет проказник-молоток.
Небеса зальются медной речью,
Разбросав по лужицам огни,
На дворе, где май широкоплечий
Отливает солнечные дни.

1922

ИЗ ЦИКЛА «КАВКАЗ»

Пальма на море глядит,
Ловит солнечные пятна...
У черкешенки в груди
Две волны из моря спрятаны.
Эти волны моряка,
Знаю, к вечеру погубят...
С неба сброшенный закат
Опрокинулся на губы.
Пальма жалобно гудит,
Пальмы жалоба близка нам...
У черкешенки в груди
Волны пляшут ураганом.
Горы дрогнули на миг,
Лаской месяца согреты...
Подойди и обними
Пролетарского поэта.
За станком и у сохи
Мои песни страстью славятся...
Почитай мои стихи,
Полюби меня, красавица.
Там, где сотни городов
К небу трубами подвешены,
В криках раненых гудков
Я слыхал тебя, черкешенка.

У заводов впереди
От свинца чуть не погиб я...
Две волны сменились зыбью
У черкешенки в груди.

<1922>

ДНИ И НОЧИ

Песня

Век наш короток, да долги ночи,
Хлопотливы и быстры дни,
Наработаешься — ночью хочется
Ласку теплую и грудь рабочую
Ночью хочется соединить.
Поработаешь, и делать нечего,
Молодую не сдержишь прыть...
Оттого-то люблю я вечером,
Напирая на эти плечи вот,
Люблю я вечером поговорить.
Разговоры считать подите-ка,
Сосчитайте-ка говорунов...
Тут и девушки и политика,
В разговоре веселом вытекут
И политика и любовь...
Сердце мячиком тревожно прыгает
До двенадцати. А потом
Баловство я из мыслей выгоню
И засяду за теплой книгою —
«Капитала» последний том.
Небо глянет зажженным месяцем —

Бабьим цветом пестрит бульвар...
Я — подальше. Я до лестницы,
Где у клуба гуртом разместится
Комсомольская братва.

<1922>

* * *

Вон там, в скучающих полях,
Сошлась и не уйдет земля,
И небо в черный час над городами
Выбросило звездную рекламу,
И только изредка вдали
Завод огнями шевелит.
Он должен, хмурый и угрюмый,
Вести полей такую уйму,
И жалуется мне обычно,
Что тяжело,
но что привычно;
И впереди полей — его обоза —
Дымит его труба,
словно труба паровоза,
И вспомнилось мне:
бежит паровоз от погони
И сорок вагонов гонит,
И пусть бы их было не сорок, а сто,
а более ста,
Паровоз бы бежал,
Паровоз бы спешил,
Паровоз бы устал,
но бежал.

Так и ты, завод!
        Наяву и во сне
        Гонишь в дождь и в снег,
Гонишь в ночь и в день
Беспрестанный
                                        состав
                                                        деревень.

<1922>

* * *

Ночью, в полчаса второго,
Загудел над крышей провод,
И я понял: отслужив года,
Ожидают смерти провода.

Кровь пошла не скоро и не грея,
Нервы снова вызвали тоску:
Если электричество стареет,
Сколько в юности моей секунд?

Сколько времени еще осталось
Мне брести до станции Усталость?
В строимый огромный дом
Я боюсь явиться стариком.

Я боюсь, что за пространством будней,
На веселом празднике машин
Под руку старуху подадут мне,
Скажут: нá тебе — пляши.

И еще меня гнетет забота:
Далеко не кончена работа.
И еще берет меня тоска:
Устает, работая, рука.

Каждый день мепя иному учит
И никак пе может научить...
Тяжело мпе, как навозной куче,
Только кучей удобренья быть.

И она бы иногда хотела
Выпрямиться круглым телом
И под ласковым взглядом дпя
Хоть бы раз перестать вонять.

Вся земля ей будто бы чужая,
Близких нет, она — ко мне:
Я сумею с нею наравне
Стариться во славу урожая.

<1922>

СТИХИ О РЕБЕ

Осень в кучи листья собирает
И кружит, кружит по одному...
Помню, о чистилище и рае
Говорил мне выцветший Талмуд.

Старый ребе говорил о мире.
Профиль старческий до боли был знаком...
А теперь мой ребе спекулирует
На базаре прелым табаком.

Старый ребе не уйдет из храма...
На тревожном боевом посту
Мне греметь тяжелыми стихами
Под конвоем озлобленных туч.

Тихо слушает седая синагога,
Как шагают по дорогам Октябри.
Вздохами с умолкшим богом
Старая устала говорить.

Знаю я — отец усердно молится,
Замолив сыновние грехи,
Мне ж сверкающие крики комсомольца
Перелить в свинцовые стихи.

1

Много дум на лице у старого ребе,
И каждой морщинке по многу лет...
Ждет его рай на высоком небе,
Пыльный хедер ждет его здесь, на земле.

Далеко в мировой революции
Затерялся Екатеринослав,
На извилины улиц
Революция ребе второпях занесла.

Между землею и небом
Закружив ошалелые дни,
Окатила голову ребе
Новой волной седины.

Ну и пусть. Значит, так велено
(Не в своих руках человек).
Тонких губ сухие расщелины
Для жалоб закрылись навек.

Распластались у ног
Взорванных дней осколки,
И блуждает на грани новых дорог
Старый ребе в старой ермолке.

2

Сегодня тревога на буйных разбуженных лицах:
И кровь под покровами злится и хочет под пулей излиться,
И музыка грузных снарядов дырявит оглохшие уши
И рушит...

Сегодня распухшие трупы простерты покорно
по голому городу,
И рваный живот человечий, и лошадь с разорванной
мордой,
И человеческих челюстей мертвый, простреленный
скрежет.
И режет...
Сегодня гудок, на рассвете разбужен, завыл
недовольный,
Испуганно церковь крепила свой крест кулаком
колокольни,
И рыжий пожар беспощадное полымя поднял
Сегодня.
И в ярком огне синагога
Сегодня просила пощады убого у бога...
Сегодня на улицах не был
Мой маленький ребе.

3

Благословляя небеса и землю,
Синагога молча дремлет.
Я стою с прикладом рядом —
Часовым порохового склада.

Над землей, над улицами тише
В смертных муках плавает молитва,
Синагога ничего не слышит:
Спит как убитая.

Я стою. Товарищ мой напротив
(Синагога смотрит на луну),
А товарищ мой по роте
Голову на церковь повернул.

Церковь крест подняла для защиты,
Синагога рядышком прижалась,
И стоят они в одной молитве,
У небес вымаливая жалость.

Медным плачем истекает купол
В ночь большого нового кануна.
Смотрим мы, и кажется, над трупом
Две вдовы оплакивают юность.

Смотрим мы, и нам не жалко,
И рука прилипла у затвора...
Ночь проходит черною гадалкой,
Сумрак жмется боязливым вором.

Тишина устала медью плакать,
И земля готовится к работе...
Вдалеке пролаяла собака.
Я стою. Товарищ мой — напротив.

4

В полутемной синагоге
Ветер задул свечу,
И синагога ослепла...
Профиль ребе чернеет чуть,
Подернутый пеплом.

Тишина на часах у закрытых дверей.
В позднюю пору
Не приходит, как прежде, еврей
Тосковать у подножья Торы.

В расписное окно
Уходящий закат бросил брызгами
красными,

Голову ребе посеребрив на ходу.
Посеребрил и ушел.
А молящихся долго напрасно
Богомольные скамьи ждут.

Тихо.
Темно.
Ребе ходит чуть слышно, как вздох,
Как живая боль синагоги.
Темен порог.
Тишина сторожит на пороге.
Хочется ребе давно
Спрятать тоску в молитве.
Старое сердце еврейской тоскою больно,
Старое сердце еврейскою болью болит ведь.

Смолкла свеча в позолоченной люстре,
И теперь ни одна не заглянет душа.
Тихо в большой синагоге
И пусто...
Ша!

5

Время годы проносит,
Мимо ребе бежит:
Двадцать раз навестила осень
Мою бурную жизнь.

Но в осеннюю слякоть,
В засасывающий дождь
В широкие двери рабфака
Спешит молодежь.

Не сосет, не тянет типа
Библейских наук:

В старом хедере ткет паутину
Постаревший паук.

В старом хедере ребе испуган,
Без огня,
Без людей...
Врагом или другом
Смотрит завтрашний день?

Сердце, не бейся
В старой груди,
Красноармейцем
Завтра глядит.
Тусклые окна
Прячут испуг.
Жалобы смолкнут
В шепоте пуль.
Если победе
Путь через ад,
Явится в хедер
Гостем снаряд.
Смерть безжалостно скосит
Одряхлевшую жизнь.
Время годы проносит,
Мимо ребе бежит...

6

Покорились и согнулись плечи.
(Ребе так устал!)
В старое,
          в Ерусалим,
                    далече
Улетели за мечтой мечта.

Помнится:
Мальчиком я Тору разворачивал.
Ребе все твердил
Про народ свой — под Стеною плача,
У разрушенных израильских твердынь.
За горами,
на востоке дальнем,
Ту Стену господь сберег
И велел еврею
быть печальным,
И велел молиться на восток.

Было страшно.
Было больно.
Было жутко.
Это — в прошлом. Это отошло.
А теперь я, в кожаной тужурке,
Вижу маленького ребе (сам большой).

Вижу уж не детским глазом
Хедера незатейливую дверь,
Сразу выросший и постаревший сразу,
На восток гляжу я и теперь.

Но не к храму,
не для плача
Я зрачок свой на восток навел,
А затем, что знаю:
мне с востока замаячит
Мой задумчивый, мой светлый комсомол.

Слезы облаком в пространство уронила
И рыдает старая земля

Оттого, что
длинной лентой братские могилы
Протянулись у стены Кремля...

Чувствую —
верна моя дорога
Под полетом поднятых знамен.
Если надобно, седую синагогу
Подпалю со всех сторон,
Если надо — клочками небо
(аэропланов приют)...
Ты ж успи, мой старый ребе,
Баюшки-баю!

7

Повстречался недавно с ребе.
Говорили о том о сем...
Фунт простого ржаного хлеба
Дорожает с каждым днем.

По одежде гуляют заплаты,
Взгляд прищурен, пейсы узлом...
Знает: новый прислал ультиматум
Ленину лорд Керзон.

Знает: многие в битве погибли,
Еще многих зальет потоп...
Ребе все предскажет по Библии:
Где, и когда, и что.

С берегов палестин отдаленных
Ребе первым услышит звон...
Старый ребе глупей, чем ребенок,
И умней, чем лорд Керзон.

8

Так вот... Вчера — бои,
Сегодня — спокойно.
Многих из теплой семьи
Вырвали войны.

В завтра не страшно взглянуть.
(Так же живет синагога,
Церковь по-прежнему звонит.)
Когда-то имел жену,
Теперь никого нет.

Самому лишь хлеба кусок
(Ребе не просит лишнего).
Только бы день истек,
И то — спасибо всевышнему.

Сядет. Вынет Талмуд,
Новую истину сыщет в Талмуде,
А за окном пусть орут
Сотни орудий.

И когда наш последний поход
Развернется по ровной дороге,
Старый ребе умрет
Под упавшей стеной синагоги.

1923

УТРОМ

Ранним утром счастливые вести
Мне газеты опять принесли —
И о том, что волненья в Триесте,
И о том, что здоров Ильич.
На окне моем изморозь вяжет
Сноп непахнущих зимних цветов,
Мне сегодня о многом расскажут
Корпуса онемевших шрифтов.
Льют столбцы оживленные пренья,
Непонятные для меня...
С белой стенки наклонится Ленин
И тихонько начнет объяснять.
Декабря непонятным узором
Расписались на мерзлом окне...
Будут Ленина добрые взоры
На холодном стекле леденеть.
Вьюга снежно ворвется в сени
Разузнать у замерзших шрифтов —
И о том, что где-то волненья,
И о том, что Ильич здоров.

1923

ТЕПЛУШКА

Стоит только зрачки закрыть —
Образ деда всплывает древний,
Днем выходит он зверье душить,
По ночам — боится деревьев.

Стоит только зрачки расширить,
И в расширенных — образ внука,
Над огнем, над машинной ширью,
Он кнутом подымает руку.

Между внуком и между дедом,
Где-то между, не знаю где,
Я в разбитой теплушке еду.
Еду ночь.
                    И еду день.

Потому я и редок смехом,
В том моя неизбывная мука,
Что от деда далеко отъехал
И навряд ли доеду до внука.

Но становится теплушка доброй,
Но в груди моей радость иная,
Если деда звериный образ,

Если внука железный образ
Мне буденовка заслоняет.

Но в захлебывающейся песне
Задыхающихся колес
Научился я в теплушке тесной
Чувствовать свой высокий рост.

Понимаю — в чем мое дело,
Узнаю́ — куда я еду:
Пролегло мое длинное тело
Перешейком меж внуком и дедом.

1923

МОСКВА

Чтобы ночью не ночевать,
Фонари зажигает столица...
Я хотел бы светить, Москва,
У твоих фонарей научиться.

И, над ямами впалых щек
По ночам зажигая два глаза,
Я хотел бы еще и еще
Подчиняться твоим приказам.

Но, пока ты готовишь приказ,
Заостряя его приговором,
Я боюсь, чтобы эта рука
Не отвыкла щелкать затвором.

Мой родной пулеметный стук
Я услышать теперь не сумею,
Если даже красноармеец
Тоже тих на посту...

Никакие громкие слова
Эту тишь на гром не переменят...
Ради кимовцев твоих, Москва,
Хотя бы маленькое выдумай сраженье.

Ты меня, я знаю, любишь
И, как сыну, мне указываешь путь.
Хорошо бы нам с тобой к утру бы
Новым выстрелом на запад полыхнуть.

Хорошо бы нам с тобою
Растянуть на всю Европу фронт.
Знаю ведь, что в ожиданье боя
Каждый домик твой в меня влюблен.

Только спросишь: «Который час?» —
И по улицам отдаленным
Мне любезно с Кремля каланча
Отвечает взволнованным звоном.

И я верю: с вершин Кремля,
Быть может, завтра на рассвете,
«Куда идти, в кого стрелять?» —
Я спрошу,
И каланча ответит.

1923

* * *

Не один, не два раза бессонницей
Догонял я будущность свою...
Так еврей за поездом гонится,
Увозящим всю его семью.

Он бежит, а поезд быстрее
Напрягает взмах колеса...
Но утеха есть у еврея,
Что семья его поскорее
Обещала ему написать.

Мне же, мне под колесный грохот
От кого еще вести ждать,
Провожающему эпохи
Бесконечные поезда?

Провожаю ее —
                    и не вижу ее,
Ни глаз ее,
                ни кудрей.
Белая ли она,
                    смуглая ли,
                                или рыжая,
Или только череп у ней?

Я хотел бы тяжелой хваткой
Положить ее на перо
В темный час, когда украдкой
Выбегает она на перрон.

Выбегает и слепо ищет
Наши руки и наш удар,
Оттого, что знает: нищие
Мы стихами в эти года.

Мы стихаем, и мы не можем
С громким словом связать язык,
И не наш ли по бездорожьям
Тонким стоном
Замер крик?

Было б радостно, было б любо
Дни, как пленников, повести,
Или так, чтоб зубами схватить,
Или так, чтоб вышибло зубы.

1923

РАБОТНИЦЕ

1

На руках твоих улегся труд,
И овал лица так тонок,
Ты похожа на мою сестру,
У которой есть ребенок.

Поздним часом сумерки
пасут
Облаков задумчивое стадо,
В щели улиц радость понесу
И пойду с тобою рядом.

Месяц сядет в голубом
зрачке,
Звезды синие вплетутся в косы...
Завтра на тяжелом молотке
Загремит, заплачет осень.

А пока под серое окно
Приходи синеть, сентябрьский
вечер.
Ты похож на мой станок,
У которого согнулись плечи.

2

Когда смелее и увереннней
Разнесся площадями гул,
Твой облик тихий и вечерний
Заночевал в моем мозгу.

И в час, когда лихие звоны
Перекликались на борьбу,
Я видел красные знамена
И пару ямочек на лбу.

Твоя коса как сноп гречихи,
И спелые изгибы плеч,
И вечер пал большой и тихий,
Как в праздник доменная печь.

Я помню: колыхнулись песни
И строчки поплыли, звеня,
И месяц глянул в поднебесьи
На труп скучающего дня.

1921

3

Зорька ль вспыхнула над домом,
Или милка у станка поет...
Это голос твой знакомый
Ручейком весенним капает,
День, шатаясь, в небе тянется,
Захмелел весенний пьяница.

Ранним утречком напевы чьи
Принесла из Комсомола ты...
Два котла, как груди девичьи,
Белым соком льют на молоты...
Ох, и дразнят, окаянные,
От лучей весенних пьяный я.

Утром месяц плавал в инее,
Опрокинул книзу день его...
Показалось небо синее
Твоей кофточкой сиреневой,
Синих птиц увидел тоже я,
На глаза твои похожие.

Помнишь, к смене утром ранним,
Шел я, думами волнуемый,
Рядом ты... Звала в тумане,
Угощала поцелуями,
А с окраины по-прежнему
Звал и звал гудок рассерженный.

Грудь твою нащупал рядом
Я руками неуклюжими,
Ты меня суровым взглядом
Навсегда обезоружила.
С той поры гляжу за топками
На тебя глазами робкими.

Белый пар и печка красная
Нас связали крепкой клятвою,
За работою напрасно я
Переплыть хотел глаза твои,
Даже солнце алой птицею
Утонуло за ресницами.

И когда с работ обратно я
Шел, как с праздника веселого,
Кто-то кинул шаль закатную
На твою хмельную голову...
День, шатаясь, брел устало
По рабочему кварталу.

1923

* * *

Я в гражданской войне нередко
Был веселым и лихим бойцом,
Но осталось у меня от предков
Узкое и скорбное лицо.

И повсюду за мною следом
Мчит прошедшее, бьет крылом...
Мой отец родился от деда,
Деда прошлое родило.

Детство мнится комнаткой душной,
Свет молитвенный ждет зари...
В этой комнатке
Меня учили быть послушным
И слишком громко не говорить.

Но однажды, уйдя из дому,
Я растаял в большой толпе,
И марсельезу незнакомую
Гортанный голос мой запел.

И теперь:
Ночью, сторожа мою поэму,
Дом Советов недвижим и тих,

И в полуночной, тревожной дреме
Слышу: бродят в голове моей
Прошлого неровные шаги.

Сумрак серый к постели клонит,
И рассказывает, и поет:
Дед мой умер и похоронен,
И отец мой скоро умрет.

Сумрак дальше:
                              — Древней сыростью
Прошлому меня не обнять...
Под знаменами сын мой вырастет,
Если будет сын у меня,
Если пуля не возьмет меня.

И пока, темнотой окутан,
Дом Советов глаза закрыл,
Голоса далеких могил
Вспомнил я на одну минуту
И забуду через минуту.

1923

ПОД ВЕЧЕР

Девушка моего наречья,
По-вечернему тиха и смугла,
Приходила ко мне под вечер
Быть любимой — и не смогла.

И глаза ее темные-темные
Древней грустью цвели, цвели...
Я ж люблю, чтобы лил в лицо мне
Светлых глаз голубой прилив.

Так всегда... После первой встречи
По любимой затосковав,
К девушкам чужих наречий
Тянутся мои слова.

И лишь изредка, лишь
случайно,
Только в окна заглянет
мгла,
Выплывает старая тайпа
Из глубин голубых глаз.

Мгла — не мгла, а седой пергамент
Разворачивается у век,
И я чувствую: под ногами
Уж не тот шевелится век.

И мне кажется земля моложе,
Сверху — пебо, внизу — зима,
И на снежном бездорожье
Одинокая корчма.

Дед мой мечется от стойки
к пану
И от пана к стойке назад,
Пан на влажное дно стакана
Уронил свирепеющий взгляд.

И я вижу в любимом взгляде
Женских глаз, голубей степей,
Как встает их разбойный прадед
И веселой забавы ради
Рвет и щиплет дедовский пейс.

Я гляжу...
И пе пляшет, не свищет злоба
В затуманенной голове,
Оттого ли, что, должно быть,
Кровь меняется каждый век,

Оттого ли, что жизнь моя
отдана
Дням беспамятства и борьбы,
Мне, не имевшему родины,
Прошлое легче забыть.

И при первой случайной встрече
Так легко мне совсем
                    забыть,
Так легко мне не полюбить
Девушку моего наречья.

1923

С ИЗВОЗЧИКОМ

Лошаденка трясет головой
И за улицей улицу мерит,
А вверху над шумливой Москвой
Разбежался трескучий аэро.

Хорошо ему там, свежо,
В небесах просторней и лучше...
Скоро, Ваня, скоро, дружок,
Ты засядешь воздушным кучером.

Будешь править рысцой на закат
Голубой, немощеной площади,
Поплетутся вперед облака
Вместо зада бегущей лошади.

Триста верст за один конец
Отмахает стальная лошадка,
Ветерок, удалой сорванец,
Примостится тайком на запятках.

Выйдет конь пастись на лужок
Рядом с звездами, вместе с тучами...
Скоро, Ваня, скоро, дружок,
Ты засядешь воздушным кучером.

1923

КОЛОКОЛ

Н. Коробкову

Он еще гудит по-прежнему,
Он не может перестать гудеть,
Пока над улицами снежными
До конца не разбросает медь.

И сейчас воскресным часом
Он колышется надо мной,
Умирающим, разбитым басом
Разговаривая с тишиной.

Мне близка его седая немочь
И его беспомощный призыв.
Умерли его товарищи и немы,
Только он один остался жив.

Этот звон меня уснуть не пустит
Оттого, что детством нездоров;
Слышал я в синагогальной грусти
Дрожание колоколов.

Мне казалося: за поворотом
От одной к другой звезде
Опирается на дряхлую субботу
Наступающий воскресный день.

Потому-то мне понятны эти звуки,
Что старик над городом сочит,
Будто кто-то спрятал эту муку,
И ушел, и потерял ключи.

И я чувствую: встревожен,
Медной грудью судорожно вздохнув,
Незаметно для прохожих
Умирает колокол вверху.

1924

ДВОЕ

Они улеглись у костра своего,
Бессильно раскинув тела,
И пуля, пройдя сквозь висок одного,
В затылок другому вошла.

Их руки, обнявшие пулемет,
Который они стерегли,
Ни вьюга, ни снег, превратившийся в лед,
Никак оторвать не могли.

Тогда к мертвецам подошел офицер
И грубо их за руки взял,
Он, взглядом своим проверяя прицел,
Отдать пулемет приказал.

Но мертвые лица не сводит испуг,
И радость уснула на них...
И холодно стало третьему вдруг
От жуткого счастья двоих.

1924

КОЛЬКА

В екатеринославских степях,
Где травы,
  где просторов разбросано столько,
Мы поймали махновца Кольку,
И, чтоб город увидел
  и чтоб знали поля,
Мне приказано было его
  расстрелять.

Двинулись...
Он — весел и пьян,
Я — чеканным шагом сзади...
Солнце, уставшее за день,
Будто убито,
  сочилось огнями дымящихся ран.

Пришли...
Я прижал осторожно курок,
И Колька, без слова, без
  звука,
Протянул на прощанье мне
  руку,
Пять пальцев,
Пять рвущихся к жизни дорог...

Колька, Колька... Где моя злоба?
Я не выстрелил,
                    и мы ушли назад:
Этот паренек, должно быть,
При рожденье вытянул туза,
Мы ушли и долгий отдых
Провожали налегке
Возле Брянского завода
В незнакомом кабаке.
И друг друга с дружбой новой
Поздравляли на заре,
Он забыл, что он — махновец,
Я забыл, что я — еврей.

1924

ПЕСНЯ ОТЦА

Снова осень за окнами плачет,
Солнце спрятало от воды огонь.
Я тащил свою жизнь, как кляча,
А хотел — как хороший конь.

Ждал счастливого дня на свете,
Ждал так долго его,— и вот
Не смеюсь я, чтоб не заметили
Мой слюнявый, беззубый рот.

Люди все хоть один день рады,
Хоть помаленьку счастье всем...
Видно, радость забыла мой адрес,
А может — не знала совсем.

Только сын у меня... Он — лучший,
Он задумчив, он пишет стихи,
Пусть напишет он, как я мучаюсь
За какие-то не свои грехи.

Сын не носит моего имени,
И другое у него лицо,
И того, кто бил меня и громил меня,
Он зовет своим близнецом.

Но я знаю: старые лица
Будет помнить он, мой сынок,
Если весело речка мчится,
Значит, где-то грустит исток.

Осень в ставни стучится глухо,
Горе вместе со мной поет,
Я к могиле иду со старухой,
И никто нас не подвезет.

1924

НА СМЕРТЬ ЛЕНИНА

Сухие улицы заполнены тоской,
И боль домов и боль людей огромна...
У нас на нашей стройке заводской
Упала самая большая домна.

Но красных кирпичей тяжелые куски
Мы унесем с собой, чтобы носить их вечно,
Хоть больше в наших топках не зажечь нам
Ленина потухшие зрачки.

1924

НИКОЛАЮ КУЗНЕЦОВУ

Часы роняют двенадцать,
Стрелки сжав от боли...
Больше к тебе стучаться
Я не буду, Коля.

Ты ушел далече,
Не попрощался даже...
Хмурый, как ты, вечер
Синий язык кажет.

Нам о тебе петь ли?
В этой комнате тише б...
Мертвый удар петли
Слово из глотки вышиб.

Скоро лежать, синея,
Может, из нас любому.
Это моя шея
Дико зовет на помощь!

Это мои кости
Жажда жизни сжала...
Может, к тебе в гости
Скоро и я пожалую.

Встречу тебя тем ли,
Чтобы, ветром гонимы,
Увидеть нашу землю
И вместе пройти мимо.

1924

НОЧНЫЕ ВСТРЕЧИ

Николаю Кузнецову

I

Хриплый, придушенный стон часов
Заставил открыть глаза.
Было двенадцать. Улицу сон
Ночным нападеньем взял.

Зорким дозором скрестив пути,
Мгла заняла углы,
Даже фонарь не мог спастись
От черных гусениц мглы.

Оделся. Вышел один в тишине
Послушать башенный бой.
Тотчас же ночь потянулась ко мне
Колькиной мертвой рукой.

А я не знал: протянуть ли свою?
Я ведь Кольку любил.
Думал недолго, свернул на юг
И руку в карман вложил.

Так я шел час, два,
Три, четыре, пять,
Пока усталая голова
К руке склонилась опять.

И только хотел я назад свернуть,
Прийти и лечь в постель,
Как вором ночным, прорезав путь,
Ко мне подошла тень.

Я не дрогнул. Я знаю: давно
В Москве привидений нет.
И я сказал, улыбаясь в ночь:
«Милый, денег нет!

Ты знаешь, после дней борьбы
Трудно поэтам жить,
И шелест денег я забыл,
И что на них можно купить.

Смотри: на мне уже нет лица,
Остался один аппетит,
И щеки мои — как два рубца,
И голод в них зашит».

Она мне ответила — эта тень —
Под ровный башенный бой;
«Время не то, и люди не те,
Но ты — остался собой.

Ты всё еще носишь в своих глазах
Вспышки прошлых дней,
Когда в крадущихся стенах
Шел под командой моей.

Степь казалась еще темней
От темных конских голов,
И даже десяток гнилушек-пней
Казался сотней врагов.

В такие минуты руки мглы
Воспоминания вяжут в узлы
И бросают их на пути,
Чтоб лошади легче было идти.

А лошади, знаешь ты, все равно,
Где свет горит и где темно,
В такие минуты лошадь и та —
Словно сгущенная темнота.

Не знаешь: где фронт, где тыл,
Бьется ночи пульс.
Чувствуешь — движешься, чувствуешь — ты
Хозяин своих пуль.

Время не то пошло теперь,
Прямо шагать нельзя.
И для того, чтоб открыть дверь,
Надо пропуск взять.

Нынче не то, что у нас в степи,—
Вольно нельзя жить.
Строится дом, и каждый кирпич
Хочет тебя убить.

И ты с опаской обходишь дом,
И руку вложил в карман,
Где голодающим зверьком
Дремлет твой наган».

Она повторила — эта тень —
Под ровный башенный бой:
«Время не то, и люди не те,
Но ты — остался собой.

Не как пуля, как свеча,
Будешь тихо тлеть...»
И я сказал: «У меня печаль,
У меня — товарищ в петле!

Ты знаешь: к обществу мертвецов
Я давно привык,
Но синим знаменем лицо
Выбросило язык.

И часто я гляжу на себя,
И руки берет дрожь,
Что больше всех из наших ребят
Я на него похож!»

Сумрак не так уже был густ,
Мы повернули назад,
И возле дверей моих на углу
Мне мой взводный сказал:

«В стянутых улицах городов
Нашей большой страны
Рукопожатия мертвецов
Ныне отменены.

Вот ты идешь. У себя впереди
Шариком катишь грусть,
И нервный фонарь за тобой следит,
И я за тебя боюсь.

Видишь вон крышу? Взберись на нее,
На самый конец трубы,—
Увидишь могилы на много верст,
Которые ты забыл.

И над землею высоко,
С вершины, где реже мгла,
Увидишь, как кладбище велико
И как могила мала!»

Он кончил. Выслушав его,
Фонарь огонь гасил.
И я молчал... А ночь у ног
Легла без сил.

Ушел, и сонная земля
Работы ждет опять...
Спасская башня Кремля
Бьет пять.

В небе утреннем облака
Мерзнут в синем огне —
Это Колькина рука
Начинает синеть...

2

Поздно, почти на самой заре,
Пришел, разделся, лег.
Вдруг у самых моих дверей
Раздался стук ног.

Дверь отворилась под чьим-то ключом,
Мрак и опять тишина...
Я очутился с кем-то вдвоем,
С кем — я не знал.

Кто-то сел на мой стул,
Тихий, как мертвец,
И только слышен был стук
Наших двух сердец.

Потом, чтобы рассеять тишь,
Он зажег свет...
«Миша,— спросил он,— ты не спишь?»
«Генрих,— сказал я,— нет!»

Старого Гейне добрый взгляд
Уставился на меня...
«Милый Генрих! Как я рад
Тебя наконец обнять!

Я тебя каждый день читал
Вот уже сколько лет...
Откуда ты? Какой вокзал
Тебе продал билет?»

«Не надо спрашивать мертвецов,
Откуда они пришли.
Не все ли равно, в конце концов,
Для жителей земли?

Сейчас к тебе с Тверской иду,
Прошел переулком, как вор.
Там Маяковский, будто в бреду,
С Пушкиным вел разговор.

Я поздоровался. Он теперь —
Самый лучший поэт.
В поэтической толпе
Выше его нет.

Всюду проникли и растут
Корни его дум,
Но поедает его листву
Гусеница Гум-Гум.

Я оставил их. Я искал
Тебя средь фонарей.
Спустился вниз. Москва-река
Тиха, как старый Рейн.

Я испустил тяжелый вздох
И шлялся часа три,
Пока не наткнулся на твой порог,
Здесь, на Покровке, 3.

. . . .

Ах, я знаю: удивлен ты —
Как в разрушенной могиле
На твоем я слышал фронте
Эти скучные фамилии.

Невозможное возможно —
Нынче век у нас хороший.
Ночью мертвых осторожно
Будят ваши книгоноши.

Всем им книжечек примерно
По пяти дают на брата,
Ведь дела идут не скверно
В литотделе Госиздата.

Там по залам скорбным часом
Бродят тощие мужчины
И поют, смотря на кассу,
О заводах, о машинах...

Износившуюся тему
Красно выкрасив опять,
Под написанной поэмой
Ставят круглую печать.

Вы стоите в ожиданье,
Ваш тяжелый путь лишь начат...
Ах, мой друг! От состраданья
Я и сам сейчас заплачу.

Мне не скажут: перестаньте!
Мне ведь можно — для людей
Я лишь умерший романтик,
Не печатаюсь нигде...

Ты лежи в своей кровати
И не слушай вздор мой разный.
Я ведь, в сущности, писатель
Очень мелкобуржуазный.

В разговорах мало толку,
Громче песни, тише ропот.
Я скажу, как комсомолка:
Будь здоров, мне надо топать!»

Гейне поднялся и зевнул,
Устало сомкнув глаза,
Потом нерешительно просьбу одну
На ухо мне сказал...

(Ту просьбу, что Гейне доныне таит,
Я вам передать хотел,
Но здесь мой редактор, собрав аппетит,
Четыре строки съел.)

«Ну, а теперь прощай, мой друг,
До гробовой доски!»
Я ощутил на пальцах рук
Холод его руки.

Долго гудел в рассветной мгле
Гул его шагов...
Проснулся. Лежат у меня на столе
Гейне — шесть томов.

1924

ТОВАРИЩАМ

На Мишку прежнего стал непохож
Светлов,
И кто-то мне с упреком бросил,
Что я сменил ваш гул многоголосый
На древний сон старух и стариков.

Фронты и тыл... Мы вместе до сих пор уж.
Бредем в строю по выжженной траве.
И неизвестно нам, что каждый человек
Наполовину — вор, наполовину — сторож.

Мы все стоим на пограничьях рас
И стережем нашествие былого,
Но захотелось мне, как в детстве, снова
Разбить стекло и что-нибудь украсть.

Затосковала грудь и снова захотела
Вздохнуть разок прошедшим ветерком.
И, чтоб никто не мог прокрасться в дом,
Я голову свою повесил над замком
И щель заткнул своим высоким телом.

И пусть тоска еще сидит в груди.
Она умолкнет, седенькая крошка:
Пусть я ногою делаю подножки
Другой ноге, идущей впереди,—

Я подружу свои враждующие ноги
И расскажу, кому бы ни пришлось,
Что, если не сбиваться вкось,
Будет трудно идти
                                        по прямой дороге.

<1924>

* * *

Отдавая молодые силы
Городам, дорогам и полям,
Я узнал, что старая могила
Для постройки лучшая земля.

1925

РАБФАКОВКЕ

Барабана тугой удар
Будит утренние туманы,—
Это скачет Жанна д'Арк
К осажденному Орлеану.

Двух бокалов влюбленный звон
Тушит музыка менуэта,—
Это празднует Трианон
День Марии-Антуанетты.

В двадцать пять небольших свечей
Электрическая лампадка,—
Ты склонилась, сестры родней,
Над исписанною тетрадкой...

Громкий колокол с гулом труб
Начинают «святое» дело:
Жанна д'Арк отдает костру
Молодое тугое тело.

Палача не охватит дрожь
(Кровь людей не меняет цвета),—
Гильотины веселый нож
Ищет шею Антуанетты.

Ночь за звезды ушла, а ты
Не устала,— под переплетом
Так покорно легли листы
Завоеванного зачета.

Ляг, укройся, и сон придет,
Не томися минуты лишней.
Видишь: звезды, сойдя с высот,
По домам разошлись неслышно.

Ветер форточку отворил,
Не задев остального зданья,
Он хотел разглядеть твои
Подошедшие воспоминанья.

Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели.

Так же колокол ровно бил,
Затихая у барабана...
В каждом братстве больших могил
Похоронена наша Жанна.

Мягким голосом сон зовет.
Ты откликнулась, ты уснула.
Платье серенькое твое
Неподвижно на спинке стула.

1925

МЕДНЫЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ

Без десяти минут семь
Медный всадник вздрогнул и ожил,
Сошел с коня, по-прежнему нем,
И молча стал приставать к прохожим.
Он будто спрашивал:
                                        чья это смерть
Одела в траур людей и здания,
Что даже его привычную медь
Сегодня весь день раздирали рыдания?

Никто ничего ему не ответил:
Их много — людей, он один на свете.

Спали, когда он пришел с прогулки,
Свернувшись котятами, переулки.
Спиной к Петру, лицом к Неве
Стоял курчавый человек.

Ночь размышляла, к нему подползая:
Можно его обнимать иль нельзя ей.
Звездами был Ленинград осыпан,
И губы Петра отворились со скрипом:

«Застонет моряк, если вот-вот утонет,
И самый бесстрашный застонет в беде.
Мне стон их понятен, но мною не понят
Сегодняшней скорбью отмеченный день.

Кто это смолк, но все еще слышим?
Он выше меня? И на много ли выше?»

Человек молчал, и ночь молчала...
Сдавлена под тяжестью металла,
Бровь Петра чуть-чуть затрепетала.

«Ведь оплакивала не меня же
Вся моя родимая земля.
Я не умирал сегодня. Я
В этот день не простудился даже.

Только слышал я сквозь медный сон:
Чьей-то смертью город поражен».
Обернулся медленным движеньем
Человек и молвил:
«Умер Ленин!»

Темный отдаленный форт
Слышал, как затрясся Петр,
Даже конь, недоуменьем сбитый,
Опустил одно копыто.

Еле слышно к уху донеслось:
«Объясни мне, что ты произнес,
Для народа моего родного
Где ты выкопал такое слово?
Кто он и какого чина?

Вероятно, маленький мужчина.
Трезвенник! Его бы зашатало
От одного петровского бокала!

Выросший ребенок — город мой,
Для Руси моей удобный дом,
Ты обрадовался, что пришел другой,
Он ушел, и ты грустишь о нем.

Год за годом по Неве уплыл,
Ты меня еще не навестил,—
В день ли смерти, в день ли имении
Я стою по-прежнему один.

Никто не пришел, никого нет.
Только сегодня часов в пять
Явился какой-то худой поэт,
Проторчал два часа и пошел спать.

И больше он сюда не придет,
Он не покажется, сукин сын.
Ему ведь известно, что я — Петр,
Великий плотник моей Руси.

Русь родная, ты забыла
Четкий шаг твоих потешных,
Без разбору тратишь силы
Не для русских, для нездешних.

Ах, я помню: ты боролась,
Не давалась нипочем
Расчесать немытый волос
Заграничным гребешком.

И теперь вот год за годом
Уплывают, и я знаю:
Острижешь России бороду,
У нее растет другая.

Как же мог уйти с победою
Тот, что смолк в моей стране,
Если он не мог как следует
Даже ездить на коне?

Всю премудрость книг богатых
Он в Россию натаскал,
Как учил его когда-то
Бородатый немец Карл.

Но моей славянской расе
Не звенеть немецким звоном,—
Сколько б дерево ни красить,
Будет дерево зеленым.

Русский утром встанет рано,
Будет снег с крыльца счищать,
В полдень он напьется пьяным,
Ночью шумно ляжет спать,

Утром он проснется рано
И посмотрит — есть ли снег;
Если есть, напьется пьяным,
Если нет — запьет вдвойне.

Утром он проснется рано,
Ночью снова будет пьяным».

Около семи утра
Смолкла речь уставшего Петра.
Сквозь молочный свет была видна
Всадника позеленевшая спина.

Медленно и величаво,
Чуть картавя, отвечал курчавый.
Видно было, как его слова
Схватывает Нева,
Слышно было, как, ломая лед,
Хочет прокарабкаться вперед.

«Ай, Петр, Петр!
Человек кричит, когда ему больно.
Зверь рычит, не найдя берлогу,
А Медный всадник сидит недовольный,
Что его никто никогда не трогал.
Стонет моряк, если вот-вот утонет,
Стонет поэт, если в стужу пальто нет,
Но ты-то чего здесь развел сантименты
Последнего Медного Интеллигента!

Ты в двадцать четвертом здесь правил
конем,
Как в двадцать третьем и в двадцать втором,
А мы в это время у гроба стояли,
Как статуи чьей-то огромной печали.

Ты еще не видел, чтобы
Рядом горевавшая у гроба,
С человеком чувствуя разлуку,
Тень его вздымала руку.

Русь большая плакала во мгле...
Человек последний на земле
Так еще, наверно, зарыдает,
Меркнущее солнце провожая.

Но мы знаем: если землю вдруг
Схватит вулканический испуг,
Память о Владимире лелея,
Хаос не разрушит Мавзолея.

Но мы знаем: мертвый Ленин рад,
Что назвали город — Ленинград,
Чуем: вместе с нами Ленин, рядом
Над оледенелым Ленинградом.

Пароход придет из-за границы,
Чтобы мудростью его напиться,
Быстрыми и жадными словами
Побеседовать с его учениками.

Видишь, в гавани торговый флот
Русскую воду пьет...

Ай, Петр, Петр!
Если б знал ты, хмур и одинок,
Как России трудно без него,—
Смерти, догоняющей его,
Ты б коня направил поперек.

Ты б услышал, как, звуча в мученье,
Эхо, отскочив от молотка,
Над склоненной скорбью мужика
Трижды простонало:
— Ленин!

И, шагая по его еще
Свежему, дымящемуся следу,
Больше, чем свое плечо,
Чувствуем плечо соседа.

Видишь, как нагнулась тьма
Слушать шаг идущих тысяч...
Это строят новые дома —
Терема плененных электричеств.

Как знамена вскидывая искры,
Взволнованный Волхов гудит...
Петр!
Это только присказка,
Сказка еще впереди».

1925

МАРОККО

Тяжкий полуденный зной
Встал над восставшей страной;
Кровью песок обагрив,
Движется раненый риф.

К вечеру солнце зайдет,
Двинутся рифы вперед,
Словно густые пласты
Спрятанной темноты.

Вышли проклятые сроки;
Жаждой свободы томим,
К освобожденью Марокко
Выведет Абд эль Керим.

Годы тяжелого груза
Выросли в каменный пласт.
Кто подчинится французам,
Волю испанцам продаст?

Горло до боли сжала
Вражеская ладонь.
Рифы не любят жалоб,
Рифы полюбят огонь.

Пальмы верхушки нагнули,
Кровью встревожен песок.
В ночь восьмого июля
Рифы назначили срок.

Пальмы верхушки нагнули,
Словно завидя самум.
В ночь восьмого июля
Рифы возьмут Уэндсмун.

Ночь никогда доселе
Черной такой не была.
В черную ночь под шрапнелью
Черные шли тела.

Прошлую ночь отступили,
Кровью песок обагрив.
В жаркий песок, как в могилу,
Лег не один риф.

Ночь. Выручай сегодня!
Видишь, навстречу тебе
Голову каждый поднял
И отдает борьбе.

Движемся новым походом.
Но, подчиняясь свинцу,
Черным полкам не отдал
Крепость свою француз.

И, обнажая раны,
Пушкам наперевес
Грозные аэропланы
Молча сошли с небес.

Пусть проиграли сраженье —
Мертвые снова зовут.
Первые пораженья
К новым победам ведут.

Скоро настанут сроки,
И разнесет призыв
В освобожденном Марокко
Освобожденный риф.

1925

НА МОРЕ

Ночь надвинулась на прибой,
Перемешанная с водой,
Ветер, мокрый и черный весь,
Погружается в эту смесь.

Там, где издавна водяной
Правил водами, бьет прибой.
Я плыву теперь среди них —
Умирающих водяных.

Ветер с лодкой бегут вдвоем,
Ветер лодку толкнул плечом,
Он помчит ее напролом,
Он завяжет ее узлом.

Пристань издали стережет
Мой уход и мой приход.
Там под ветра тяжелый свист
Ждет меня молодой марксист.

Окатила его сполна
Несознательная волна.
Он — ученый со всех сторон —
Поведеньем волны смущен.

И кричит и кричит мне вслед:
— Ты погиб, молодой поэт! —
Дескать, пробил последний час
Оторвавшемуся от масс!

Трижды схваченная водой,
Устремляется на прибой
К небу в вечные времена
Припечатанная луна.

И, ломая последний звук,
Мокрый ветер смолкает вдруг
У моих напряженных рук.

Море смотрит наверх, а там
По расчищенным небесам
Путешествует лунный диск
Из Одессы в Новороссийск.

Я оставил свое весло,
Море тихо его взяло.
В небе тающий лунный дым
Притворяется голубым.

Но готова отдать удар
Отдыхающая вода,
И под лодкой моей давно
Шевелится морское дно.

Там взволнованно проплыла
Одинокая рыба-пила,
И четырнадцать рыб за ней
Оседлали морских коней.

Я готов отразить ряды
Нападенья любой воды,
Но оставить я не могу
Человека па берегу.

У него и у меня
Одинаковые имена,
Мы взрывали с ним не одну
Сухопутную тишину.

Но когда до воды дошло,
Я палег на свое весло,
Он — противник морских простуд —
Встал у берега на посту

И кричит и кричит мне вслед:
— Ты погиб, молодой поэт! —
Дескать, пробил последний час
Оторвавшемуся от масс.

Тучи в небе идут подряд,
Будто рота идет солдат,
Молнией вооружена,
Офицеру подчинена.

Лодке маленькой напролом
Встал восхода громадный дом.
Весла в руки, глаза туда ж,
В самый верхний его этаж.

Плыть сегодня и завтра плыть,
Горизонтами шевелить,—
Там, у края чужой земли,
Дышат старые корабли.

Я попробую их догнать,
И стрелять в них, и попадать.

Надо опытным быть пловцом,
И что шутка здесь ни при чем,
Подтверждает из года в год
Биография этих вод.

Ветер с лодкой вступил в борьбу,
Я навстречу ему гребу,
Чтоб волна уйти не смогла
От преследования весла.

1925

НЭПМАН

Я стою у высоких дверей,
Я слежу за работой твоей.
Ты устал. На лице твоем пот,
Словно капелька жира, течет.
Стой! Ты рано, дружок, поднялся.
Поработай еще полчаса!

К четырем в предвечернюю мглу
Магазин задремал на углу.
В ресторане пятнадцать минут
Ты блуждал по равнине Меню,—
Там, в широкой ее полутьме,
Протекает ручей Консоме,

Там в пещере незримо живет
Молчаливая тварь — Антрекот;
Прислонившись к его голове,
Тихо дремлет салат Оливье...
Ты раздумывал долго. Потом
Ты прицелился длинным рублем.

Я стоял у дверей, недвижим,
Я следил за обедом твоим.
Этот счет за бифштекс и компот

Записал я в походный блокнот,
И швейцар, ливреей звеня,
С подозреньем взглянул на меня.

А потом, когда стало темно,
Мери Пикфорд зажгла полотно.
Ты сидел недвижимо — и вдруг
Обернулся, скрывая испуг,—
Ты услышал, как рядом с тобой
Я дожевывал хлеб с ветчиной...

Две кровати легли в полумгле,
Два ликера стоят на столе,
Пьяной женщины крашеный рот
Твои мокрые губы зовет.
Ты дрожащей рукою с нее
Осторожно снимаешь белье.

Я спокойно смотрел... Все равно
Ты оплатишь мне счет за вино,
И за женщину двадцать рублей
Обозначено в книжке моей...
Этот день, этот час недалек:
Ты ответишь по счету, дружок!..

Два ликера стоят на столе,
Две кровати легли в полумгле.
Молчаливо проходит луна.
Неподвижно стоит тишина.
В ней — усталость ночных сторожей,
В ней — бессонница наших ночей.

1925

КНИГА

Безмолвствует черный обхват переплета,
Страницы тесней обнялись в корешке,
И книга недвижна. Но книге охота
Прильнуть к человеческой теплой руке.

Небрежно рассказ недочитанный кинут,
Хозяин ушел и повесил замок.
Сегодня он отдал последний полтинник
За краткую встречу с героем Зоро,

Он сядет на лучший из третьего места,
Ему одному предназначенный стул,
Смотреть, как Зоро похищает невесту,
В запретном саду раздирая листву.

Двенадцать сержантов и десять капралов
Его окружают, но маска бежит,
И вот уж на лошади мчится по скалам,
И в публику сыплется пыль от копыт.

И вот на скале, где над пропастью выгиб,
Бесстрашный Зоро повстречался с врагом...
Ну, разве покажет убогая книга
Такой полновесный удар кулаком?

Безмолвствует черный обхват переплета,
Страницы тесней обнялись в корешке,
И книга недвижна. Но книге охота
Прильнуть к человеческой теплой руке.

1925

ПРИЗРАК

Я был совершенно здоровым в тот день,
И где бы тут призраку взяться?
В двенадцать часов появляется тень
Без признаков галлюцинаций.

(Она не похожа на мертвецов,
Являвшихся прежде поэтам,—
Ей френч голубой заменяет покров,
И кепка на череп надета.

Чернеющих впадин безжизненный взгляд
Под блеском пенсне оживает.
И таза не видно — пуговиц ряд
Наглухо все закрывает.)

— Привет мой земному!
— Здорово, мертвец!
Мне странно твое посещенье.
Я ведь не Гамлет — мой старый отец
Живет на моем иждивенье.

Зачем ты явился? О тень, удались!
Ведь я (что для призрака хуже?)
По убежденьям — материалист
И комсомолец к тому же.

Знакомство вести с мертвецами давно
Для нас подозрительный признак.
Поэтам теперешним запрещено
Иметь хоть малюсенький призрак.

И если войдет посторонний ко мне
И встретит нас — определенно
Я медленно буду гореть на огне
Уклонов,
Уклонов,
Уклонов...

Мне голосом тихим мертвец отвечал
С заметным загробным акцентом:
— Мой друг! Я в твоем общежитье стучал
В двери ко многим студентам.

— Уйдите! — они мне кричали в ответ
Дрожащими голосами.
— Уйдите! Вон там проживает поэт,
Ведущий дела с мертвецами.

О друг мой земной, не чуждайся меня.
Забудем о классовой розни.
По вашей столице я шлялся три дня,
Две ночи провел на морозе.

Я вышел из гроба как следует быть:
С косою и в покрывале
(Такие экскурсии — может быть,
Ты вспомнишь — и прежде бывали).

Но, только меня увидали в лесу
В моем облачении древнем,
Безжалостно отобрали косу
И отослали в деревню.

Я в город явился, и многих зевак
Одежда моя удивляла.
— Снимай покрывало, старый чудак!
Кто носит теперь покрывало?

Они выражали сочувствие мне
И, чтоб облегчить мои муки,
Мне выдали френч, подарили пенсне,
Надели потертые брюки.

Тяжел и неровен мой жизненный путь,
Тем более что не живой я...
О друг мой живущий! Позволь отдохнуть
Хотя б до рассвета с тобою!..

Он встал на колени, он плакал, он звал,
Он принялся дико метаться...
Я был беспощаден. Я призрак прогнал,
Спасая свою репутацию.

Теперь вспоминаю ночною порой
О встрече такой необычной...
Должно быть, на каменной мостовой
Бедняга скончался вторично.

1926

ЛЕГЕНДА ОБ АНГЛИЙСКИХ ШАХТЕРАХ

Если земля недовольна судьбою —
Уголь трясется в ее груди.
Слышишь, товарищ? Внизу, под тобою,
Пересыпаясь, уголь гудит.

Эту легенду о первом забое,
Брат мой британский, ты выучишь скоро.
Ночь, говорят, была голубою
(Странная ночь для шахтера!).

Горе вселилось под ветхие крыши,
Плети свистели... И от испуга
Древние звезды поднялись повыше,
Древние люди запрятались в уголь.

Тусклый фонарик в руке закачался
В эту подземную ночь без рассвета...
Брат мой! Ручаюсь: до этого часа
Люди не знали черного цвета.

С каждым ударом на добрую сажень
Уголь отскакивал. Ну-ка, быстрее!..
Старческим шагом, покрытое сажей,
Время сползало в глубь галереи.

Хмуро молчал неприветливый уголь,
Шли вагонетки, и рельсы сверкали...
Где же ты, нежность? И люди подругу
Сами себе из угля высекали.

Лошадь слепая ребенка качала,
Грустною нянькой уселось молчанье...
Молодость! Где же твое начало?
Где же, о старость, твое окончанье?

Участь отца повторяется дважды,
Черное племя рождалось, и снова —
Стук вагонеток... Но, брат мой, однажды
Люди внизу докопались до слова.

И за молчанья разорванным кругом
Шахта, как пламенем, криком объята:
«Хватит! Довольно! Не правда ли, уголь?»
Уголь ответил: «Вы правы, ребята!»

Люди поднялись по узким проходам,
Утро их встретило красным рассветом...
Брат мой! Ручаюсь: до этого года
Люди не знали красного цвета.

1926

ЛИРИЧЕСКИЙ УПРАВДЕЛ

Мы об руку с лаской жестокость встречаем:
Убийца спасает детей и животных,
Палач улыбается дома за чаем
И в жмурки с сынишкой играет охотно.

И даже поэты беседуют прозой,
Готовят зачеты, читают рассказы...
Лишь вы в кабинете насупились грозно,
Входящих улыбкой не встретив ни разу.

За осенью — стужа, за веснами — лето,
Проносятся праздники колоколами,
Таинственной жизнью в тиши кабинетов
Живут управляющие делами.

Для лета есть зонтик, зимою — калоши,
Надежная крыша — дожди не прольются...
Ах, если б вы знали, как много хороших
На складах поэзии есть резолюций!

Ведь каждая буква из стихотворенья
В любой резолюции сыщет подругу,
Но там, где начертано ваше решенье,
Там буквы рыдают, запрятавшись в угол...

Суровый товарищ, прошу вас — засмейтесь!
Я новую песню для вас пропою.
Улыбка недремлющим красноармейцем
Встает, охраняя поэму мою.

Устало проходит эпический полдень,
Лирический сумрак сгустился над нами.
Вы слышите? Песнями сумрак заполнен,
И конница снова звенит стременами.

Ах, это, поверьте, не отблеск камина —
Теплушечный дым над степями заплавал.
Пред нами встает боевая равнина
Огромною комнатой смерти и славы.

Артиллерийская ночь наготове,
Ждет, неприятеля подозревая...
Атака! Я снова тобой арестован,
Тебя вспоминая в теплушке трамвая.

Суровый товарищ! Солнце заходит,
Но наше еще не сияло как следует.
Прошу вас: засмейтесь, как прежде бывало
У дымных костров за веселой беседою.

На нас из потемок, даруя нам песни,
Страна боевая с надеждой глядела...
Страна боевая! Ты снова воскреснешь,
Когда засмеются твои управделы.

Ты снова воскреснешь, ты спросишь поэта:
«Готова ли песня твоя боевая?»
Я сразу ударю лирическим ветром,
Над башнями смеха улыбку взвивая.

1926

ЕСЕНИНУ

День сегодня был короткий,
Тучи в сумерки уплыли,
Солнце тихою походкой
Подошло к своей могиле.

Вот, неслышно вырастая
Перед жадными глазами,
Ночь большая, ночь густая
Приближается к Рязани.

Шевелится над осокой
Месяц бледно-желтоватый,
На крюке звезды высокой
Он повесился когда-то.

И, согнувшись в ожиданье
Чьей-то помощи напрасной,
От начала мирозданья
До сих пор висит, несчастный...

Далеко в пространствах поздних
Этой ночью вспомнят снова
Атлантические звезды
Иностранца молодого.

Ах, недаром, не напрасно
Звездам сверху показалось,
Что еще тогда ужасно
Голова на нем качалась...

Ночь пойдет обходом зорким,
Все окинет черным взглядом,
Обернется над Нью-Йорком
И заснет над Ленинградом.

Город, шумно встретив отдых,
Веселился в час прощальный...
На пиру среди веселых
Есть всегда один печальный.

И когда родное тело
Приняла земля сырая,
Над пивной не потускнела
Краска желто-голубая.

Но родную душу эту
Вспомнят нежными словами
Там, где новые поэты
Зашумели головами.

1926

ПЕСНЯ

Товарищи! Быстрее шаг!
Опасность за спиною:
За нами матери спешат
Разбросанной толпою.

Они направились левей,
Чтоб пересечь дорогу,
Но только спины сыновей
Они увидеть смогут.

Когда же от погонь спастись
Не сможет наша рота,—
Тогда, товарищ, обернись
И стань вполоборота.

В такие дни таков закон:
Со мной, товарищ, рядом
Родную мать встречай штыком,
Глуши ее прикладом.

Нам баловаться сотни лет
Любовью надоело.
Пусть штык проложит новый след
Сквозь маленькое тело...

Бегут в раскрытое окно
Слова веселой песни,
И мать моя давным-давно
Уснула в старом кресле.

Как хорошо уснула ты!..
И я гляжу с волненьем
На тихие твои черты,
На ласковое выраженье.

Прислушайся, услышишь вновь —
Во мне звучит порою
За равнодушием любовь,
Как скрипка за стеною.

А помнишь: много лет назад,
Бывало, пред походом
Я посылал тебе деньжат
Почтовым переводом.

И ты не бойся страшных слов:
Сквозь дым и пламя песни
Я пронести тебя готов
На пальцах в этом кресле.

И то, что в час вечеровой
В кошмаре мне явилось,
Я написал лишь для того,
Чтоб песня получилась.

1926

СТРОИТЕЛЬСТВО

Оно идет тяжелыми шагами
И медленно обходит города.
От грузных ног
Следов большие ямы,
И в ямах собирается вода.
А мы уселись на его спине
И каменной походкой управляем.
Оно замрет на миг
В коротком сне,
Тогда и мы немного засыпаем.
Случается:
Бредет проселком прямо,
Стена встречается наперекор пути,
В стену упрется
И мычит упрямо
Однообразное, тяжелое: пусти!
Здесь путь закрыт,
Здесь заперты дороги,
Здесь надобно искать
Окольный путь.
Товарищи!
Попробуем немного
Каменную шею повернуть...
Оно идет тяжелыми шагами

И медленно обходит города.
От грузных ног
Следов большие ямы,
И в ямах собирается вода...
Мы за работой тяжкою не дремлем,
Нам каждая минута дорога,
Чтоб выровняла сморщенную землю
Строительства
Упрямая
Нога.

1926

ПЕСНЯ УГЛЕКОПОВ

Ты ответь мне, моя земля,
Кто хозяин и уголь чей?
Мы кидаем куски угля
На лохмотья твоих ночей.
Нас к земле привязала мгла,
Оглушила нас тишина,
И бессонница обняла,
Словно преданная жена...
Нынче песню одну с утра
Мы выстукиваем киркой.
Ах, ни разу еще, мой брат,
Ты не слышал песни такой!
Брат мой, вслушайся в эту боль
Злого голоса моего:
— Жил на свете один король,
И министры вокруг него.
Солнце, вставшее на заре,
Освещало весь день подряд
Королевский его дворец
И министров его парад.
Под землею на две версты
Мы в подземной ночи живем,
Мы взрываем ее пласты,
Именуемые углем.

Пой, кирка моя, пой, стучи!..
Ночь раскинулась широко,
И поди разбери в ночи:
Кто король и кто углекоп!
Чья ты будешь теперь, земля?
Кто хозяин и уголь чей?
Мы кидаем куски угля
На лохмотья больших ночей!
Ну-ка, братцы, давай споем
Песню радостную одну,
Чтоб засы́пать нашим углем
Королевскую седину!

1926

КЛОПЫ

Халтура меня догоняла во сне,
Хвостом зацепив одеяло,
И путь мой от крови краснел и краснел,
И сердце от бега дрожало.

Луна закатилась, и стало темней,
Когда я очнулся и тотчас
Увидел: на смятой постели моей
Чернеет клопов многоточье.

Сурово и ровно я поднял сапог:
Расправа должна быть короткой,—
Как вдруг услыхал молодой голосок,
Идущий из маленькой глотки:

«Светлов! Успокойся! Нет счастья в крови,
И казни жестокой не надо!
Великую милость сегодня яви
Клопиному нашему стаду!

Ах, будь снисходительным и пожалей
Несчастную горсть насекомых,
Которые трижды добрей и скромней
Твоих плутоватых знакомых!..»

Стенанья умолкли, и голос утих,
Но гнев мой почувствовал волю:
— Имейте в виду, о знакомых моих
Я так говорить не позволю!

Мой голос был громок, сапог так велик,
И клоп задрожал от волненья:
«Прости! Я высказывать прямо привык
Свое беспартийное мненье.

Я часто с тобою хожу по Москве,
И, как поэта любого,
Каждой редакции грубая дверь
Меня прищемить готова.

Однажды, когда ты халтуру творил,
Валяясь на старой перине,
Я влез на высокие брюки твои
И замер... на левой штанине.

Ты встал наконец-то (штаны натянуть
Работа не больше минуты),
Потом причесался и двинулся в путь
(Мы двинулись оба как будто).

Твой нос удручающе низко висел,
И скулы настолько торчали,
Что рядом с тобой Дон-Кихота бы все
За нэпмана принимали...

Ты быстро шагаешь. Москва пред тобой
Осенними тучами дышит.
Но вот и редакция. Наперебой
Поэты читают и пишут.

Что, дескать, кто умер, заменим того,
Напрасно, мол, тучи нависли,
Что близко рабочее торжество...
Какие богатые мысли!

Оставив невыгодность прочих дорог,
На светлом пути коммунизма
Они получают копейку за вздох
И рубль за строку оптимизма...

Пробившись сквозь дебри поэтов, вдвоем
Мы перед редактором стынем.
Ты сразу: «Стихотворенье мое
Годится к восьмой годовщине».

Но сзади тебя оборвали тотчас:
«Куда вы! Стихи наши лучше!
Они приготавливаются у нас
На всякий торжественный случай.

Красная Армия за восемь лет
Нагнала на нас вдохновенье...
Да здравствует Либкнехт, и Губпрофсовет,
И прочие учрежденья!

Да здравствует это, да здравствует то!..»
И, поражен беспорядком,
Ты начал укутываться в пальто,
Меня задевая подкладкой.

Я всполз на рукав пиджака твоего
И слышал, как сердце стучало...
Поверь: никогда ни одно существо
Так близко к тебе не стояло.

Когда я опять перешел на кровать,
Мне стало отчаянно скверно,
И начал я громко и часто чихать,
Но ты не расслышал, наверно.

Мои сотоварищи — те же клопы —
На нас со слезами смотрели:
Пускай они меньше тебя и слабы —
Им лучше живется в постели.

Пусть ночь наша будет темна и слепа,
Но все же — клянусь головою —
История наша не знает клопа,
Покончившего с собою».

1926

ГРЕНАДА

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах.
Ах, песенку эту
Доныне хранит
Трава молодая —
Степной малахит.

Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Он песенку эту
Твердил наизусть...
Откуда у хлопца
Испанская грусть?
Ответь, Александровск,
И, Харьков, ответь:

Давно ль по-испански
Вы начали петь?

Скажи мне, Украйна,
Не в этой ли ржи
Тараса Шевченко
Папаха лежит?
Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Он медлит с ответом,
Мечтатель-хохол:
— Братишка! Гренаду
Я в книге нашел.
Красивое имя,
Высокая честь —
Гренадская волость
В Испании есть!

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Мы мчались, мечтая
Постичь поскорей
Грамматику боя —
Язык батарей.

Восход подымался
И падал опять,
И лошадь устала
Степями скакать.

Но «Яблочко»-песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времен...
Где же, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Пробитое тело
Наземь сползло,
Товарищ впервые
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна,
И мертвые губы
Шепнули: «Грена...»

Да. В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.
С тех пор не слыхали
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Отряд не заметил
Потери бойца

И «Яблочко»-песню
Допел до конца.
Лишь по небу тихо
Сползла погодя
На бархат заката
Слезинка дождя...

Новые песни
Придумала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить.
Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
Гренада, Гренада,
Гренада моя!

1926

* * *

Я в жизни ни разу не был в таверне,
Я не пил с матросами крепкого виски,
Я в жизни ни разу не буду, наверно,
Скакать на коне по степям аравийским.

Мне робкой рукой не натягивать парус,
Веслом не взмахнуть, не кружить в урагане,—
Атлантика любит соленого парня
С обветренной грудью, с кривыми ногами...

Стеной за бортами льдины сожмутся,
Мы будем блуждать по огромному полю,—
Так будет, когда мне позволит Амундсен
Увидеть хоть издали Северный полюс.

Я, может, не скоро свой берег покину,
А так хорошо бы под натиском бури,
До косточек зная свою Украину,
Тропической ночью на вахте дежурить.

В черниговском поле, над сонною рощей
Подобные ночи еще не спускались,—
Чтоб по небу звезды бродили на ощупь
И в темноте на луну натыкались...

В двенадцать у нас запирают ворота,
Я мчал по Фонтанке, смешавшись с толпою,
И все мне казалось: за поворотом
Усатые тигры прошли к водопою.

1926

В КАЗИНО

Мне грустную повесть крупье
рассказал:
— В понте — девятка, банк проиграл!

— Крупье, обождите!
Я ставлю в ответ
Когда-то написанный
Скверный сонет.

Грустная повесть
Несется опять:
— Банк проиграл,
В понте — пять!

Здесь мелочью
Выиграть много нельзя.
Ну что же. Я песней
Рискую, друзья!

Заплавали люстры
В веселом огне,
И песня дрожит
На зеленом сукне...

Столпились, взволнованы.
Смотрят: давно
Не видело пыток
Таких казино.

И только спокойный
Крупье говорит:
— Игра продолжается,
Банк недокрыт!

Игрок приподнялся,
Знакомый такой...
Так вот где мы встретились,
Мой дорогой!

Ты спасся от пули
Моей и опять
Пришел, недостреленный,
В карты играть...

В накуренном зале
Стоит тишина...
— Выиграл банк!
Получите сполна!

Заплавали люстры
В веселом огне,
И песня встает
И подходит ко мне:

— Я так волновалась,
Мой дорогой! —
Она говорит
И уходит со мной...

На улице тишь.
В ожиданье зари
Шпалерами
Строятся фонари.

Уже рассветает,
Но небо в ответ
Поставило сотню
Последних планет.

Оно проиграет:
Не может оно
Хорошею песней
Рискнуть в казино.

1927

ПЕСЕНКА АНГЛИЙСКОГО МАТРОСА

Плыву, плыву в тумане,
Плыву в кругу ночей.
Британия, Британия,
Владычица морей.

Вокруг земного шара
Британская вода,
Стоят у Гибралтара
Английские суда.
Неисчислимы рейсы,
Широкий путь открыт,—
У берега твой крейсер
На Индию глядит,
Ты в Африке оставила
Следы от якорей,
Британия, Британия,
Владычица морей!

Но берегись, Британия!
В морях плывет беда,
Волнуется у берега
Китайская вода.
И что ты будешь делать,
Отечество мое?

Ведь пароход на суше
Не годен под жилье!
Закрой глаза от света
Китайских фонарей,
Британия, Британия,
Владычица морей!

Где плыл корсар на шхуне —
Плыву в кругу ночей.
Погасло полнолунье
Над родиной моей.
Мамаша! Дело скверно,
Твоя вода бурлит,
Закрытая таверна
На берегу грустит.
Ты опускаешь цепи
Последних якорей,
Британия, Британия,
Владычица морей!

Давай-ка побеседуем:
В какие дни, когда
Поила нас как следует
Британская вода?
Привязанные к мачтам,
Мы плыли по морям,
Нас Англия, как мачеха,
Кидала по волнам.
Так сохни же под солнцем,
Под блеском лучей,
Последняя лужа
Британских морей!

1927

* * *

Мы с тобою, родная,
Устали как будто,—
Отдохнем же минуту
Перед новой верстой.
Я уверен, родная:
В такую минуту
О таланте своем
Догадался Толстой.

Ты ведь помнишь его?
Сумасшедший старик!
Он ласкал тебя сморщенной,
Дряблой рукою.
Ты в немом сладострастье
Кусала язык
Перед старцем влюбленным,
Под лаской мужскою.

Может, я ошибаюсь,
Может быть, ты ни разу
Не являлась нагою
К тому старику.
Может, Пушкин с тобою
Проскакал по Кавказу,

Пролетел, простирая
Тропу, как строку...

Нет, родная, я прав!
И Толстой и другие
Подарили тебе
Свой талант и тепло.
Я ведь видел, как ты
Пронеслась по России,
Сбросив Бунина,
Скинув седло.

А теперь подо мною
Влюбленно и пылко
Ты качаешь боками,
Твой огонь не погас...
Так вперед же, вперед,
Дорогая кобылка,
Дорогая лошадка
Пегас!

1927

ГРАНИЦА

Я не знаю, где граница
Между Севером и Югом,
Я не знаю, где граница
Меж товарищем и другом.

Мы с тобою шлялись долго,
Бились дружно, жили наспех.
Отвоевывали Волгу,
Лавой двигались на Каспий.

И, бывало, кашу сваришь
(Я — знаток горячей пищи),
Пригласишь тебя:
— Товарищ,
Помоги поесть, дружище!

Протекло над нашим домом
Много лет и много дней,
Выросло над нашим домом
Много новых этажей.

Это много, это слишком:
Ты опять передо мной —
И дружище, и братишка,
И товарищ дорогой!..

Я не знаю, где граница
Между пламенем и дымом,
Я не знаю, где граница
Меж подругой и любимой.

Мы с тобою лишь недавно
Повстречались — и теперь
Закрываем наши ставни,
Запираем нашу дверь.

Сквозь полуночную дрему
Надвигается покой,
Мы вдвоем остались дома,
Мой товарищ дорогой!

Я тебе не для причуды
Стих и молодость мою
Вынимаю из-под спуда,
Не жалея, отдаю.

Люди злым меня прозвали,
Видишь — я совсем другой,
Дорогая моя Валя,
Мой товарищ дорогой!

Есть в районе Шепетовки
Пограничный старый бор —
Только люди
И винтовки,
Только руки
И затвор.

Утро тихо серебрится...
Где, родная, голос твой?..
На единственной границе
Я бессменный часовой.

Скоро ль встретимся — не знаю.
В эти злые времена
Ведь любовь, моя родная,—
Только отпуск для меня.

Посмотри:
Сквозь муть ночную
Дым от выстрелов клубится...
Десять дней тебя целую,
Десять лет служу границе...

Собираются отряды...
Эй, друзья!..
Смелее, братцы!..

Будь же смелой —
Стань же рядом,
Чтобы нам не расставаться!

1927

СМЫЧКА

Выпал за окнами первый снежок,
Блекнет закат, догорая...
Музыка входит:
— Здравствуй, дружок!
— Здравствуй, моя дорогая! —
Гости съезжаются,
Много гостей.
Входят, румяны с мороза.
Рифмы вбегают.
В передней моей
Глухо закашляла Проза...
Вечер в разгаре,
Полночь близка.
Льется вино.
                    По ошибке
Музыка громко читает рассказ,
Рифма играет на скрипке.
Вдруг замолкают.
В двери мои
Слышится стук осторожный.
Голос доносится:
                              — Можно войти? —
Я отвечаю:
— Можно! —

Парень смущенно у двери стоит
(Шутка ли — столько народу!).
— Я к тебе завтра зайду,— говорит,—
Я к тебе так, мимоходом...—
Гостю навстречу:
— Приятель, здоров!
Выпей, согрейся с мороза.
Знакомьтесь:
Рабфаковец Ваня
Жезлов —
Музыка,
Живопись,
Проза...—
Пробки защелкали,
Льется вино,
Музыка шепчет в истоме:
— Ваня! Я Мишу просила давно
С вами меня познакомить.—
Парень, подвыпивши, смотрит смелей.
— Мы ведь знакомы немножко —
Вы проезжали деревней моей,
Сидя на венской гармошке.
Голос гармоники трудно забыть,
Вы мне приснитесь, бывало...
— Что вы!
Оставьте!
Не может быть!
Я и не подозревала!..—
Наша пирушка кипит до утра,
Музыка пляшет беспечно...
Гости встают.
— Расходиться пора.
Ты нас проводишь, конечно? —

Вышли и песни поем в тишине,
И на веселых прохожих
Смотрит серьезный милиционер
И улыбается тоже.

1927

ПЕСНЯ

С утра до заката,
Всю ночь до утра
В снегу большевичит
Мурманский край.

Немного южнее
Суровой страны
Бока Ярославля
От крови красны.

А дальше к востоку
Встречает рассвет
Верблюжьей спиною
Уральский хребет.

Эльбрус на Кавказе
Навстречу весне
Грузинскую песню
Мурлычет во сне.

Земля под прицелом,
Под пальцем курок:
Житомир — на Запад,
Ейск — на Восток...

Шумит над Китаем
Косая гроза,
Я вижу сквозь жерла
Косые глаза.

Я вижу, я вижу:
По желтой стране
Китайский Котовский
Летит на коне.

Котовский к Шанхаю
Летит и летит,
Простреленным сердцем
Стучит и стучит.

Друзья! Собирайтесь,
Открыты пути.
Веселая песня,
Смертельный мотив!

Шумит над Китаем
Косая гроза,
Я вижу сквозь жерла
Косые глаза...

Но есть еще Запад
За нитью границ,
Там выцвели вспышки
Походных зарниц,

Там пулями грозы
Еще не шумят,
Народные бунты
Под Краковом спят.

Но только лишь мертвый
Трубач заиграл —
Котовский на Запад
Коня оседлал.

Вельможная Польша
Не сдержит напор,
Стоит на коленях
Варшавский собор.

Шумит над Парижем
Потоком камней
Последняя паперть
Взметенных церквей.

Земля не устанет
Знамена носить...
Веселая песня,
Военная прыть!

Простреленным сердцем
Котовский стучит,
И песня с Востока
На Запад летит.

1927

СТАРУШКА

Время нынче такое: человек не на месте,
И земля уж, как видно, не та под ногами.
Люди с богом когда-то работали вместе,
А потом отказались: мол, справимся сами.

Дорогая старушка! Побеседовать не с кем вам,
Как поэт, вы от массы прохожих оторваны...
Это очень опасно — в полдень по Невскому
Путешествие с правой на левую сторону...

В старости люди бывают скупее —
Вас трамвай бы за мелочь довез без труда,
Он везет на Васильевский за семь копеек,
А за десять копеек — черт знает куда!

Я стихи свои нынче переделывал заново,
Мне в редакции дали за них мелочишку.
Вот вам деньги. Возьмите, Марья Ивановна!
Семь копеек — проезд, про запасец — излишки...

Товарищ! Певец наступлений и пушек,
Ваятель красных человеческих статуй,
Простите меня — я жалею старушек,
Но это — единственный мой недостаток.

1927

ПРОВОД

Человек обещал
Проводам молодым:
— Мы дадим вам работу
И песню дадим! —
И за дело свое
Телеграф принялся,
Вдоль высоких столбов
Телеграммы неся.

Телеграфному проводу
Выхода нет —
Он поет и работает,
Словно поэт...

Я бы тоже, как провод,
Ворону качал,
Я бы пел,
Я б рассказывал,
Я б не молчал,
Но сплошным наказаньем
Сквозь ветер, сквозь тьму
Телеграммы бегут
По хребту моему:
«Он встает из развалин —

Нанкин, залитый кровью...»
«Папа, мама волнуются,
Сообщите здоровье...»

Я бегу, обгоняя
И конных и пеших...
«Вы напрасно волнуетесь...» —
Отвечает депеша.

Время!
Дай мне как следует
Вытянуть провод,
Чтоб недаром поэтом
Меня называли,
Чтоб молчать, когда Лидочка
Отвечает: «Здорова!»,
Чтоб гудеть, когда Нанкин
Встает из развалин...

1927

СТАРАЯ РУСЬ

Бояре затевают
Новые козни,
Чутко насторожилась
Придворная челядь.
Сидит извозчик
На стареньких козлах,
Думает извозчик
От нечего делать.

Больно уж лютая
Выдалась погода —
Метель продувает
Во все концы.
Сидит извозчик,
Немного поодаль
На пьяной лавочке
Сидят стрельцы.

Петр, соблазненный
Заграничным раем,
Бороды велел
Поостричь боярам.
Бояре в оппозицию:
— Мы не желаем!

Нам-то борода
Досталась не даром!

Петровских ассамблей
Старинные танцы,
Чинные гости
У круглого стола...
Эх, будь я Дмитрием,
Да еще Самозванцем,
Я бы натворил
Большие дела!

Я бы обратился
С речью к боярам:
— Царь — это дорого,
Сколько ни борися!
Я вам согласен
Царствовать даром,
Ну, хотя бы вместо
Годунова Бориса.

Бояре бы ответили
С серьезным выражением,
Хищными глазами
Взглянув из-под бровей:
— Мы-то согласны!
Но есть возражения:
Во-первых, Михаил,
Во-вторых, еврей!

Какое огорчение!
Я не буду императором,
В золоченой карете

По Москве не поеду,
Зато пронесу
Без малейшей утраты
Свое политическое кредо.

1927

ПИСЬМО ЧЕМБЕРЛЕНУ

Уважаемый лорд!
Не сейчас, так когда-нибудь
Осенит вас знаменьем
Милость господня:
В окруженье святых
Вознесетесь вы нá небо.
(Я прошу вас не медлить —
Вознеситесь сегодня...)

Для всеобщего мира
Вы ищете средство —
Вы ведь миролюбивы
А-ля Иисус.
Правда, сломана мебель
В советском торгпредстве,
Но вы здесь ни при чем,—
Это сыщик, клянусь!..

За далекой водою
Разгромленный Нанкин,
Собираются сироты
У разрушенных стен,—
Это на берег вышли

Английские танки,
Убивают солдаты...
Но не Чемберлен!

Вы? Вы можете
Только приказывать:
Наступать! Покорять!
Расстрелять! Припугнуть!
Ну, а сами, о лорд,
Я уверен — ни разу вы
Не пытались кого-либо
Ну хотя б ущипнуть!..

Говорят, что детей
Вы до слабости любите,
Вы им дарите куклу,
Игрушечный а́тлас,
Может быть, потому,
Что невинные губы те
Недостаточно жестки,
Чтоб начать проклинать вас.

Всемогущий господь
Недоволен Европой —
Большевистские песни
Запел человек...
Если хлынет вода
Мирового потопа,
Вас господь, словно Ноя,
Устроит в ковчег.

Благодарные богу
За приют, за ночлег и
За его снизошедшую

К вам благодать,
Вы сквозь дождь проплывете.
И в темном ковчеге
Весь парламент —
Вся фауна будет мычать.

(Вы, кажись, недовольны
Становитесь мною?
Вы обижены, лорд?
Так признайтесь же прямо,
Может быть, вы совсем
Не похожи на Ноя,
Может, вы больше
Похожи на Хама?)

Когда ж океан
Возвратится обратно,
Прошу вас заметить:
У края земли
Красное знамя
На груди Арарата
Ветра раздували,
Но снять не смогли.

1927

ПЕРЕД БОЕМ

Я нынешней ночью
Не спал до рассвета,
Я слышал — проснулись
Военные ветры.
Я слышал — с рассветом
Девятая рота
Стучала, стучала,
Стучала в ворота.

За тонкой стеною
Соседи храпели,
Они не слыхали,
Как ветры скрипели.

Рассвет подымался,
Тяжелый и серый,
Стояли усталые
Милиционеры,
Пятнистые кошки
По каменным зданьям
К хвостатым любовникам
Шли на свиданье.

Над улицей тихой,
Большой и безлюдной,

Вздымался рассвет
Государственных будней.
И, радуясь мирной
Такой обстановке,
На теплых постелях
Проснулись торговки.

Но крепче и крепче
Упрямая рота
Стучала, стучала,
Стучала в ворота.

Я рад, что, как рота,
Не спал в эту ночь,
Я рад, что хоть песней
Могу ей помочь.

Крепчает обида, молчит,
И внезапно
Походные трубы
Затрубят на Запад.
Крепчает обида.
Товарищ, пора бы,
Чтоб песня взлетела
От штаба до штаба!

Советские пули
Дождутся полета...
Товарищ начальник,
Откройте ворота!
Туда, где бригада
Поставит пикеты,—
Пустите поэта!
И песню поэта!

Знакомые тучи!
Как вы живете?
Кому вы намерены
Нынче грозить?
Сегодня на мой
Пиджачок из шевьота
Упали две капли
Военной грозы.

1927

ЗВЕЗДЫ

Если тихо плачет скрипка,
Я, как все, в платок сморкаюсь,
Широчайшею улыбкой
Я родителей встречаю.
Но от бурь не спрячешь тело,
Не спасешь гортань от хрипа,
Если время мне велело
Быть с дубиной возле скрипок.
Я видал его, глухого,
Проливающего слезы:
Он часами ждал — Бетховен —
Возле штаба у березы.
Я в тот день был страшно занят.
Он ушел.
И ночью поздней
Музыкальными глазами
На меня смотрели звезды.
В ожидании прихода
Предрассветного тумана
Заиграла вся природа
На старинном фортепиано.

Звезды все, склонившись низко,
Мне на голову упали,—
За меня, за коммуниста,
Звезды все голосовали.

1927

ПОЭТУ

Друг ты мой,
Задумчивый и строгий,
Снаряжайся,
скоро нам идти!
Будь готов,
поводьями закинув строки,
Боевую повесть
Повести.
Не с тобой ли
Пели мы о буднях,
О рабфаковке,
О солнце,
О полях?
И не мы ль
в затеях наших трудных
Расстилали
невозможный взмах?..
Пусть засохнут
Бледные чернила,—
Дай овса коням
И встань чуть свет.
Чтоб эпоха
Нас не очернила —
Положи перо свое, поэт!

Наша песня
В буднях ликовала,—
Что ж, веди ее с собою в бой.
Запевай же,
первый запевала,
И полки затянут за тобой...
Эти скрипки
Слишком надоели,
Струны
не перестают стонать.
Нынче барабаны захотели
Слово
Большевистское
Сказать.
Друг ты мой!
Нас ждет большое дело,
Не ленись
и на перо нажми,
Чтобы искрами оно взлетело
Над ошеломленными людьми.
Пусть засохнут
Бледные чернила,—
Дай овса коням
И встань чуть свет.
Чтоб эпоха
Нас не очернила —
Брось писания свои, поэт!
Я шучу, дружище,
Не пугайся,
Можешь петь,
Смеяться и любить:
Боевую сбрую на Пегасе
Незачем напрасно теребить.

Может быть,
                    случайны эти вспышки
Молний,
               оброненных под тобой,
Может быть,
Продлится передышка:
Наш покой —
Строительный покой.
Эти наступающие тучи,
Может, возвратятся к берегам,
Но держи, мой друг,
На всякий случай
И почисть заржавленный наган.

1927

ПИРУШКА

Пробивается в тучах
Зимы седина,
Опрокинутся скоро
На землю снега,—
Хорошо нам сидеть
За бутылкой вина
И закусывать
Мирным куском пирога.

Пей, товарищ Орлов,
Председатель Чека.
Пусть нахмурилось небо,
Тревогу тая,—
Эти звезды разбиты
Ударом штыка,
Эта ночь беспощадна,
Как подпись твоя.

Пей, товарищ Орлов!
Пей за новый поход!
Скоро выпрыгнут кони
Отчаянных дней.
Приговор прозвучал,
Мандолина поет,

И труба, как палач,
Наклонилась над ней.

Льется полночь в окно,
Льется песня с вином,
И, десятую рюмку
Беря на прицел,
О веселой теплушке,
О пути боевом
Заместитель заведующего
Запел.

Он чуть-чуть захмелел —
Командир в пиджаке:
Потолком, подоконником
Тучи плывут,
Не чернила, а кровь
Запеклась на штыке,
Пулемет застучал —
Боевой «ундервуд»...

Не уздечка звенит
По бокам мундштука,
Не осколки снарядов
По стеклам стучат,—
Это пьют,
Ударяя бокал о бокал,
За здоровье комдива
Комбриг и комбат...

Вдохновенные годы
Знамена несли,
Десять красных пожаров
Горят позади,

Десять лет — десять бомб
Разорвались вдали,
Десять грузных осколков
Застряли в груди...

Расскажи мне, пожалуйста,
Мой дорогой,
Мой застенчивый друг,
Расскажи мне о том,
Как пылала Полтава,
Как трясся Джанкой,
Как Саратов крестился
Последним крестом.

Ты прошел сквозь огонь —
Полководец огня,
Дождь тушил
Воспаленные щеки твои...
Расскажи мне, как падали
Тучи, звеня
О штыки,
О колеса,
О шпоры твои...

Если снова
Тифозные ночи придут,
Ты помчишься,
Жестокие шпоры вонзив,—
Ты, кто руки свои
Положил на Бахмут,
Эти темные шахты благословив...

Ну, а ты мне расскажешь,
Товарищ комбриг,

Как гремела «Аврора»
По царским дверям
И ночной Петроград,
Как пылающий бриг,
Проносился с Колумбом
По русским степям;

Как мосты и заставы
Окутывал дым
Полыхающих
Красногвардейских костров,
Как без хлеба сидел,
Как страдал без воды
Разоруженный
Полк юнкеров...

Приговор прозвучал,
Мандолина поет,
И труба, как палач,
Наклонилась над ней...
Выпьем, что ли, друзья,
За семнадцатый год,
За оружие наше,
За наших коней!..

1927

БОЕВАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ

Гуди над батальоном,
Знакомая пальба,
Труби над батальоном,
Десятая труба.
Опять предо мною
Огонь и свинец,
Весь мир предо мною,
Как Зимний дворец...
Время свершает
Десятый полет,—
К британскому флоту
«Аврора» плывет.
Скоро над миром
Запляшет картечь,
Двенадцатидюймовая
Наша речь.
Снова встал у пушки
Старый канонир.
Что ты будешь делать,
Старый мир?
Снова ли затрубишь
В боевой рог
Или покорно
Ляжешь у ног?

Лошадям не терпится
Перейти вброд
Новый, тяжелый,
Одиннадцатый год.
Ну а мне не терпится —
В боевом огне
Пролететь, как песня,
На лихом коне.
Я пока тихонько
Сижу и пою,
Я пока готовлю
Песню мою...
Гуди над батальоном,
Знакомая пальба,
Труби над батальоном,
Десятая труба!

1927

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Уже не мальчиком,
Уже почти мужчиной
Перехожу десятую межу.
В одиннадцатую
Нашу годовщину,
Накрыт противогазом,
Прихожу.

Мне десять лет
Знакомы поименно,
И в голове моей
Уже давно
Висят воспоминанья,
как знамена,
Простреленные
Батькою Махно...

Пусть молодость моя
Горит неутомимо —
В ней десять лет
Глядят из-под золы,
В ней с ароматом
Пороха и дыма
Смешался запах
Стружек и смолы...

Вдоль старых стен
По кладбищам печальным,
Над мертвым
                    успокоенным полком,
Я прохожу
Чуть-чуть сентиментальный,
Задумчивым
                    иду
                        большевиком.

Завязаны шнурки
Моих ботинок,
И в прачечной
Лежит мое белье,
И отдано оружие мое
Милиции,
Поставленной
                    на рынок,—

Но в десять лет
Команда не забыта,
Но вычищено
Старое седло,
Но чувствую,
                    что время подползло
Почти неслышным
Шорохом иприта...

Вдоль новых крыш
Пройдут года украдкой,
Сквозь гущу лет
Придет знакомый год...

Сойди, поэт!
Здесь будет пересадка!
Оставь трамвай!
Тебя тачанка ждет!..

Мы десять лет
Надеемся и терпим,
Пока под взрывы
Пушечных зарниц
Проскачет эскадрон
Нетерпеливым темпом
Через барьер
Разрушенных границ...

1927

ЕВРЕЙ-ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ

Скоро маленькие ростки
Кверху голову приподымут.
По сравнению с городским
Здесь довольно приятный климат.

Словно дети, к себе маня,
Из-за каменного сарая
Молодые сады в меня
Яблоками швыряют.

Черный пес впереди бежит,
Поднял голову, смотрит гордо,
Назови его только «жид» —
Он тебе перекусит горло.

Он бежит впереди меня...
— Собакевич вы мой, запомните:
Вы живете с этого дня
В конуре, как в отдельной комнате!..

Ветерок заиграл слегка
Бороды моей сединою,
Как полиция, облака
Собираются надо мною.

Вечереет, и впотьмах
Брызжут капельки дождевые,
Будто плачут о старых днях
Постаревшие городовые.

Мне бывает чего-то жаль,
Как жалеют о чем-то дети...
Где ты скрылась, моя печаль,
Где живешь ты теперь на свете?

Светлый ветер тебя унес
И развеял тебя по пустыне,
Иорданом соленых слез
Я не встречу тебя отныне...

Надо мною слова плывут —
Скоро песня в полях родится,
Это дети мои поют,
Это слушает их пшеница.

Я усядусь в кругу семьи...
Ах, ведь я опоздаю снова,—
Обещал я прийти к семи,
А теперь уже полвосьмого.

1927

ЖИВЫЕ ГЕРОИ

Чубатый Тарас
Никого не щадил...
Я слышу
Полуночным часом,
Сквозь двери:
— Андрий! Я тебя породил!..—
Доносится голос Тараса.

Прекрасная панна
Тиха и бледна,
Распущены косы густые,
И падает наземь,
Как в бурю сосна,
Пробитое тело Андрия...

Полтавская полночь
Над миром встает...
Он бродит по саду свирепо,
Он против России
Неверный поход
Задумал — изменник Мазепа.

В тесной темнице
Сидит Кочубей

И мыслит всю ночь о побеге,
И в час его казни
С постели своей
Поднялся Евгений Онегин:

— Печорин! Мне страшно!
Всюду темно!
Мне кажется, старый мой друг,
Пока Достоевский сидит в казино,
Раскольников глушит старух!..

Звезды уходят
За темным окном,
Поднялся рассвет из тумана...
Толчком паровоза,
Крутым колесом
Убита Каренина Анна...

Товарищи классики!
Бросьте чудить!
Что это вы, в самом деле,
Героев своих
Порешили убить
На рельсах,
В петле,
На дуэли?..

Я сам собираюсь
Роман написать —
Большущий!
И с первой страницы
Героев начну
Ремеслу обучать
И сам помаленьку учиться.

И если, не в силах
Отбросить невроз,
Герой заскучает порою,
Я сам лучше кинусь
Под паровоз,
Чем брошу на рельсы героя.

И если в гробу
Мне придется лежать,—
Я знаю:
Печальной толпою
На кладбище гроб мой
Пойдут провожать
Спасенные мною герои.

Прохожий застынет
И спросит тепло:
— Кто это умер, приятель? —
Герои ответят:
— Умер Светлов!
Он был настоящий писатель!

1927

В РАЗВЕДКЕ

Поворачивали дула
В синем холоде штыков,
И звезда на нас взглянула
Из-за дымных облаков.

Наши кони шли понуро,
Слабо чуя повода.
Я сказал ему: — Меркурий
Называется звезда.

Перед боем больно тускло
Свет свой синий звезды льют...
И спросил он:
— А по-русски
Как Меркурия зовут?

Он сурово ждал ответа;
И ушла за облака
Иностранная планета,
Испугавшись мужика.

Тихо, тихо...
Редко, редко
Донесется скрип телег.

Мы с утра ушли в разведку,
Степь и травы — наш ночлег.

Тихо, тихо...
Мелко, мелко
Полночь брызнула свинцом,—
Мы попали в перестрелку,
Мы отсюда не уйдем.

Я сказал ему чуть слышно:
— Нам не выдержать огня.
Поворачивай-ка дышло,
Поворачивай коня.

Как мы шли в ночную сырость,
Как бежали мы сквозь тьму —
Мы не скажем командиру,
Не расскажем никому.

Он взглянул из-под папахи,
Он ответил:
— Наплевать!
Мы не зайцы, чтобы в страхе
От охотника бежать.

Как я встану перед миром,
Как он взглянет на меня,
Как скажу я командиру,
Что бежал из-под огня?

Лучше я, ночной порою
Погибая на седле,
Буду счастлив под землею,
Чем несчастен на земле...

Полночь пулями стучала,
Смерть в полуночи брела,
Пуля в лоб ему попала,
Пуля в грудь мою вошла.

Ночь звенела стременами,
Волочились повода,
И Меркурий плыл над нами —
Иностранная звезда.

1927

ХЛЕБ

I

Снова бродит луна
По полям бесконечных скитаний.
Словно в очередь к богу,
Вразвалку лежат мертвецы...
Засыхает слюна
Над застрявшей в гортани
Отсыревшей полоской мацы...

Чтобы спрятать свой стыд,
Чтобы скрыть свой позор от людей,
Небеса над землей
Опускают ночной горизонт...

Беспощадная ночь,
Ты бы стала немного светлей,
Если б ты поняла,
Как смертельно устал Либерзон...

Дилижанс трясется и скрипит,
Самуил Израилевич спит.
Впереди
Круговоротом верст

Распростерся
Полевой ковер.
Ветром донесло издалека
Пьяное дыханье мужика.

Бродит полночь неживая
По местечкам разоренным,
Свежий ветер обдувает
Мещанина Либерзона.

— Господи!
Еще недоставало
В тухлом дилижансе простудиться...
Одолжи мне, боже, покрывало
На мою худую колесницу!

Или мало просьбы человека?
Или я молился мало?
Или мертвая моя Ревекка
Обо мне еще не рассказала?

Ты ведь видел
Этих трупов груды,
Дочерей моих ты видел тоже,
Ты смотрел на розовые груди,
Ты смотрел и... засмотрелся, боже!

Через тучи песков,
Через версты пустынь,
Через черную зелень еврейской весны,
Неумыт и обшарпан,
Я пришел на Волынь —
Кочевой гражданин
Неизвестной страны.

И если, о господи,
На одном из небес
Ты найдешь мое счастье,—
То сжалься над ним,
Вынь все лучшие звезды свои и повесь
Над заплаканным счастьем моим!...

Что-то дует сильно,
Что-то спится слабо...
Разреши, всесильный,
Повернуться на бок...

Дилижанс трясется и скрипит,
Самуил Израилевич спит...

Лунная корона
Гаснет в полумгле,
Окна занавешены
Изморозью белою,
Тихою походкой
Бродит по земле
Жирная суббота,
Ничего не делая.

Звезды пожелтели —
Божьи плоды,
Позднее время —
Половина второго...

Тишина
От земли до звезды,
От Меркурия
До Могилева...

2

Как струна в музыкальном ящике,
Ветер вздрогнул среди домов.
Звезды тихие и дрожащие,
Словно божии приказчики
За прилавками облаков.

Ветра взбалмошная походка
Вдоль по вывеске прокатилась,
Где мечтательная селедка
На сосиски облокотилась.

Ветер мечется и кружится,
Разговаривая неясно:
«Либерзон! Пора освежиться!
Либерзон! Погода прекрасна!»

Покупатель ушел последний,
Ужин праздничный приготовлен...
— Ну, сыночек мой, ну, наследник,
День закончен, конец торговле!

Вечер в окнах стоит,
Обрисован
Старомодною синевою...
Либерзон задвинул засовы,
Моет руки перед едою...

И сидит за одним столом,
Хлебом с маслом по горло сыт,
«Бакалейный торговый дом —
Самуил Либерзон и Сын».

Самовара большой костер
Потухает в изнеможенье.
Начинается разговор
Философского направленья:

— Что ты видел, цыпленок куцый,
У окошка родного дома? —
Отблеск маленькой революции
И пожар большого погрома...

Озираясь на склоне дней,
Тихо прошлое провожая,
Не забудь, дорогой Моисей,
Это имя — Игнат Можаев.

От погрома уйдя назад
В лицемерный приют полей,
Он живет — Можаев Игнат,—
Чтоб кормить и колоть свиней...

Ночь на мир положила лапы,
Всем живущим смежив ресницы.
Огонек одинокой лампы
В закопченном стекле томится.

Ночь раскинулась, вырастая.
Звезды в окнах —
Кругом пламенным...
Молодой Либерзон читает,
Подготавливаясь к экзаменам.

Ах, как много учиться надо.
Бродит взгляд его опущенный
По страницам «Александра
Сергеевича Пушкина...».

Соблазнительная подушка
Так заманчиво обнажена...
«Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?..»

Суровая полночь
Приносит грозу,
Фейерверк молний
И гром отдаленный,
И ангел увидел,
Как где-то внизу
В обнимку
Сном праведных
Спят Либерзоны,
И Пушкин склонился над ними
во мгле,
С любовью над юным,
С улыбкой над старым...
«Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хозарам...»

3

Весть летела из столицы
К деревенькам и станицам,
Разбудила и вспугнула
Задремавшие аулы
И присела на крылечко
У еврейского местечка.

С юго-западной стороны
Ночь колышет колокола,—
Эти звезды вокруг луны —
Словно дети вокруг стола.

Молодая стоит луна
На житомирском берегу,
Над Житомиром — тишина,
Над Полонами — тихий гул...

Ты прислушайся, Моисей,
Моисей Либерзон, не спи!
Запрягает своих коней
Сам Тютюник в ночной степи.

Убегает в поля трава,
Лошадь в страхе за ней бежит,—
Атаманова голова,
Словно бомба, над ней висит.

Атаман пролетел вперед,
Бесшабашный и молодой.
Подмигнул ему небосвод
Самой маленькою звездой.

Две губернии на поклон
Прибегают к нему зараз...
Но недаром морской циклон
Бородою Дыбенко тряс,—

Он идет впереди полков,
Триста пушек за ним гудят,
И четыреста жеребцов,
И пятьсот боевых ребят.

Смерть стоит за плечом его,
Кровь цветет на его усах...
О Тютюник!
                    Твое торжество —
Только пыль на его ногах!..

Озадаченный горизонт
Собирает свои облака,
И стоит Моисей Либерзон,
Поднимая знамя полка.

Он стоит впереди полков.
Триста пушек за ним гудят,
И четыреста жеребцов,
И пятьсот боевых ребят...

Ты с ума сошел, Моисей!
Тишина и покой кругом,
Только ветер чужих степей
Чуть колышет твой тихий дом.

Одеялом большим накрыт
Твой отец, погруженный в сон,
И приходит к нему царь Давид,
И является царь Соломон.

В этой сказочной тишине,
В этом выдуманном раю
Он с царями ведет во сне
Интересное интервью...

Ночь проносит сквозь синь степей
Колыханье колоколов,
И опять идет Моисей
По равнинам военных снов.

Наблюдая полет ракет,
Моисей подошел к реке,
С красным флагом в одной руке,
С револьвером в другой руке.

И не страшен разбег дорог
Перешедшему вброд реку,
И стоит над Синаем бог,
Приготовившийся к прыжку.

Он у пропасти на краю,
У последней своей звезды.
Пожелтели в его раю
Запечатанные сады.

Пожалей его, Моисей,—
Бога прадедов и отцов!..
Громкий выстрел среди степей,
Тихий стон среди облаков...

Над Житомиром тишина...
И гудит снаряд отдаленный,
Словно падающая луна
С утомленного небосклона...

4

Посреди необъятных болот
Середина поэмы встает,
И во тьме зажигается стих
И горит, чтоб согреть часовых.

Неспокойная полночь болот.
Разводящий не скоро придет.

«В этой тьме погибать не резон,—
Мы пропали с тобой, Либерзон!
Хорошо б на минутку прилечь...
И зачем нам болото беречь?..»
Эта сырость как черный туман...
Пропадает Можаев Иван...

Над болотом гортанная речь:
«Нам приказано —
Надо стеречь.
Скоро смена,
Рассвет недалек.
Успокойся, Ванюша, дружок!»

Раздвигая болотную хмарь,
Поднимает поэма фонарь,
И стоит на посту, освещен,
Молодой Моисей Либерзон.

Посреди болотных пустырей
Он стоит, мечтательность развеяв,—
Гордость нации,
Застенчивый еврей,
Боевой потомок Маккавеев.

Под затвором
Молчалив свинец...
Где теперь его отец?
(Он, наверно, в тишине ночной
Медленно читает Тору,
Будто долг свой
Тяжкий и большой
По частям выплачивает кредитору.)

Влажен штык,
И отсырел приклад...
Моисея неподвижен взгляд.
(Может быть, ему издалека
Запылала смуглая щека
Дочери часовщика?..)

Полночь бродит над часовыми,
Мир вокруг без остатка вымер.
На четырнадцатой версте
Пробегает сухая степь,
Там усталая спит Расея
Без Ивана
И Моисея...

Пусть в тумане заперты пути,
Не грусти, Можаев,
Не грусти!
Ты не тот, кто ловит голубей,
Не робей, Ванюша,
Не робей!

«Я грущу, товарищи, по дому,
Дума мучает меня одна:
Для чего мне, парню молодому,
Молодость бесплатная дана?

Для того ли я без отдыха работал,
Для того ли я страдал в бою,
Чтобы это темное болото
Засосало голову мою?..

В этой тьме погибнуть не резон,
Очень скучно умирать мне без людей...
Посади меня на лошадь, Либерзон,
Дай мне в руки саблю, Моисей!

Я тебе промчусь, как атаман,
Я врагов
Повырубаю враз,
Только, друг мой,
Убери туман
От моих заиндевевших глаз!

Буду первым я в жестокой сече.
С вытянутой саблей поперек...
Мы еще проскачем, Моисейчик,
Мы еще поборемся, браток!

Или будет нам обоим крышка,
Иль до гроба будем вместе жить...
Никогда не думал я, братишка,
Что могу я
Жида полюбить.

Я тебя своей любовью грею,
Я с тобою мучаюсь тут,
Потому что на земле евреи
Симпатичной нацией живут...

Долго ли осталось нам томиться,
Скоро ли окончится поход?
Говорят, что скоро заграница
Тоже по-советски заживет.

И наступит времечко такое,
И пойдут такие чудеса,
Чтобы каждый дом себе построил,
Чтобы окна выходили в сад.

Старой жизни
Навсегда капут,
Будет жизнь
Куда вкусней и гуще,
Будет хлеб —
Пятиалтынный пуд,
И еще дешевле — неимущим.

Будет каждый жить свой долгий век,
В двести лет
Справляя именины...
Я хотя и темный человек,
Ну а все же
Верю в медицину...»

Мир вокруг без остатка вымер,
Полночь бродит над часовыми...
«Эх, Моисейчик,
Такие дни!
Очень скучно мне и обидно —
Мы с тобою
Совсем одни,
Даже пса — и того не видно...

Мы вернемся с тобой едва ли,—
Над болотами
Ночь темна...
Как живет теперь
Моя Валя?
Что поделывает она?

Помню,
С ней отводил я душу,
И голубил ее,
И ласкал,
Я над милой своей Валюшей,
Словно мост над рекой, стоял...

Ветер в поле
Всю ночь бежит
По разбросанным зеленям...
И Валюша одна сидит
И, наверное, ждет меня.

Вот вернусь я,
Построю дом,
Тесно выложу кирпичи...
Не дадут кирпичи —
Украдем.
(Ты смотри, жидюга,
Молчи!..)»

И мечты
Рассыпались вслепую,
И пронесся ветер впопыхах,
Будто музыка прошла, танцуя,
На своих высоких каблуках.

Утомленная спит Расея
Без Ивана
И Моисея...

Выше, выше голову,
Моисей Самойлович!
Песню мою на́ тебе,

Иван Игнатьевич!
Возьми и неси ее
Над нашей Россиею!..

5

Скорый поезд
Сквозь снега летит,
Самуил Израилевич спит.

Приближаются с двух сторон
Царь Давид
И царь Соломон.

«Рад вас видеть, друзья, всегда.
Я в Житомир...
А вы куда?»

Тихо слушает весь вагон,
Что рассказывает Соломон.
Говорят о делах
И о родине
Два царя
И один верноподданный.

Тихо вслушивается
Вагон.
Тихо жалуется
Либерзон:
«Сын мой умер
Во цвете лет...
Почему его с вами нет?

Мой наследничек,
Мой сыночек!

Ты приспись мне
Хоть разочек!..»
Кроткой лаской
До зари
Утешают его цари...

Поезд круто затормозил,
Просыпается Самуил...

Пассажиры кругом сидят
Очень мирно
И очень мило.
И глядит Можаев Игнат
На смущенного Самуила.

(Часто думаешь:
Враг далеко —
Враг оказывается
Под боком...)

Беспощадная ночь погрома...
Самуил опускает взгляд.

Пусть враги,
Но все же — знакомы...
«Здравствуйте!» —
«Очень рад!»
И улыбка дрожит виновато
В поседевших усах Игната.

И неловок, и смущен,
Говорит он, заикаясь:
«Извиняюся, Либерзон,
За ошибку свою извиняюсь!

Был я очень уж молодым
И к тому же довольно пьяным,
Был я темным,
Был слепым,
Несознательным хулиганом...»

И стучит, стучит учащенно
Сердце старого Либерзона.
Эта речь его душу греет,
Словно дружеская услуга...
Извиниться перед евреем —
Значит стать его лучшим другом.

«Я очень доволен!
Я рад чрезвычайно!
Допускаю возможность,
Что погром — случайность,
Что гром убил моих дочерей,
Что вы — по натуре
Почти еврей...

Знаете новость:
Умер мой сын!
Сижу вечерами один,
Один!

Глухо стучит одинокий маятник...
Игнатий Петрович,
Вы меня понимаете?»

Только ветер и снег за окном,
И зари голубое зарево,
И сидят старики вдвоем,
По-сердечному разговаривая...

Пробегая леса и степи,
Вьюга мечется по Руси...
Человеческий теплый лепет,
Вьюга, вьюга,
Не погаси!

Чтобы поезд в снегу не увяз,
Проведи по путям вагоны,
Чтобы песня моя неслась
От Можаева
К Либерзону.

Чтобы песня моя простая,
Чтобы песня моя живая
Громко пела бы, вырастая,
И гудела б, ослабевая...

1927

САККО И ВАНЦЕТТИ

Где последний
Индеец заснул,
Полночь тихо
Несет караул,
Над Америкой
Звезды стоят,
За Америкой
Волны шумят.

Эти звездные
Ночи ясны,
Фермер видит
Спокойные сны,
Полночь тихо
Несет караул,
Дребезжит
Электрический стул.

Если голову
В смертной тоске
Прислонить
К изможденной руке,—
Можно слышать,
Как звякают цепи,

Протянувшись
От Сакко к Ванцетти...

Если б рот мой
Как пушка гудел,
Если б стих мой
Снарядом летел,
Если б песня
Могла помешать
Губернатору Фуллеру
Спать,—

Я бы песню гонял
По земле,
Я б кричал ей,
Измученной, вслед:
— Через каждую
Эту версту
Надрывайся!
Кричи!
Протестуй!

Над Америкой
Очень темно,
Только песня несется
Сквозь тьму;
Эта песня поется
Давно,
Сочинять ее вновь
Ни к чему!

Забастовок
Тревожный гудок,
Демонстраций

Взволнованный гул...
И зарю
Поднимает восток,
И дрожит
Электрический стул...

1927

ИЗ А. МКРТЧЬЯНЦА

(Армения)

Из воздушного гарема.
Унеслась моя поэма...
Черт проснулся спозаранку:
«Где поэма? Где беглянка?»
И зарница озорная
Хитро молвила: «Не знаю!
Не видала, не слыхала,
Только тихо полыхала...»

1

Греческое тело обнажив,
Девушка дрожит от нетерпенья...
Тихо спит мое стихотворенье,
Голову на камень положив.

Девушка сгорит от нетерпенья,
Оттого, что вот уж сколько лет
Девушка, какой на свете нет,
Снится моему стихотворенью.

2

Молодое греческое тело
Изредка хотелось полюбить,—
Так, бывало, до смерти хотелось,
Ночью просыпаясь, закурить.

И однажды полночью слепою
Мимо спящей девушки моей
Я промчусь, как мчится скорый поезд
Мимо полустаночных огней.

3

Дикая моя натура!
Что нашла ты в этой сладкой лжи?
Никакая греческая дура
Тело предо мной не обнажит.

Так однажды в детстве в наказанье
Мать меня лишила леденцов,—
Ничего не выдало лицо,
Но глаза лоснились от желанья.

4

Молодость слезами орошая,
В поисках последнего тепла,
Видишь — голова моя большая
Над тобой, как туча, проплыла.

Никогда она не пожалеет,
Что плыла, как туча, над тобой,
Оттого, что облако имеет
Очень много общего с землей.

1927

СТАРОСТЬ

Вот я обтрепан ветрами,
Как старое зданье,
Форму теряю свою,
Как раздетый солдат.
Мышцы ослабли,
И дремлют воспоминанья,
Первые ласточки —
Старые ласточки —
Спят.

Вся в сарпинке веселья,
Не веруя в старость чужую,
Юность рядом идет,
Как моя проходила в те дни.
И под солнцем ее,
Притворяясь своим,
Прохожу я,
Больше чем нужно —
На три четверти скрытый в тени...

С улиц врываясь,
Звенит на столе у поэта
Крошками хлеба

Разбросанный праздничный звон...
Близится старость...
И мельтешат у окон
Стаи ворон,
С отвращением ждущие лета...

1927

БАЛЛАДА

Два мертвеца
Выходят из Вердена,
Закуривают
И глядят на свет,
Чтобы узнать,
Какая перемена
Произошла
За эти десять лет.

Они шагают сутки
По Карпатам...
Огромен путь —
Им надобно спешить,
Чтоб весь свой штаб
Покрыть французским матом,
Немецкой неприличностью
Покрыть!..
Они рассекают просторы
И видят
В туманном бреду —
Во Францию два гренадера
Из русского плена бредут.

«До дому ли,
Или к невесте —
Упрятаться в брачном тепле,—
Пойдемте, товарищи, вместе
По этой проклятой земле!
Пройдя через лес,
Через реки,
Погибли в начале зимы
Вы — в девятнадцатом веке,
В начале двадцатого — мы!

Шагая по нашей отчизне,
Никак мы не можем понять:
Какая такая причина
Заставила нас умирать?»

И вот по земле воспаленной
Идут по высокой горе
Солдаты Наполеона,
Вильгельма и Пуанкаре.

Их взгляды тревожны и зорки,
И видят они —
Впереди
Их пятый товарищ
В Нью-Йорке
На гауптвахте сидит...

Путям-дорогам
Не видать конца...
С пяти утра
До самого заката
Идут, идут
Четыре мертвеца

К могиле
Неизвестного солдата.

Минуя провансальские сады,
Они стучат
Заржавленным мушкетом,
Чтоб вчетвером
На площади Звезды
Заговорить
С большим авторитетом.

Они хотят
Сказать такую речь,
Чтоб стала всей земле
Она понятна,
Чтоб в воздухе
Остановилася картечь
И повернула
На зачинщиков обратно.

Они хотят
Начальникам сказать,
Свои слова
Перемежая матом,
Что надоело
За богатых умирать
До черта
Гренадерам и солдатам.

И если их
В атаку позовут —
Смыкая строй,
Под знаменем братанья

Все неизвестные солдаты
Перейдут
К довольно популярному
Восстанью!

Так говорит из Вердена
Ушедший мертвый солдат!
Таким языком непременно
Живые заговорят!

<1927>

ПОХОРОНЫ РУСАЛКИ

И хотела она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

Лермонтов

Рыбы собирались
В печальный кортеж,
Траурный Шопен
Громыхал у заката...
О светлой покойнице,
Об ушедшей мечте,
Плавники воздев,
Заговорил оратор.

Грузный дельфин
И стройная скумбрия
Плакали у гроба
Горючими слезами.
Оратор распипался,
В грудь бия,
Шопен зарыдал,
Застонал
И замер.

Покойница лежала
Бледная и строгая.

Солнце разливалось
Над серебряным хвостом.
Ораторы сменяли
Друг друга.
И потом
Двинулась процессия
Траурной дорогою.

Небо неподвижно.
И море не шумит...
И, вынув медальон,
Где локон белокурый,
В ледовитом хуторе
Растроганный кит
Седьмую папиросу,
Волнуясь,
Закуривал...

Покойницу в могилу,
Головою — на запад,
Хвостом — на восток.
И вознеслись в вышину
Одиннадцать салютов —
Одиннадцать залпов —
Одиннадцать бурь
Ударяли по дну...

Над морем,
Под облаком
Тишина,
За облаком —
Звезды
Рассыпанной горсткой...
Я с берега видел:

Седая волна
С печальным известьем
Неслась к Пятигорску.

Подводных глубин
Размеренный ход,
Качающийся гроб —
Романтика в забвенье.
А рядом
Величавая
Рыба-счетовод
Высчитывает сальдо —
Расход на погребенье.

Рыба-счетовод
Не проливала слез,
Она не грустила
О тяжелой потере.
Светлую русалку
Катафалк увез,—
Вымирают индейцы
Подводной прерии...

По небу полуночному
Проходит луна,
Сказка снаряжается
К ночному полету.
Рыба-счетовод
Сидит одна,
Щелкая костяшками
На старых счетах.

Девушка приснилась
Прыщавому лещу,

Юноша во сне
По любимой томится.
Рыба-счетовод
Погасила свечу,
Рыбе-счетоводу
Ничего не приснится...

Я с берега кидался,
Я глубоко нырял,
Я взволновал кругом,
Я растревожил воду,
Я рисковал как черт,
Но не достал,
Не донырнул
До рыбы-счетовода.

Я выполз на берег,
Измученный,
Без сил,
И снова бросился,
Переведя дыханье...
Я заповедь твою
Запомнил,
Михаил,—
Исполню,
Лермонтов,
Последнее желанье!

Я буду плыть
Сквозь эту гущу вод,
Меж трупов моряков,
Сквозь темноту,
Чтоб только выловить,
Чтоб рыба-счетовод

Плыла вокруг русалки
С карандашом во рту...

Море шевелит
Погибшим кораблем,
Летучий Голландец
Свернул паруса.
Солнце поднимается
Над Кавказским хребтом,
На сочинских горах
Зеленеют леса.

Светлая русалка
Давно погребена,
По морю дельфин
Блуждает сиротливо...
И море бушует,
И хочет волна
Доплеснуть
До прибрежного
Кооператива.

1927

ИГРА

Сколько милых значков
На трамвайном билете!
Как смешна эта круглая
Толстая дама!..
Пассажиры сидят,
Как послушные дети,
И трамвай —
Как спешащая за покупками мама.

Инфантильный кондуктор
Не по-детски серьезен,
И вагоновожатый
Сидит за машинкой...
А трамвайные окна
Цветут на морозе,
Пробегая пространства
Смоленского рынка.

Молодая головка
Опущена низко...
Что, соседка,
Печально живется на свете?..
Я играю в поэта,
А ты — в машинистку;

Мы всегда недовольны —
Капризные дети.

Ну, а ты, мой сосед,
Мой приятель безногий,
Неудачный участник
Военной забавы,
Переплывший озера,
Пересекший дороги,
Зажигавший костры
У зеленой Полтавы...

Мы играли снарядами
И динамитом,
Мы дразнили коней,
Мы шутили с огнями,
И махновцы стонали
Под конским копытом,—
Перебитые куклы
Хрустели под нами.

Мы играли железом,
Мы кровью играли,
Блуждали в болоте,
Как в жмурки играли...
Подобные шутки
Еще не бывали,
Похожие игры
Еще не случались.

Оттого, что печаль
Наплывает порою,
Для того, чтоб забыть
О тяжелой потере,

Я кровавые дни
Называю игрою,
Уверяю себя
И других...
И не верю.

Я не верю,
Чтоб люди нарочно страдали,
Чтобы в шутку
Полки поднимали знамена...
Приближаются вновь
Беспокойные дали,
Вспышки выросших молний
И гром отдаленный.

Как спокойно идут
Эти мирные годы —
Чад бесчисленных кухонь
И немытых пеленок!..
Чтобы встретить достойно
Перемену погоды,
Я играю, как лирик —
Как серьезный ребенок...

Мой безногий сосед —
Спутник радостных странствий!
Посмотри:
Я опять разжигаю костры,
И запляшут огни,
И зажгутся пространства
От моей небывалой игры.

1927

КРИВАЯ УЛЫБКА

М. Голодному и А. Ясному

Меня не пугает
Высокая дрожь
Пришедшего дня
И ушедших волнений,—
Я вместе с тобою
Несусь, молодежь,
Перил не держась,
Не считая ступеней.

Короткий размах
В ширину и в длину —
Мы в щепки разносим
Старинные фрески,
Улыбкой кривою
На солнце сверкнув,
Улыбкой кривою,
Как саблей турецкой...

Мы в сумерках синих
На красный парад
Несем темно-серый
Буденновский шлем,

А Подлость и Трусость,
Как сестры, стоят,
Навек исключенные
Из ЛКСМ.

Простите, товарищ!
Я врать не умею —
Я тоже билета
Уже не имею,
Я трусом не числюсь,
Но с Трусостью рядом
Я тоже стою
В стороне от парада.

Кому это нужпо?
Зачем я пою?
Меня все равно
Комсомольцы не слышат,
Меня все равно
Не узнают в бою,
Меня оттолкнут
И в мещане запишут.

Неправда!
Я тот же поэт-часовой,
Мое исключенье
Совсем неопасно,
Меня восстановят —
Клянусь головой!..
Не правда ль, братишки
Голодный и Ясный?

Вы помните грохот
Двадцатого года?

Вы слышите запах
Военной погоды?
Сквозь дым наша тройка
Носилась бегом,
На нас дребезжали
Бубенчики бомб,

И молодость наша —
Веселый ямщик —
Меня погоняла
Со свистом и пеньем.
С тех пор я сквозь годы
Носиться привык,
Перил не держась,
Не считая ступеней...

Обмотки сползали,
Болтались винтовки...
(Рассеянность милая,
Славное время!)
Вы помните первую
Командировку
С тяжелою кладью
Стихотворений?

Москва издалека,
И путь незнакомый,
Бумажка с печатью
И с визой губкома,
С мандатами длинными
Вместо билетов,
В столицу,
На съезд
Пролетарских поэтов.

Мне мать на дорогу
Яиц принесла,
Кусок пирога
И масла осьмушку.
Чтоб легкой, как пух,
Мне дорога была,
Она притащила
Большую подушку.

Мы молча уселись,
Дрожа с непривычки,
Готовясь к дороге,
Дороги не зная...
И мать моя долго
Бежала за бричкой,
Она задыхалась,
Меня догоняя...

С тех пор каждый раз,
Обернувшись назад,
Я вижу
Заплаканные глаза.
— Ты здóрово, милая,
Утомлена,
Ты умираешь,
Меня не догнав.

Забудем родителей,
Нежность забудем,—
Опять над полками
Всплывает атака,
Веселые ядра
Бегут из орудий,

Высокий прожектор
Выходит из мрака.

Он бродит по кладбищам
Разгоряченный,
Считая убитых,
Скользя над живыми.
И город проснулся
Отрядами ЧОНа,
Вздохнул шелестящими
Мостовыми...

Я снова тебя,
Комсомол, узнаю,—
Беглец, позабывший
Назад возвратиться,
Бессонный бродяга,
Веселый в бою,
Застенчивый чуточку
Перед партийцем.

Забудем атаки,
О прошлом забудем.
Друзья!
Начинается новое дело,
Глухая труба
Наступающих буден
Призывно над городом
Загудела.

Рассвет подымается,
Сонных будя,
За окнами утренний
Галочий митинг.

Веселые толпы
Бессонных бродяг
Храпят
По студенческим общежитьям.

Большая дорога
За ними лежит,
Их ждет
Дорога большая
Домами,
Несущими этажи
К празднику
Первого мая...

Тесный приют,
Худая кровать,
Запачканные
Обои,
И книги,
Которые нужно взять,
Взять — по привычке —
С бою.

Теплый народ!
Хороший народ!
Каждый из нас —
Гений.
Мы — по привычке —
Идем вперед
Без отступлений!

Меня не пугает
Высокая дрожь

Пришедшего дня
И ушедших волнений...
Я вместе с тобою
Несусь, молодежь,
Перил не держась,
Не считая ступеней.

1928

* * *

Я годы учился недаром,
Недаром свинец рассыпал —
Одним дальнобойным ударом
Я в дальнюю мачту попал...

На компасе верном бесстрастно
Отмечены Север и Юг.
Летучий Голландец напрасно
Хватает спасательный круг.

Порядочно песенок спето,
Я молодость прожил одну,—
Посудину старую эту
Пущу непременно ко дну...

Холодное небо угрюмей
С рассветом легло на моря,
Вода набирается в трюме,
Шатается шхуна моя...

Тумана холодная примесь...
И вот на морское стекло,
Как старый испорченный примус,
Неясное солнце взошло.

На звон пробужденных трамваев,
На зов ежедневных забот
Жена капитана, зевая,
Домашней хозяйкой встает.

Я нежусь в рассветном угаре,
В разливе ночного тепла,
За окнами на тротуаре
Сугубая суша легла.

И где я найду человека,
Кто б мокрою песней хлестал,—
Друзья одноглазого Джека
Мертвы, распростерлись у скал.

И все ж я доволен судьбою,
И все ж я не гнусь от обид,
И все же моею рукою
Летучий Голландец убит.

1928

ПОГОДА

Весенняя зелень
И запах сиреневый,
Как следует вымок
Ландшафт благочинный,
Его описали б
Аксаков с Тургеневым,
А я не могу —
По многим причинам...

Я раньше не знал,
Что такое погода,
Я зелени запах
Не чувствовал даже,
Не знал разделений
Времени года.
Теперь...
Приспосабливаюсь к пейзажу.

Нет разницы
Между летней и зимней шрапнелью,
Снег или дождь
Не меняют границы,
Я зиму угадывал —
По шинели,

Лето —
По тяжести амуниции...

Лето — в зеленом,
Зима — в белизне,
Страна содрогалась
От тифа и голода,
А я не знал,
Что идет снег,
Я только чувствовал,
Что мне холодно.

Я в душных казармах
Укладывал сено,
Когда выводили
Коней из конюшен,
Весна
Прихорашивалась усердно,
А я —
Совершенно к ней равнодушен!

Природа часами
Ждала на дворе меня,
Звали к деревьям
Разные птички,—
А я хоть бы что!
Не было времени,
А может быть, так,
С непривычки...

Потом,
Уволенный по демобилизации,
Сумел я с поэтами
Как-то связаться,

Зимою и летом
Всегда одинаковыми —
С Малаховыми Сергеями,
Со Шведовыми Яковами.

В поэзии новость,
Последняя мода:
Два цвета —
Черное или белое.
Спросите поэта:
Какая погода?
Не знает,—
Никто погоды не делает...

Солнце и зелень,
Птички и травы...
На эти предметы
Священное право
Я отдал,
Без сожаления всякого,
Почтенным
Тургеневу и Аксакову!

1928

БОЛЬШАЯ ДОРОГА

К застенчивым девушкам,
Жадным и юным,
Сегодня всю ночь
Приближались кошмаром
Гнедой жеребец
Под высоким драгуном,
Роскошная лошадь
Под пышным гусаром...

Совсем как живые,
Всю ночь неустанно
Являлись волшебные
Штабс-капитаны,
И самых красивых
В начале второго
Избрали, ласкали
И нежили вдовы.

Звенели всю ночь
Сладострастные шпоры,
Мелькали во сне
Молодые майоры,
И долго в плену
Обнимающих ручек

Барахтался
Неотразимый поручик...

Спокоен рассвет
Довоенного мира.
В тревоге заснул
Городок благочинный,
Мечтая
Бойцам предоставить квартиры
И женщин им дать
Соответственно чину,—

Чтоб трясся казак
От любви и от спирта,
Чтоб старый полковник
Не выглядел хмуро...
Уезды дрожат
От солдатского флирта
Тяжелой походкой
Военных амуров.

Большая дорога
Военной удачи!
Здесь множество
Женщин красивых бежало,
Армейцам любовь
Отдавая без сдачи,
Без слез, без истерик,
Без писем, без жалоб.

По этой дороге,
От Волги до Буга,
Мы тоже шагали,
Мы шли задыхаясь,—

Горячие чувства
И верность подругам
На время походов
Мы сдали в цейхгауз.

К застенчивым девушкам,
В полночь счастливым,
Всю ночь приближались
Кошмаром косматым
Гнедой жеребец
Под высоким начдивом,
Роскошная лошадь
Под стройным комбатом.

Я тоже не ангел,—
Я тоже частенько
У двери красавицы
Шпорами тенькал,
Усы запускал
И закручивал лихо,
Пускаясь в любовную
Неразбериху.

Нам жены простили
Измены в походах.
Уютом встречают нас
Отпуск и отдых.
Чего же, друзья,
Мы склонились устало
С тяжелым раздумьем
Над легким бокалом?

Большая дорога
Манит издалече,

Зовет к приключеньям
Сторонка чужая,
Веселые вдовы
Выходят навстречу,
Печальные женщины
Нас провожают...
Но смрадный осадок
На долгие сроки,
Но стыд, как пощечина,
Ляжет на щеки.
Простите нам, жены!
Прости нам, эпоха,
Гусарских традиций
Проклятую похоть!

1928

НОЧЬЮ

Ночные трамваи
Уже не звенят,
Порядочные люди
Давно уже спят,
Ветку над балконом
Полночь шелохнула,
Спит Арифметика,
И Алгебра уснула.

Полночь поднялась
Над Советским Союзом,
С катетами рядышком
Спят гипотенузы...
Сколько их здесь! Боже мой!
Целая семья...
Что же вы не спите,
Курносая моя?

Может, вас пугает
Ответственный пост?
Сон инженера
Не легок и не прост!
Усните! Сейчас
В лежачем положении

Сам нарком
Путей сообщения!..

Мне не спится тоже...
За перегородкой
Инженер проносит
Девичью походку;
Бормотанье тихое,
Шелест страницы —
Может быть, от этого
Мне не спится...

На соседней башне
Пробило двенадцать,
Девушкам стыдливым
Влюбленные снятся,
Полночь протянула
Волшебные нити...
Товарищ инженер,
Пожалуйста, засните!

За перегородкой
Шаги неустанно...
Слышу инженера
Тонкое сопрано:
— Спите, пожалуйста,—
Я вам не мешаю! —
Выдержка у девушки
Очень большая...

Скинув на время
Тяжелый груз,
Спит, отдыхает
Советский Союз,

И заря над крышами
Опускает мостик,
Где облако спрятало
Розовый хвостик...

1928

АВТОДОР

То нас ветер гонит
По полям,
С озимью мешая
Пополам,
То развозят нас
Туда-сюда
Тихоокеанские
Суда.

Мы узнали, осмотрели
Не одно
Летом не нащупанное
Дно,
Мы — свидетели подводной
Кабалы
Терпеливой рыбы —
Камбалы...

Издревле дорога
Начата,
Пройдены Хабаровск
И Чита,
Изморозью сказочных
Былин
Светится дорога
На Берлин.

Не доев густого
Кулеша,
В Лондон направляется
Левша,
До чего уж примитивна
И плоха
Английская знатная
Блоха...

Белые медведи,
Как плоды,
Свесились на мурманские
Льды,
К бою вышла Арктика
Сама —
Не один медведь сошел
С ума.
«Красин», выплывая
На борьбу,
Набекрень заламывал
Трубу...

Мы изъездили всю землю
Поперек,
Да какой же, братцы,
В этом прок?
Эх, дорога! Гром тебя
Рази!
Мы весь век полощемся
В грязи.
Хватит нам бахвалиться
В пути —
Нам бы до уезда
Добрести!

Кой там черт —
Арктическая ночь,
Коль телегу вытащить
Невмочь!

Говорят в деревне
(Может, зря):
Родила земля
Богатыря,—
Он одну оглобельку
Возьмет —
А уж вся тележенька
Встает,
Он дыхнет легонько
На пути —
Тут тебе проехать
И пройти.

Он пройдет средь сосен
И осин,
Совнаркома самый младший
Сын,
За собой сквозь леса
Старину
Гладкую дорогу
Протянув...

Что ж ты медлишь?
Покажи задор,
Гой еси ты, славный
Автодор!

1928

* * *

Товарищ устал стоять...
Полуторная кровать
По-женски его зовет
Подушечною горою,

Его, как бревно, несет
Семейный круговорот,
Политика твердых цен
Волнует умы героев.

Участпик военных сцен
Командирован в центр
На рынке вертеть сукном
И шерстью распоряжаться,—

Он мне до ногтей знаком —
Иванушка-военком,
Послушный партийный сын
Уездного града Гжатска.

Роскошны его усы;
Серебряные часы
Получены благодаря
Его боевым заслугам;

От Муромца-богатыря
До личного секретаря,
От Енисея аж
До самого до Буга —

Таков боевой багаж,
Таков богатырский стаж
Отца четырех детей —
Семейного человека.

Он прожил немало дней —
Становится всё скучней,
Хлопок ему надоел,
И шерсть под его опекой.

Он сделал немало дел,
Немало за всех радел,
А жизнь между тем течет
Медлительней и спокойней.

Его, как бревно, несет
Семейный круговорот...
Скучает в Брянских лесах
О нем Соловей-разбойник...

1928

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

I

ПОЕЗД

Он гремит пассажирами и багажом,
В полустанках тревожа звонки.
И в пути вспоминают
Оставленных жен
Ревнивые проводники.

Он грохочет...
А полночь легла позади
На зелено-оранжевый хвост.
Машинист с кочегаром
Летят впереди
Лилипутами огненных верст.

Это старость,
Сквозь ночь беспощадно гоня,
Приказала не спать, не дышать,
Чтобы вновь кочергой,
Золотой от огня,
Воспаленную юность мешать.

Чтобы вспомнить расцвет
Увядающих губ,
Чтобы молодость вспомнить на миг...

Так стоит напряженно,
Так смотрит на труп
Застреливший жену проводник.

2

ВЕТЕР

Сквозь лес простирая
Придушенный крик,
Вприсядку минуя равнины,
Проносится ветер,
Смешной, как старик,
Танцующий на именинах.

Невежда и плут —
Он скатился в овраг,
Траву разрывая на части,
Он землю копает:
Он ищет, дурак,
Свое идиотское счастье.

Не пафос работы,
Не риск грабежа,
А скучное, нудное дело:
Проклятая должность —
Свистеть и бежать —
Порядком ему надоела.

Он хочет сквозь ночь
Пронести торжество
Не робким и не благочинным,
Он ропщет...
И я понимаю его
По многим, по тайным причинам...

3

ПОЕЗД И ВЕТЕР

Через голубые рубежи,
Через северный холодный пояс
Ветер вслед за поездом бежит,
Думая, что погоняет поезд.

Через Бологое в Ленинград,
Дуя в вентиляторы ретиво,
Он бежит за поездом,—
Он рад
Собственной инициативе.

Он обманут,
Он трудится зря.
Он ненужен, но доволен зверски,
На себя ответственность беря
За доставку поездов курьерских.

Он боится время потерять,
И гудит,
И носится по крыше...
Так не станемте ж его разуверять:
Пусть гудит,
Чтоб не было затишья...

1929

РОСТОВ

Много милого и простого
Есть у города Ростова,
Два проспекта «пути пройденного» —
Ворошилова и Буденного.
Неспокойная и бедовая,
Днем и ночью шумит Садовая,
Переулки стоят тихи,
В них читают весь день стихи,
И по этому только судя —
Симпатичные это люди.

В этой славной земле родится
Много лозунгов и традиций.
Вот плакат наклонился близко:
«Торопись! Открыта подписка!
Кто силен и кто духом молод —
Подпишись на газету «Молот»!»
Тише, сердце и шаг мой, тише —
Предо мною висят афиши:
«Начинается в полвосьмого
Вечер Шолохова и Светлова!»

Слово техники, связь живая —
По Ростову идут трамваи,
Пролегла их судьба косая

От Садовой и до «Аксая»,
И катаются ростовчане
От Ростова к Нахичевани.
В этом городе славных былей
Очень мало автомобилей,
Очень мало бюрократизма,
Очень много социализма...

Много милого и простого
Есть у города Ростова,
Есть там девушка по имени — Бэла...
Ну, да это — другое дело...
Фонари здесь горят кострами
Воспаленными вечерами,
Будто снова перед походом,
Город бредит двадцатым годом,
Город кажется возбужденным,
Омываемый тихим Доном...

1929

ЧЕТЫРЕ ПУЛИ

Первая пуля
Попала в ногу,
Но я, представьте, не был взволнован,—
Я был совершенно спокоен...
Ей-богу!
Честное слово!..

То ли бог, то ли черт мне помог?
До сих пор
Я понять не могу —
Для меня это тайна.

Пуля вторая
Летела в упор
И в меня не попала
Чисто случайно...

Нам, калекам-бойцам,
Только жрать, только спать,
Только радость одна,
Что друзей вспоминать.
Жаркой кровью своей
Поперхнувшись на миг,
Третьей пулей сражен,
Пал братишка комбриг.

Он стоял, чудачок,
У врага на виду,
Он упал на траву
Головой бесшабашной...

О четвертой пуле
Я речь поведу,
О четвертой —
О самой тяжелой и страшной.

Эта пуля вошла
В мою главную жилу
И бежит,
Отнимая последнюю силу.

Я всю ночь провожу
На бессонной постели,—
Эта пуля без отдыху
Шляется в теле.

Приложи только руку —
И нащупаешь ты
Мгновенную выпуклость быстроты.
Приложи только ухо —
И услышь, недвижим,
Как свистит эта пуля
По жилам моим.

Ты мне жилу разрежь, если нож твой остер,
Чтобы пулю добыть и запрятать в затвор,
Потому что в степях поднимается дым,
И свинец еще будет необходим!

1929

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Когда исполнится двадцать шесть,
Стараясь спокойным быть,
Ты смотришь назад, ты годы свои
Называешь по именам.

Еще не настал
Обеденный час,
До ужина так далеко!
Каким это образом, черт возьми,
Получается двадцать шесть?..

Потом, как порядочный человек,
Ты в руку берешь портфель —
Серьезен, как бог,
Ты идешь исполнять
Обязанности свои.

И, схвачен работой,
Ты узнаёшь,
Как много людей и дел,
И молнией вдаль
Уносит обед,
И ужин давно остыл.

И ты возвращаешься домой
В египетской темноте.
Звезды баюкают не спеша
Ночных извозчиков сон.

Торговцы,
Не спящие никогда,
На рынок уже спешат...
И ты удивляешься, как дитя,
Молодости своей.

Ты у витрины
На миг встаешь
И смотришь в зеркальный мир:
Ты молод!
Ты снова годы свои
Называешь по именам.

И ты называешь все двадцать шесть!
И каждый из них — комиссар,
И каждого
Убивают в упор,
И жизнь моя как Баку!

И кровь моя
Высоко-высоко
Из скважины сердца бьет,
И кровь мою
Везут поезда
Цистернами по стране.

Как «скорая помощь»,
Стране моей
Автомобильный бег.

Я молод, друзья!
Это кровь моя
В движенье приводит их.

Она увеличивает быстроту
Тяжелых бронепоездов,
Чтоб после
Тяжелым осадком лечь
На дно деревенских ламп.

Я молод, друзья!
Это кровь моя
Шумит по моей стране,
Она над моей,
Над твоей головой
Проносит аэроплан...

И я на скамье
Погружаюсь в сон,
В небесно-радостный сон,
Вокруг меня
Стоят сторожа,
Как ангелы у дверей.

Мимо меня,
Не видя меня,
Первый бежит трамвай:
Увы, к сожаленью,
Друзья мои,
Нефть ему не нужна.
И я направляю
Свой путь домой —
Часок-другой доспать,
И жизнь с поздравленьем

Приходит ко мне
На следующий день.

Я рад ее видеть
Везде и всегда,
Я дьявольски молод! Но
Мне все же
В следующем году
Исполнится двадцать семь.

1929

ПРИЗРАК БРОДИТ ПО ЕВРОПЕ

Призрак бродит по Европе,
Он заходит в каждый дом,
Он толкает,
Он торопит:
«Просыпайся!
Встань!
Идем!»

По Европе призрак бродит,
По заброшенным путям,
Он приходит,
Он уходит,
Он бредет по деревням.

Ветер бьется под кудлатой,
Под астральной бородой,
Пахнет ландышем и мятой,
Дышит классовой борьбой.

По Европе бродит призрак,
Что-то в бороду ворчит,
Он к романтикам капризным,
Как хозяйственник, стучит.

Мир шатается под взглядом
Воспаленных, гнойных глаз...
Он хозяйственным бригадам
Дал рифмованный приказ.

Он порою неурочной
Заглянул ко мне домой,
И спешит Дальневосточной
Отнести подарок мой.

Он идет сквозь лес дремучий
И бормочет все одно:
«Мчатся тучи, вьются тучи,
Петушок пропел давно!»

Соучастник, соглядатай —
Ночь безумеет сама,
Он при Энгельсе когда-то,
Он давно сошел с ума.

Он давно в дорогу вышел,
И звучит, как торжество,
И звучит, как разум высший,
Сумасшествие его.

1929

МАЛЕНЬКИЙ БАРАБАНЩИК

Мы шли под грохот канонады,
Мы смерти смотрели в лицо,
Вперед продвигались отряды
Спартаковцев, смелых бойцов.

Средь нас был юный барабанщик.
В атаках он шел впереди
С веселым другом-барабаном,
С огнем большевистским в груди.

Однажды ночью на привале
Он песню веселую пел,
Но, пулей вражеской сраженный,
Пропеть до конца не успел.

С улыбкой юный барабанщик
На землю сырую упал,
И смолк наш юный барабанщик,
Его барабан замолчал.

Промчались годы боевые,
Окончен наш славный поход.
Погиб наш юный барабанщик,
Но песня о нем не умрет.

<1929>

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОВЕСТИ

О душа моя!
Ты способная девочка. Ты
Одною из лучших
Считалась в приготовительном классе...
Ты из юбок своих вырастаешь,
Меняешь мечты
И уже начинаешь по каждому поводу
клясться.

Ты — мещанка, душа моя!
Ты — жрица домашнего плена...
Это время прошло,
Это славное время, когда
Ты, по мненью Верхарна,
Тряслась,
Трепетала,
По мненью
Верлена,—
Провожая
Бегущие рядом с тобой поезда.

Поездов не видать...
Ты скрипишь на домашней оси —
Переросток пассивный,

Исключенная из комсомола...
Слышишь?
Рюмки звенят,
Поднимая высокое «си»,
Им тарелки на «до»
Отвечают раскатом тяжелым...

«До»...
«Си»...
До сих пор отдаленный напев
Поднимается к небу
И падает, осиротев;
Поле жарких боев
Покрывается легким морозом.
Голос в русло вошел,
И поэт переходит на прозу.

Свой разбрызганный пафос,
Свой пыл
Он готов обязаться,
Собирая по каплям,
Разложить по частям и абзацам,
Чтоб скрипело перо,
Открывая герою пути,
Чтобы рифмы дрожали,
Не смея к нему подойти.

Он придет — мой герой,
Оставляя большие следы...
Он откуда придет?
Из какой социальной среды?
Он пройдет сквозь республику,
И, дойдя до восточной границы,—

Мы условились с ним,—
Он обязан мне будет присниться!

В петушиное утро,
Подчиняясь законам похода,
Он пройдет,
Освещен
Старомодной расцветкой восхода.
Под свинцовым осколком,
Придавленный смертною глыбой,
Он умрет вдалеке
И шепнет, умирая:
«Спасибо!»

Нет!
Он сразу займется,
Он будет, наверно, упорен
В заготовительном плане,
В сортировке рассыпанных зерен...

Впрочем, делай что хочешь!
Если б знал ты, как мне надоело,
Выбирая работу тебе,
Самому оставаться без дела.
Что мне делать теперь
И какой мне работой заняться,
Если повесть моя
Начинает опять волноваться?..

1929

ДОН-КИХОТ

Годы многих веков
Надо мной цепенеют.
Это так тяжело,
Если прожил балуясь...
Я один —
Я оставил свою Дульцинею,
Санчо Пансо в Германии
Лечит свой люэс...

Гамбург,
Мадрид,
Сан-Франциско,
Одесса —
Всюду я побывал.
Я остался без денег...
Дело дрянь.
Сознаюсь:
Я надул Сервантеса,
Я крупнейший в истории
Плут и мошенник...

Кровь текла меж рубцами
Земных операций,
Стала слава повальной

И храбрость банальной,
Но никто не додумался
С мельницей драться,—
Это было бы очень
Оригинально!

Я безумно труслив,
Но в спокойное время
Почему бы не выйти
В тяжелых доспехах?
Я уселся на клячу.
Тихо звякнуло стремя,
Мне земля под копытом
Желала успеха...

Годы многих веков
Надо мной цепенеют:
Я умру —
Холостой,
Одинокий
И слабый...
Сервантес! Ты ошибся:
Свою Дульцинею
Никогда не считал я
Порядочной бабой.

Разве с девкой такой
Мне возиться пристало?
Это лишнее,
Это ошибка, конечно...
После мнимых побед
Я ложился устало
На огромные груди,
Большие, как вечность.

Дело вкуса, конечно...
Но я недоволен —
Мне в испанских просторах
Мечталось иное...
Я один...
Санчо Пансо хронически болен,
Слава — грустной собакой
Плетется за мною.

1929

ПИСЬМО

К моему смешному языку
Ты не будь жестокой и придирчивой,—
Я ведь не профессор МГУ,
А всего лишь
Скромный сын Бердичева.

Ты меня хотя бы для приличья
Выслушай, красивая и шустрая,
Душу сквозь мое косноязычье,
Как тепло сквозь полушубок,
Чувствуя.

Будь я не еврей, а падишах,
Мне б, наверно, делать было нечего,
Я бы упражнялся в падежах
Целый день —
С утра до вечера.

Грамматика кипела бы ключом!
— Кого-чего...
— Кому-чему...
— О ком, о чем...

Вот ты думаешь, что я чудак:
Был серьезен,
А кончаю шуткой.
Что поделать!
Все евреи так —
Не сидят на месте
Ни минутки.

Ночь над общежитием встает
И заглядывает в эти строки.
Тихо-тихо по небу плывет
Месяц, как Спиноза одинокий.

Эта ночь, я знаю, отдалила
Силача Самсона от Далилы.
Как же мне от этих чувств сберечь
Тихий голос мой
И слабость плеч?

Месяцы идут,
Проходит лето,
И о том, что молодость уйдет,
Комсомольский маленький билет мой
Каждым членским взносом вопиет.

Меланхолик, на твоем пути
Я стою задумчивый и хмурый,
Потому что бицепсы мои
Далеко не гордость физкультуры.

Мы с какой угодно стороны
Несоединяемые части:
Я — как биография страны,
Ты — ее сегодняшнее счастье.

Извини мне темперамент мой,
Я насчет любви глухонемой,
Просто ветер мчался по стране,
Продувая горлышко и мне.

Ночь над общежитием стоит,
Дышит теплым запахом акаций.
Спят рабфаковцы...
И лишь один не спит —
Это я, как можешь догадаться.

1929

ИСТОЧНИК

Ловкая, маленькая
Бежит вода —
Куцым источником
Туда-сюда...

А я —
          скалою на склоне дня —
Хочу разгадать секрет:
Почему
Этот неодушевленный предмет
Живет быстрее меня?

1929

СМЕРТЬ

Каждый год и цветет
И отцветает миндаль...
Миллиарды людей
На планете успели истлеть...
Что о мертвых жалеть нам!
Мне мертвых нисколько не жаль!
Пожалейте меня!
Мне еще предстоит умереть!

1929

ПЕРЕМЕНЫ

С первого пожатия руки
Как переменилось все на свете!
Обручи катают старики,
Ревматизмом мучаются дети,

По Севану ходят поезда,
В светлый полдень зажигают свечи,
Рыбам опротивела вода,
Я люблю тебя как сумасшедший.

1929

РАЗЛУКА

Вытерла заплаканное личико,
Ситцевое платьице взяла,
Вышла — и, как птичка-невеличка,
В басенку, как в башенку, пошла.

И теперь мне постоянно снится,
Будто ты из басенки ушла,
Будто я женат был на синице,
Что когда-то море подожгла.

1929

ЖЕЛАНИЕ

Выдумкой моей пресыщена,
Ах,— над чем задумалась еще бы ты?!
Может, выдумать тебе слона,
Чтобы был он маленький, без хобота,
Чтобы он добычею степной
Боязливо вышел на дорогу,—
Я тогда предстану пред тобой
Сразу увеличенный намного!

1929

ВЫДУМКА

Девушка от общества вдали
Проживала на краю земли,
Выдумкой, как воздухом, дышала,
Выдумке моей дышать мешала.

На краю земли она жила,
На краю земли — я повторяю...
Жалко только, что земля кругла
И что нет ей ни конца, ни краю...

1929

* * *

Гудками ревут,
Буферами брящают
Вошедшие в ночь поезда;
И смотрит на землю,
И тихо мерцает
От нечего делать звезда.

Мосты и тоннели,
Холмы и отроги,
Равнины и солончаки...
И поезд проходит,
И профиль дороги
Колеблет его позвонки.

В грязи по колено,
Готовый к морозам,
Высоких столбов эскадрон
Нам вслед посылает
За азбукой Морзе
Фарфоровых чашечек звон.

К рассвету со всех четырех сторон
Пение птиц, и солнечный звон,
И шелест мокрых акаций.

Солнце вовсю освещает район
Сплошной коллективизации.
И сразу в размеренный скрип колес
Врывается хриплым шумом овес,
Он солнце себе намотал на ус,
Земля хороша и крепка на вкус!

Пшеница бушует
На тысячи га
От Днепропетровска
До Кременчуга,
Колосья сошлись
И, склоняясь упруго,
Как звери,
Обнюхивают друг друга.

Республика вышла к полям от застав
И, зерна в колосьях своих сосчитав,
Берет меня тихо
За правую руку,
Чтоб пульс мой считать
По высокому стуку.

Клонится, к осени отяжелев,
Республики нашей
Густой посев...
Людям идти
И песням цвести
На откровенном
Ее пути!

1929

КОМОД

Она открывала
Свой новый комод,
Словно Америку —
Тихо, торжественно...

Пузатые ящики
Смотрят вперед,
Покрытые доверху
Лаком божественным...

Она в самый нижний
Положит белье,
Потом безделушки,
Картонки, гребенки —

И муж с восхищеньем
Смотрел на нее —
Милиционер
С выраженьем ребенка...

Неловкая полночь
В подвал упадет
Извозчичьим гулом,
Звездою бессонной...

Ей снится:
Она из комода берет
Себе кое-что
И супругу — кальсоны...

Вставай с петухами,
Под утро ложись,
Работай, стирай,
Прополаскивай годы,—

Зато ее мысли,
Зато ее жизнь,
Как мыло,
Стекают по лону комода...

Широкую
Никелевую кровать
И шкаф наш высокий
Жена обожает.

Он только мешает мне
Жить и дышать,
Он только
Мне комнату загромождает...

Она ж открывала
Свой новый комод,
Словно Америку —
Тихо, торжественно...

Пузатые ящики
Смотрят вперед,
Покрытые доверху
Лаком божественным.

1930

ТРИНАДЦАТЬ

Будет потомками петься
Формула
Наших
Времен:
Корень квадратный из сердца,
Помноженного
На миллион.

И цифры соединятся,
И пальцы
Вопьются в ладонь...
На что ни разделишь 13 —
Получится дробь...
И огонь!

Сказкой для внука, для сына
Ты станешь,
Канун Октября.
Пред нами встает годовщина,
Тринадцатой
Домной
Горя.

И ходом,
По-прежнему полным,
Жерлами
Жадно дыша,
«Аврора» проходит
По волнам,
Металлом горячим шурша.

И топок
Недремлющий ропот,
И стук
Миллионов сердец...
Товарищ!
Пред нами Европа
Встает, словно Зимний дворец.

И Запад встает удивленный —
Он счастлив,
Он выслушать рад
Размеренный марш
Обороны
И песню
Ударных бригад.

Споем же о нашей отваге,
О том,
Как, пройдя сквозь бои,
Тяжелую землю варягов
Взвалили на плечи свои.

О песне,
Что пела винтовка,
О пламенной песне огня,
И в лад нам

Споет забастовка,
Немецким
Металлом
Звеня.

И цифры соединятся,
И пальцы
Вопьются в ладонь...
На что ни разделишь 13 —
Получится дробь...
И огонь!..

1930

ПРИЯТЕЛИ

Чуть прохладно
И чуточку мокро.
Гром прошел через Харьковский округ.
Через радуги
Круглый полет
Над районами
Солнце встает.

И жара над землей полыхает,
И земля, как белье, высыхает,
И уже по дороге пылят
Три приятеля — трое цыплят:

«Мы покинули в детстве когда-то
Нашу родину — наш инкубатор,
Через мир,
Через пыль,
Через гром —
Неизвестно, куда мы идем!»

...Ваша жизнь молодая потухнет
В адском пламени фабрики-кухни,
Ваш извилистый путь устремлен
Непосредственно в суп и в бульон!

Так воркуйте ж, пока уцелели,
Так легки и ясны ваши цели,
Психология ваша проста
И кончается у хвоста.

Но заведующему совхозом,
Где так поздно не убрана озимь,
Где проблема к проблеме встает,—
Больше хлопот и больше забот!..

Он не может, как вы, по-куриному
Проедать свой прожиточный минимум,
Он встревожен, с утра он спешит —
По провинции жито бежит
Чрез поля,
Чрез овраги сырые,
Через будущих дней торжество,
Через сердце мое и его,
Через реконструктивный период.

Роет землю
Багровый от крови
Указательный палец моркови,
И арбузов тяжелые гири
Всё плотнее,
Всё крепче,
Всё шире...

Над совхозом июльский закат,
И земля в полусонном бреду...
Три приятеля — трое цыплят,
Три вечерние жертвы бредут...

1930

ПЛОЩАДЬ ДЗЕРЖИНСКОГО

Бессонная ночь. Человек
Подходит к окну,
Сквозь дым предрассветный
Он обозревает страну.
Он смотрит за город,
За трубы,
За дым —
На поля.
Не в службу, а в дружбу
Кругом колосится земля.

Товарищ доволен.
Он вверх поднимает глаза,
Он смотрит на небо,
Которое — как бирюза.
В предутренних тучах
Кружит и гудит самолет —
Синица,
Которая море зажжет.

Бессонная ночь. Человек
Все глядит из окна
На площадь Дзержинского...

Утро.
Рассвет.
Тишина.

И вот продирают сквозь сон
Жестяные бока
Первый трамвай
И первый бидон молока.
У стрелочниц
Сон еще закрывает глаза,
Но бьет уже в уши
Звонков молодая гроза.
Как следует солнце
Еще не проснулось над миром —
Сердитый кондуктор
Повздорил уже с пассажиром...

И рельсы бегут,
Извиваясь в огромные кольца,
И жизнь закипает
И бьет через всякие меры.
И —
Либкнехта младшие братья —
Идут комсомольцы,
И — внуки Чапая и Щорса —
Идут пионеры.

И сверстников наших
В прохожих мы узнаем...
Площадь Дзержинского —
Днем.

Сумерки подступают,
Вечер встает над Москвою,

По трафарету окрашен
В синее и голубое.
Луна поднимается.
Падает медленный свет
На площадь Дзержинского...

1930

ЖЕНЕ НАГОРСКОЙ

Я думал: вы меня забыли
И, мной ничуть не дорожа,
Светлову, верно, изменили,
Светлову не принадлежа.

Из головы моей проворно
Ваш адрес выпал издавна:
Так выпадает звук из горна
Или ребенок из окна.

Дыша тепло и учащенно,
Принес мне тень знакомых черт
В тяжелой сумке почтальона
Чуть не задохшийся конверт.

И близко так, но мимо, мимо
Плывут знакомые черты...
(Как старый друг, почти любимый,
Я с вами перейду на «ты».)

Моя нечаянная радость!
Ты держишь в Астрахань пути,
Чтоб новый мир, чтоб жизни сладость
В соленых брызгах обрести.

Тебе морей пространства любы,
Но разве в них запомнишь ты
Мои измученные губы,
Мои колючие черты?!

Нас дни и годы атакуют,
Но так же, вожжи теребя,
Извозчик едет чрез Сумскую,
Но без меня и без тебя.

. . . .

Чтоб не терять нам связь живую,
Не ошибись опять, смотри:
Не на Кропоткинской живу я,
А на Покровке, № 3.

Целую в губы и в глаза...
Ты против этого?.. Я — за!

<1930-е годы>

* * *

Когда рисуешь портрет товарища,
Ты утверждаешь улыбку, возраст...
Теперь, дорогая, ты не состаришься,
Всегда одинаковая, близко, возле.

Выбери, милая, время любое,
Уезжай далеко, далеко — в невидимое.
Ты ведь не знаешь, что я с тобою,
Нарисованною, выдуманною...

Будь же, как прежде, ко мне холодна,
Зови меня строго по имени-отчеству,
Только не уходи с полотна,
Не оставляй меня в одиночестве.

Я ведь не был навязчив ни одной минуты.
Я просто искал и пришел к искомому,
Я рисовал без претензии, будто
Ты по пути зашла к знакомому.

И я не хочу, чтобы ты сердилась!
Хоть эту радость иметь я вправе?
Милая! Где ты остановилась?
В Киеве? В Кременчуге? В Полтаве?

Маленький железнодорожный билет,
От него зависит — далеко или близко...
Ты знаешь, я в жизни не был согрет
Теплою радостью переписки.

Я каждую краску в ладонях грею
Прежде, чем к полотну прикоснуться...
Милая! Приезжай скорее!
Пора, дорогая, пора вернуться!

<1930-е годы>

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Ломая барьеры,
Через фронты,
Творя большие дела,
Простая молодость моя
На Красную площадь шла.
Кумач над полком,
Свинец со штыком,
Грохот броневика,—
Так начинался
Светлый день
Рождения большевика.

Республика встала
Во весь свой рост
Большой Кремлевской стеной,
И я перед нею —
Совсем малыш,
С наперсток величиной.
— Как видишь, я здесь.
Я пришел к тебе
Из далеких, из южных мест.
На все свои слабости,
Честное слово,

Я наложил арест.
И я не присяду,
Не отдохну,
Пока ты мне не велишь...—
Так разглагольствовал
Перед стеной
Мужественный малыш.

В нашем Союзе
Люди растут
В четыре раза быстрей;
Я начал с борьбы,
Я совсем не мечтал
О пиратах больших морей.
Кумач над полком,
Свинец со штыком,
Стихотворенья строка,—
Так начинался
Светлый день
Рождения большевика.

Пехота проходит,
Рысью летит
Кавалерийский отряд,—
Красная площадь
В первый раз
Принимала первый парад.
Республика слушала
Речь вождя
У глухой Кремлевской стены...
Так проходила
По площадям
Боевая юность страны.

Конница скачет,
Отряды идут
Со штыками наперевес,
Лазурным шатром
Опрокинулась вниз
Бездонная глубь небес.
Оркестры гремят,
Рапортуя вождю,
Печатают шаг войска,—
Так продолжается
Светлый день
Рождения большевика.

Громкий дождь
И тихий снег
Падают на Мавзолей,—
Четырнадцать вьюг
Над ним гудят.
Четырнадцать Октябрей.
И выше встает
Вокруг него
Огромных труб высота,
И люди со всех сторон несут
Ему свои рапорта.

Из Дагестана,
Кряхтя, пыхтя,
Дожевывая пилав,
Ползет небольшой,
Но крепкий завод,
В подмышки трубу зажав:
— Я черт его знает
С каким трудом

Поднялся — и вот я иду.
Я тоже из тех,
Которые ты
Построил в этом году!

Пехота проходит,
Мчится в опор
Кавалерийский отряд,
Героев полей,
Бойцов индустрии
Выстраивается парад.
Качая станиной,
Блюминг идет,
Встали в строй дизеля,
Нефтью бьет,
Углем шебуршит,
Пшеницей шумит земля.

Площадь больших
И малых дел,
Площадь горячих лет,
Площадь усилий,
Площадь побед,
Которым названья нет,
Непримиримой
Крови напор,
Яростный штурм в века...
Так завершается
Светлый день
Рождения большевика.

1931

ПЕСНЯ

Н. Асееву

Ночь стоит у взорванного моста,
Конница запуталась во мгле...
Парень, презирающий удобства,
Умирает на сырой земле.

Теплая полтавская погода
Стынет на запекшихся губах,
Звезды девятнадцатого года
Потухают в молодых глазах.

Он еще вздохнет, застонет еле,
Повернется на бок и умрет,
И к нему в простреленной шинели
Тихая пехота подойдет.

Юношу стального поколенья
Похоронят посреди дорог,
Чтоб в Москве еще живущий Ленин
На него рассчитывать не мог.

Чтобы шла по далям живописным
Молодость в единственном числе...

Девушки ночами пишут письма,
Почтальоны ходят по земле.

1931

МОНОЛОГ

Очень толстый
Секретарь ячейки
Жаловался мне на полноту:
— Мне, мой друг,
Уже невмоготу
По Донбассу мчаться на линейке.

Каждый вправе
Мне задать вопрос,
Что, как смерть,
Для коммуниста страшен:
«Где воспитывался?
Где ты рос?
Гильдией какою был украшен?

Ты не с нами,
Ты не наш на вид!
Ты чужой нам,
Судя по приметам...»

Между тем, клянусь,
В моей крови
Ничего купеческого нету.
Молоток отца

Еще гремит,
Подбивая конские копыта,
Я ж грозой
Свинцовою умыт,
Школою буденновской
Воспитан.

Бронепоезд в ночь
Меня качал...
В дождь,
И в снег,
И в ливень я нача́л
Делать большевистскую погоду
С девятьсот семнадцатого года.

А теперь,
Линейкою пыля,
Весь в поту,
Не ведая покоя,
Я кричу земле:
«Угля! Угля!»
Я ей внутренности
Рву киркою.

Ты простую истину пойми,
Что с добычей
Все не так уж просто,
Чтоб процент
С шестидесяти семи
Нам поднять —
И непременно до ста!..

Дисциплиной
Сжав материки,

По земле идут большевики,
И земля у них спросить боится:
В ту ли сторону она вертится?

Ветер пылью
Покрывает путь
И шумит у старых берегов,
Пафосом
Накачивая грудь,
Выдувая рифму из стихов.

Он солому сдул
С разбитых крыш
Старой николаевской России.
Он стучит
По крышам небоскребов.
Он шатает
Эйфелеву башню,
Он опрокинул
Все представленья
Об устойчивости капитализма...

А у нас —
Ударные года,
Быстрота
Неутомимых рук,
Электричества
Гудящая струя,
Неба и земли взаимопомощь...

Скоро ночь,
А Горловка не спит:
По земным артериям глубоким
Бродят коммунисты и шахтеры

Повышать земли температуру
Убыстренным пульсом вагонеток.

Ветер пылью
Покрывает путь,
Обдувая нас
Со всех сторон...
Мы идем,
Не замедляя шага,
И вожди, простые, как друзья,
Руки нам на плечи положили...

1932

ПОЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Опять подымают
Свой пламенный зов
На башне старинной
Двенадцать часов.
И ветер по шляху
Взмахнул и застыл,
Где гетман Хмельницкий
Бойцов схоронил.
Легенды проснулись
За старой стеной,
Заснул заключенный,
И спит часовой.
Молчат перекрестки,
Дороги темны,
Над миром решеток —
Ни звезд, ни луны.
Для тех, кто не стерпит,
Для бунтовщиков
В свободной республике
Много замков.
Для тех, чья свобода
В крови не застыла,
Палач приготовил
Веревку и мыло.

За тех, кто справляет
Свой суд над тобой,—
За них голосуй
Посиневшей рукой,
Чтоб раны твои
Зацвели, загнивая,
Чтоб славилась Польша
От края до края...
По камерам снова
Тюремщик зовет,—
Пылающий полдень
Над Польшей встает.
Свинцовые тучи
Над Польшей плывут...
Кто робок и тих,—
Голосуйте за кнут!
К идущей вечерне
Звонарь зазвонил,
И вечер кровавый
Над Польшей застыл.
Тревожные тени
Встают на полях,—
Восстаньями бредит
Измученный шлях.
Приблизится полночь
И время придет —
Пожары подымут
Свой огненный взлет.
О муках ночных
И о пытках рассвета,—
Проклятая Польша! —
Ты вспомнишь об этом.
Пожар распускает
Кровавые ленты...

Мы выберем смелость
В твои президенты...
Над тюрьмами бродит
Тяжелая мгла.
Свирепая полночь
На Польшу легла...

1932

ОСЕНЬ

Мечется голубь сизый —
Мало ему тепла...
Новгород,
Суздаль,
Сызрань
Осень заволокла.

Тянется по косогорам
Осени влажный след...
Осень степей, которым
Миллион с хвостиком лет.

Тащится колымага
Грустными лошадьми...
Осень, в зданье рейхстага
Хлопающая дверьми.

Руки закинув за спину,
Вброд перейдя реку,
Осень — глуха и заспанна —
Бродит по материку.

Плачется спозаранку
Вдоль глухих пустырей
Осень тевтонов и франков,
Осень богатырей...

Давайте, товарищи, дружно
Песню споем одну
Про осень, которую нужно
Приветствовать,
Как весну!

Много на улицу выйдет народа
В такое хорошее время года!

1932

* * *

В каждой щелочке,
В каждом узоре
Жизнь богата и многогранна.
Всюду — даже среди инфузорий —
Лилипуты
И великаны.

После каждой своей потери
Жизнь становится полноценней —
Так индейцы
Ушли из прерий,
Так суфлеры
Сползли со сцены...

Но сквозь тонкую оболочку
Исторической перспективы
Пробивается эта строчка
Мною выдуманным мотивом.

Но в глазах твоих, дорогая,
Отражается наша эра
Промелькнувшим в зрачке
Трамваем,
Красным галстуком
Пионера.

1932

ПЕСЕНКА

Чтоб ты не страдала от пыли дорожной,
Чтоб ветер твой след не закрыл,—
Любимую, на руки взяв осторожно,
На облако я усадил.

Когда я промчуся, ветра обгоняя,
Когда я пришпорю коня,
Ты с облака, сверху нагнись, дорогая,
И посмотри на меня!..

Я другом ей не был, я мужем ей не был,
Я только ходил по следам,—
Сегодня я отдал ей целое небо,
А завтра всю землю отдам!

1932

ПОТОП

Джэн!
Дорогая!
Ты хмуришь свой крохотный лоб,
Ты задумалась, Джэн,
Не о нашем ли грустном побеге?
Говорят, приближается
Новый потоп,
Нам пора позаботиться
О ковчеге.

Видишь —
Мир заливает водой и огнем,
Приближается ночь,
Неизвестностью черной пугая...
Вот он — Ноев ковчег.
Войдем,
Отдохнем,
Поплывем,
Дорогая!

Нет ни рек, ни озер.
Вся земля —
Как сплошной океан,
И над ней небеса —

Как проклятие...
И как расплата...
Все безмолвно вокруг.
Только глухо стучит барабан,
И орудия бьют
С укрепленного Арарата.

Нас не пустят туда —
Там для избранных
Крепость и дом,
Но и эту твердыню
Десница времен поразила.
Кто-то бросился вниз...
Видишь, Джэн,—
Это новый Содом
Покидают пророки
Финансовой буржуазии.
Детский трупик,
Качаясь,
Синеет на черной волне,—
Это маленький Линдберг,
Плывущий путями потопа.
Он с Гудзона плывет,
Он синеет на черной волне
По затопленным картам
Америки и Европы.

Мир встает перед нами
Пустыней,
Огромной и голой.
Никто не спасется,
И никто не спасет!
Побежденный пространством,
Измученный голубь

Пулеметную ленту,
Зажатую в клюве,
Несет.
Сорок раз...
Сорок дней и ночей...

Сорок лет
Мне исполнилось, Джэн.
Сорок лет...
Я старею.
Ни хлеба...
Ни славы...
Чем помог мпе,
Скажи,
Юридический факультет?
Чем поможет закон
Безработному доктору права?

Хоть бы новый потоп
Затопил этот мир в самом деле!
Но холодный Нью-Йорк
Поднимает свои этажи...
Где мы денег достанем
На следующей неделе?
Чем это кончится,
Джэн,
Дорогая,
Скажи!

1932

ПЕЙЗАЖ

> Я
>   в долгу...
>   перед Красной Армией,
>   перед вишнями Японии,
> Перед всем,
>   про что
>   не успел написать.
>
> *В. Маяковский*

Япония дремлет в апреле,
Совсем засыпает в июль...
Но в ягодах красных созрели
Свинцовые косточки пуль.

Широкое тело Востока
Китайскою глоткой мычит,
Маньчжурия с левого бока
Испорченным сердцем стучит...

Качнулся от легкого гула
Японского сна стебелек,—
Далеко
  в Париже
    Горгулов
На место Людовика лег...

Утро ждет
Во всем великолепье,
Над землей
Рассвета позолота...
И вспорхнули
Над китайской степью
Бабочки
Японских самолетов.

Мальчики глядят
На эскадрилью,
И такая на душе досада:
«Хорошо бы оборвать им крылья,
Посадить их на булавку надо!..»

Над Китаем исчезают звезды...
Нет светил...
И где искать пропажу?..
Люди думают...
И дышит воздух
Порохом
Восточного
Пейзажа.

1933

БАЛЛАДА О ЧЕКИСТЕ ИВАНЕ ПЕТРОВЕ

Никита Смышляев — герой чугуна,
Напечатан его портрет...
А о нем — об Иване — узнает страна
Спустя десятки лет.

Почему Иван Петров молчалив
И в тридцать лет поседел?..
Дела героя хранит архив
Особо секретных дел.

Я пожимаю твою ладонь —
Она широка и крепка,
Я слышу, как в ней шевелится огонь
Бессонных ночей Чека!

О тебе, о Петрове, в лесах, в полях,
В тайге поют.
О нашей борьбе, о наших днях,
О ГПУ!

Я поднимаю бокал вина
За славу наших знамен,
За героев, которых знает страна,
Но не называет имен!

1933

НА ПАРАДЕ

На третьей декаде
апрель зачах
Тише воды
и ниже травы...
Вижу: взорвались
в твоих глазах
Легкие атомы
синевы...
Вот на минуту
оркестр затих,
Трубы хранят
первомайский звон.
Вот отразились
в зрачках твоих
Красная площадь
и шелк знамен.
Вот отразился
в зрачках твоих
Перевернувшийся
небосклон...
У меня, ты ведь знаешь,
одышки нет,
Но я поспеваю
с трудом за тобой...

Ты молодая —
семнадцать лет,
Ты принимаешь весну,
как бой.
Не за покровом времен
глухим, —
Нет! не во мгле
далеких веков, —
Вот они —
рядом с рожденьем твоим —
Тайные явки
большевиков.
Вот он
далекие годы встряхнул,
Вот он зовет
и гудит в ушах —
Первой маевки
несмолкший гул,
Товарища Фрунзе
упорный шаг...
Нет! не во мгле
далеких веков, —
Вот оно —
рядом, зовет на борьбу,
Вот оно смотрит
на нас с трибун —
Первое племя
большевиков.
Вот оно мчится
мимо тебя
Танковым гулом
и звоном подков...
За демонстрацией
ветер бежит,

Песню хватает,
и — с легкой руки —
Ветер несет ее
за рубежи
И переводит
на все языки.
Песни
сверкающие слова —
Нашей борьбы
воспаленный язык —
Слышат Японские острова,
Южной Америки
материк...
Слышишь,
как медные трубы зовут,
Красную площадь
кольцом обнимая...
Солнце и молодость
рядом идут
В праздник труда —
Первое мая.

1933

УТРО

Утро встает,
Холмы серебря...
Над рыжей пшеницей
Киевской области
Облако плавает
Без толку, зря...
Это еще не песня.

В поисках утреннего тепла,
Между колес
И между колосьев
Частушки взлетают,
Как перепела...
Но песня еще далека.

И вот приступает уже стрекоза
К своей безобидной
Цветочной оргийке...
Это не песня,
Это еще, как Вергилий сказал,—
Буколики и георгики...

Но трубы затрубят
Издалека —
Мы входим в колонну,
Как в песню строка.

Но там, где товарищ
Товарища ждет,
Но там, где мы вместе,—
Там песня живет.

И если орудия
Взглянут в зенит,
И если Республику
Тень заслонит —

Тогда ты, товарищ,
Протянешь ладонь,
Тогда ты услышишь
Сквозь дым обороны

Песню,
Помноженную на огонь
И разделенную
На эскадроны!

1933

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Памяти одного из первых комсомольцев — товарища Шпиндяка, убитого кулаками

Мы — солидные люди,
Комсомольцы двадцатого года.
Моль уже проедает
Походные наши шинели...
Мы с детства знакомы
С украинской нашей природой,
Мы знаем,
Как выглядит тополь
После дождя и шрапнели.

На минуту представьте себе
Вечера близ Диканьки,
И закаты по Гоголю,
И махновца на пьяной тачанке,
Паровозного кладбища
Оледенелые трубы,
И раскрытое настежь
Окно комсомольского клуба...

Бригадиры побед,
Мы по праву довольны судьбою,
На других поколеньях
Свои проверяя года.

Не сбавляя паров,
Грохоча биографией боя,
Мы идем в нашу старость,
Как входят в туннель поезда...

Давайте вспомним
Все, что нам знакомо.
Давайте снова
Проверять посты,
Руководимые
Секретарем губкома,
Украинцем
Огромным и простым.

Он вел романтику,
Как лошадь,
За собой —
Накормленной,
Оседланной,
Послушной.
Она, пришпоренная,
Мчалась в каждый бой,
Потом покорно
Шла к себе в конюшню.

Казармами,
Вокзалами,
Степями
Молодежь
Расставила пикеты,
Благословляема
Четырьмя ветрами
И пятью
Частями света.

Так накоплялся
Боевой багаж
Побед,
И поражений,
И подполья,
Так начинался
Комсомольский стаж
Товарищей —
Участников Триполья.

Не забудем их,
Лицо в лицо
Видевших и жизнь,
И смерть,
И славу.
Не забудем
Наших мертвецов,—
Мы на это
Не имеем права!

Пусть они
Напомнят нам о сроках,
Юность вызывающих на бой,
Пусть они
Пройдут сквозь эти строки,
Жалуясь на раны
И на боль.

Вот они
Являются ко мне
В тесных коридорах общежитий.
Я их поведу
По всей стране,
Чтобы показать им:
— Вот! Смотрите!

Сколько молодости
У страны!
Сколько свежих
Комсомольских сил!
Этот паренек
Из Чухломы
Нас уже давно опередил.

Эта девушка
Из Ленинграда
Первой в цехе
Снижает брак.
Посмотри
На ее бригаду!
Поздоровайся с ней,
Шпиндяк!

Это молодость наша встала!
Это брызжет
В десятках глаз
Весь огонь
Твоего запала,
Перемноженный
Сотни раз!..

Дышит время
Воздухом веселым,
И пути широкие легли,
И горит вовсю
Над Комсомолом
Солнце,
Под которым мы росли.

1933

* * *

Прорывая новые забои,
Тяжкие ворочая поля,
Звали мы тебя с собою,
Ты отнекивалась, но пошла, земля.

Ты с трудом свои катила воды,
Древними порогами скребя...
Мы твои сокровища, природа,
Выдумали сами за тебя.

Где Петлюра шел, где пели песни
Печенеги Нестора Махно,
На высоком небе Днепрогэса
Сколько нами солнца зажжено!

Удивилась нашему приходу
Беломорья вековая тишь,
И теперь ты кубарем, природа,
С Повенчанской лестницы летишь.

Ты карабкалась по неприступным кручам,
Лирикой ленивою звеня...
Мы тебя читать стихи научим
Только после трудового дня.

Ты пройдешь, кругом покрыта пылью,
По площадкам взрытых пустырей,
Мы тебя навеки зацепили
За шестнадцать крепких якорей.

1933

СТИХИ О МОСКВЕ

I

НАД МОСКВОЙ

Стратосферы наглотавшись вдосталь,
Погружаясь в море синевы,
Мы не в небе плаваем — мы просто
На двухсотом этаже Москвы!..

Солнце, не успевшее укрыться,
Летчики хватают на лету,
Поднимая потолок столицы,
Завоевывая высоту.

И когда в изнеможенье наземь
Полночь падает головой —
Это отзвук напряженной связи
Между звездами и Москвой.

Мы — ученые. Нам знакома
Этой полночи звездная тишь,—
Ты профессией астронома
Метростроевца не удивишь!..

Песней радостной и веселой
Над Москвою гудят с утра
Смеха, юности, Комсомола
Пробегающие ветра!

2
ПОД МОСКВОЙ

В каменном грунте, в подземных ручьях
Медленно опускаются клети.
Тускло поблескивают в плывунах
Кости и черепки столетий.

В сырости древней вязнет сапог...
И в вагонетке везут по уклону
Напластованья разных эпох
Девушки Фрунзенского района.

Нависли бетонные небеса
Непроницаемостью тяжелой,
Но эхом проносятся голоса
Подземной дивизии Комсомола.

Я снова тебя, Комсомол, узнаю.
Ты вызвал, работая и наступая,
На соревнование юность мою,—
И ты победил! И я уступаю.

Покорна тебе побежденная ночь,
И вот она бьется в туннеле, немея...
И чем лишь могу, я стараюсь помочь —
Работой, и жизнью, и песней моею!

3
НОЧЬЮ

Пускай МоГЭС (уже в который раз!)
Об экономии пришлет предупрежденье,—
Я зажигаю, штрафа не боясь,
Всю тысячу свечей стихотворенья...

Бродя путями зимней синевы
По площадям и улицам пустым,
Я освещаю все дома Москвы
И стрелочниц пустынные посты...

На Красной площади курантов ровный бой,
Кремлевских стен ограда вековая,—
Меня туда не пустит часовой,
Стихотворение за пропуск не считая.

Строка моя! Постой и подожди
У места, где живут твои вожди,
Где луч луны застыл на часовом,
Где дышит день, которым мы живем.

Где молодость кипеть не устает,
Где три стихии взяты на учет,
Где бой и штаб, где дышит грудь всегда
Полезным воздухом и климатом труда.

4

НЕГР В МОСКВЕ

Родина для негра обреченного —
Город мой, я за тебя борюсь,—
Ты впервые обнаружил вкус
В сочетанье красного и черного.

Долгих странствий завершая путь,
Я тебя приветствую, как дома,
Чтобы хижиною дяди Тома
Никогда тебя не упрекнуть...

О твоих сражениях суровых,
О твоих страданьях и борьбе —
Провели мы в кабачках портовых
Много разговоров о тебе...

Вышел ты с родной, понятной речью,
С дружески протянутой рукой
Черному приятелю навстречу,
Белокаменный товарищ мой!

Я искал тебя со дня рожденья,
Чтобы никогда не потерять,
Чтоб защитником твоим стоять
В черных тучах будущих сражений!

1933

ВСАДНИК

Утро встало рассветом серым,
Тяжким потом камзол пропах...
Всадник, посланный Робеспьером,
Приподнялся на стременах.

Над родимым его Провансом
Орудийный дымок прорвался.

Вдоль Бретани легла дорога,
И провинция ждет, дрожа,
Приказанья достать немного
Продовольствия и фуража.

Словно солнце в пустыне неба —
Неподкупный среди людей.
Не хватает овса и хлеба
Для великих его идей.

Всадник машет мушкетом новеньким.
Рассекая простор степной...
Штук пятнадцать легло Людовиков
За широкой его спиной.

Вдоль Прованса и вдоль Бретани
Двух провинций идет братанье.

Конь вприпрыжку летит карьером,
Шпора врезалась в потный бок...
Всадник, посланный Робеспьером,
Смотрит пристально на восток.

Дыбом поднятая тревога
Под копытами пыль кружит,
Кровью политая дорога
На сто лет впереди лежит...

Конь несется, храпя от боли,
Под мортиры тяжелый гул...
Встань на цыпочки,
Видишь, Коля?
Вон он — точечкой промелькнул.

———

Наша песня сквозь мир несется,
Сквозь орудий тяжелый гром,
Может, как-нибудь проберется
В осажденный рабочий дом,

Чтобы гулко, на всю Европу,
Хором в тысячи голосов
Передать им наш ценный опыт
Ликвидации юнкеров!

По Сибири и по Уралу
Нашей песни бурлила кровь,
Воскресала, и умирала,
И в отряде рождалась вновь.

Нашей дружбы крепки ряды,
Наших странствий живут следы
Вдоль по Волге и за Окою —
До былого достать рукою.

От Хабаровска до Полтавы
Расстояния велики,—
Через вражеские заставы
Пронесли мы свои штыки.

Мы болезнями не болеем —
В жилах нету дурных кровей.
К сроку нашего юбилея
Мы здорового здоровей!

Вспоминая о днях былого,
О тяжелых, суровых днях,
Красный всадник сегодня снова
Приподнялся на стременах.

Конь вприпрыжку берет карьером
Расстояние в сотню лет...
Всадник, посланный Робеспьером,
Передал от него пакет.

На маневрах среди степей
Распечатай его скорей!

1934

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Уперлась
Крутая дорога
Концом
В девятнадцатый век...
Здесь ветра
Достаточно много
Даже
Для ста человек.

Проходит
Погода сквозная
Сквозь оледенелые
Дни,
Здесь время и ветер
Не знают —
Когда поженились
Они.

Висят
Над погибелью мертвой
Пласты
Неподвижных веков...
Умер ли
Генрих Четвертый?

Жив ли
Борис Годунов?..

Здесь время
Оледенело,
Здесь так моложава
Пурга...
Как самое твердое
Тело —
Не думают таять
Снега.

Под серою толщей
Туманов
Нет смысла
Ни верить, ни ждать...
Проснувшись
И на небо глянув,
Брунгильда
Заснула опять...

Но вот оживает
Поэма,
И стих
Переходит на лед,—
Два летчика
Из Ванкарема
Уносятся
В пробный полет.

И ветер гудит
Без умолку,
И время —
На полный ход:

Летчик — фамилия —
Молоков...
Тридцать четвертый
Год...

Столетия встали,
Как будто
Проснулись —
Ни свет ни заря.
Послушно
Проходят минуты
Маршрутами
Календаря.

Каманина
Смелые мили,
Доронина
Пройденный путь —
От наших
Советских фамилий
По небу пошла
Баламуть...

В туманами спрятанный
Лагерь
Летят самолеты
Сквозь снег,—
Челюскинцам
Хватит отваги
Даже
Для ста человек!..

Сотней
Раскрашенных башен

Встал над Камчаткой
Восход...
Вот оно —
Мужество наше
На пароходе
Плывет.

Вот он —
Мелькнул издалека —
Полного хода
Дым...
Сопками
Владивостока
Выйдем
Навстречу им!

Мы юностью нашей
Богаты,
Мы встретим их
Солнечным днем,
Всем золотом
Наших закатов
И всех наших зорь
Серебром.

Чтоб светлою
Этой дорогой
Пройти им
По нашей стране,
Чтоб песня
Шагала бы в ногу
С такими людьми
Наравне!

1934

РЕСПУБЛИКЕ

Мне не славы чудится полет,
Мне бы только (честно признаю) —
До семнадцати твоих высот
Дотащить бы выдумку свою!

Я ее таскал среди огней
И трепал на каждом берегу —
Вот она дошла до этих дней
И сказала:
— Больше не могу!

Я шагала по тропе войны,
Я знамена с гордостью носила...
Я боюсь докладчиков страны —
Мне их громкий пафос не по силам!

Как ты бедной рифмой ни юли,—
Мы, поэт, с тобою не смогли,
Чтобы хоть в теченье получаса
Этот громкий пафос получался...

Сколько воздуха и сколько света
Поглотят советские края,
Если выше выдумки поэта
Поднялась Республика моя!

1934

КИРОВУ

I

Этот выстрел
Раздался и замер,
Только отзвук
Далекий застыл.
Горький опыт
Прощаний с друзьями
Нас от стонов и слез
Отучил...

Это можно
Спокойно сказать,
Но тяжелое
Страшное дело —
Чтобы нам
На перроне стоять
«В ожиданье
Прибытия тела»...

Он покоится
(Сдвинуты брови,
Лиловатые тени
Легли),

Он, наполнивший
Собственной кровью
Одряхлевшие вены
Земли.

2

Под Уфою
И под Барнаулом,
В звездном блеске
Ростовских ночей —
Вся страна
Наполняется гулом
Штурмовых
биографий
Вождей...

Человек —
По фамилии Киров —
Прожил век свой,
Упрям и суров,
Чтобы вытащить мир
Из прорывов,
Из вредительства
Многих веков...

Агитатор,
Строитель и воин,
Попрощаться
с друзьями
Забыв,
Он впервые
Сегодня спокоен,
Неподвижные руки
скрестив.

3

Будь ты
Трижды хорошим
                                        поэтом —
Что ты сможешь
Об этом сказать?
Эта пуля
Летит рикошетом,
Сводит пальцы,
Мешает писать...

Я сегодня
Не мог заснуть,
Я часами
Перо терзал,
Чтобы выдумать
Как-нибудь
То, что ты нам
Не досказал.

Чтобы вслушиваться
По ночам,
Как страны моей
Пульс стучит,
Как Республика
По полям
Легким заморозком
Шуршит...

1934

ДЕНИКИН

Белый конь
Под Орлом пролетел,
Предназначенный к въезду в Москву,
Подминая траву...
Время мчится быстрее,
Чем лошадь,— и вот —
Конь издох,
А хозяин в Париже живет.

Белый конь издыхал,
Мечтая о сене,
Тучный всадник пешком
Отмахал сквозь поля...
Что толкнуло хозяина
К Эйфелю, к Сене,
К фавориту Бальзака,
К любимцу Золя?

Для того ли шумело
Солдатское детство,
Чтоб по луврским залам
Пройти знатоком?..
Что поделаешь, унтер,
Если некуда деться,

Если крах, если франк
Не звенит пятаком!

Где ж твоя, генерал,
Боевая походка?
Разве бренди на вкус —
Это русская водка?
Эполеты погасли,
Проходят часы,
И осенним ландшафтом
Свисают усы.

Ты снимаешь мундир свой,
Ты так утомлен,
Ты заснул вдалеке
От Российской земли...
Я хочу, чтоб буденновцы
Вторглись в твой сон,
Как в просторы Кубани
С размаху вошли!

Я не лгу,
Я своими глазами видал,
Как седой генерал
На жеребчике трясся...
Любо-дорого видеть,
Как мчит генерал
От ростовской Садовой
И до Монпарнаса!

Чтобы в этом дыму
Разобраться помочь,
Встань, о память моя,
И Ростов озари!

Грохочи надо мною,
Ростовская ночь,
Каждый выстрел двадцатого
Вновь повтори!

Пролетай, моя память,
Сквозь дни боевые,
Отягченная грузом
Свинца и стихов,
Чтоб легенды стояли,
Как часовые,
Не сменяясь вовеки
У входа в Ростов,

Чтобы к нашей истории
Только дотронуться —
А уж песнь о Ростове
Гудит по полкам!
Запевай, запевала!
Летите, буденновцы,
По земле,
По полям,
По годам, по векам!

<1934>

ПЕСНЯ О КАХОВКЕ

Каховка, Каховка — родная винтовка...
Горячая пуля, лети!
Иркутск и Варшава, Орел и Каховка —
Этапы большого пути.

Гремела атака, и пули звенели,
И ровно строчил пулемет...
И девушка наша проходит в шинели,
Горящей Каховкой идет...

Под солнцем горячим, под ночью слепою
Немало пришлось нам пройти.
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались,
Как нас обнимала гроза?
Тогда нам обоим сквозь дым улыбались
Ее голубые глаза...

Так вспомним же юность свою боевую,
Так выпьем за наши дела,
За нашу страну, за Каховку родную,
Где девушка наша жила...

Под солнцем горячим, под ночью слепою
Немало пришлось нам пройти.
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

1935

МАРИЯ ДЕМЧЕНКО

На краю украинского бора —
Выросшей Республики дитя —
Ты стоишь — мечта Томаса Мора,—
Своего значенья не учтя.

Он у Темзы, о тебе мечтая,
Может быть, простаивал часы...
Ты стоишь — хорошая, простая,
Бураки кидаешь на весы.

Всех районов запахи сырые
Над землей осенней растеклись...
Будь здорова, Демченко Мария!
Встань перед страною, покажись!

Расскажи, как в поле без ночлега
Со своей бригадою жила,
Как мечту
На нескольких телегах
Центнерами свеклы привезла.

Расскажи, как ехала в столицу,
Как вошла застенчиво в стихи...
Пусть навеки этот день продлится!
«Хай цвитуть майбутнього шляхи!»

Наши дни — свершившиеся даты.
Всем мечтаньям наступает срок!..
Он тебя предчувствовал когда-то —
Знающий
Английский
Старичок!..

1935

ГОРЬКОМУ

Скорбной статуей,
Вечною памятью
Он у гроба стоит недвижим —
Твой герой,
Научившийся грамоте
И читателем ставший твоим.

Мы у гроба
Проходим колоннами,
Боевые знамена склонив,
Всеми чувствами,
Всеми знаменами
Холод смерти твоей ощутив...

Сумрак встал
Над колонной высокой,
И вожди в карауле стоят,
Над тобой буревестник и сокол
Неподвижною тенью парят.

Мертвый профиль
Знакомого облика...
Ты лежишь
Неподвижен и прям,—

Ты, прошедший с читателем об руку
По великим
И трудным путям.

Гроб несут на руках...
Боевого салюта раскаты...
И затменью солнца
Сопутствует сумрак утраты...

1936

ИСПАНСКАЯ ПЕСНЯ

Над израненной пехотой
Солнце медленно плывет,
Над могилой Дон-Кихота
Сбросил бомбу самолет.

И в дыму военной бури,
И у смерти на краю
Ходит с песней Ибаррури —
Ходит женщина в бою.

Я хотел бы с нею вместе
Об руку, ладонь в ладонь,
У пылающих предместий
Встретить полночи огонь,—

Чтоб отряды шли лавиной,
Чтобы пели на ходу
Все, что пела Украина
В девятнадцатом году;

Чтоб по улицам Толедо
С этой песней прошагать,
Теплым воздухом победы
Учащенно задышать!..

Над землей военнопленной,
Над Севильей держит путь
Гул, мешающий вселенной
Утомленной отдохнуть.

1936

ПЕСНЯ СЛЕПЦОВ

Ох, поет соловей на кладбище,
Над могилой шумят тополя...
Сосчитай — сколько сирот и нищих
Навсегда схоронила земля.

Я стою перед близкой могилой,
Я давно свое счастье забыл...
Хоть бы где-нибудь, где-нибудь, милый,
Хоть какой-нибудь родственник был!

Ты живого меня пожалей-ка,
Ты слепого обрадуй во мгле.
Далеко покатилась копейка
По кровавой, по круглой земле!

Ни угла и ни теплой постели,—
По ослепшей земле мы идем,
Нашу долю заносит метелью,
Заливает осенним дождем...

Все богатство — клюка да веревка,
Все богатство — считай, не считай...
Разменяй же, господь, сторублевку,
По полтинничку нищим подай!

Ты живого меня пожалей-ка,
Ты слепого обрадуй во мгле,
Далеко покатилась копейка
По кровавой, по круглой земле!

1936

УКРАИНА

Сколько шашек, гремя о победе,
Эти травы роскошные трогали!..
Ты пришла к нам изранена, бредя
Именами Шевченко и Гоголя.

По волнам голубого стекла
Ты неслась гайдамацкими пиками,
Ты не медом, а кровью текла
По усам генерала Деникина.

Ты свинцом провожала гостей,
Ты в дырявом платке замерзала
В ожиданье советских частей
У Синельниковского вокзала.

Я хотел бы опять и опять
Комсомольскою песнею вторить
Всем победам твоим и шагать
По пространствам твоих территорий,

Чтобы в звеньях полка молодого
Снова юным пройти сквозь бои,
Чтобы неба полтавского вдоволь
Мне хватило на годы мои!

Юных песен и родины жажда,—
Я хожу и шепчу по Москве:
— Пусть живет она, счастлива дважды!..
Хай живе! Хай живе! Хай живе!

1936

ПЕСНЯ О ТУЛЬСКОМ ГОЛУБЕ

Молодой красноармеец
Долго на небо смотрел,—
Над заводом оружейным
Тульский голубь пролетел.

И пошел красноармеец
По дорогам боевым,—
Позади родная Тула,
Впереди — сражений дым.

И когда, смертельно ранен,
Наш товарищ умирал,
Слышит — с неба тульский голубь
Наземь, раненный, упал.

И лежит красноармеец,
Нашей памятью храним,
И лежит, сложивши крылья,
Птица голубь рядом с ним.

1936

СОН

Месяц тучей закрылся,
Ночь спустилась во двор,
И ребенку приснился
Над станицей мотор.

От воздушного марша
Вся окрестность гудит...
Будто брат его старший
В самолете сидит.

И летят спозаранку
В предрассветную рань
Над кабинкой кубанка,
Под кабинкой — Кубань...

Мальчик смотрит, проснувшись,
В предрассветную тишь...
— Ваня! Ваня! Ванюша!
Ты летишь или спишь?..

Звонкой птицею свищет
За окошком весна,
Мальчик в комнате ищет
Продолжения сна.

Ночь ничуть не тревожна...
Растолкуй, объясни,
Где и как это можно —
Видеть детские сны?..

1936

МОЛОДЕЖИ

В кругу торжественных собраний,
За председательским столом —
Алмазный фонд воспоминаний
Мы молодежи отдаем.

Мы не одалживали крови,
Мы проливали кровь свою
За этой юности здоровье,
За пафос, сомкнутый в строю.

Военной полночью густою
У обагренных кровью вех
Делились мы мечтой простою —
Чтоб добрых качеств и достоинств
Хватило поровну на всех.

Мы шли навстречу поколеньям
По тяжким топям нищеты,
Чтоб стали массовым явленьем
Отдельных гениев черты.

И хорошо, что наши дети
С такою смелостью глядят,
И хорошо, что на планете
Кругом товарищи стоят.

1936

ДЕТСТВО

Две ослепшие канарейки
Тянут песенку без конца,
Две березы, как две еврейки,
Разговаривают у крыльца...

Всё роскошнее, всё румяней
Разгораются наши дни,
Но стареющие армяне
Вспоминают года резни.

Все мне кажется средь уюта
За покровом закрытых штор,
Будто девочка из приюта
Мерзнет — бедная — до сих пор...

Обитатели новых зданий,
Сочинители новизны —
Мы в тележки воспоминаний
Безнадежно запряжены...

Что ж, советую вам раздеться,
Потихоньку улечься спать —
Пусть тяжелое ваше детство
Повторится во сне опять!..

<1937>

ПЕСНЯ О ТРЕХ ТОВАРИЩАХ

Снежным полюсом, краем света
Два циклона идут подряд...
Три товарища над планетой
Сутки с лишним уже летят.

Чтобы шел самолет как надо,
Чтоб дорогой прямой летел,
Чтоб гремели мы над Канадой
Канонадой бессмертных дел!..

Друг на друга друзья взглянули,
Четким сердцем стучит мотор.
Три товарища промелькнули
Над цепями Скалистых гор.

Их встречают толпой огромной,
От оркестров звенит в ушах,—
Три товарища очень скромно
По Америке держат шаг...

Хорошо бы за небосклоном
Увидать из страны своей,
Как по Штатам Соединенным
Ходят трое родных людей!..

Как ни жалко, а песня спета,
Новой песне пора в полет,
Как Республика три букета
Трем товарищам поднесет!..

1937

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ

К пограничпым столбам
Приближаются снова бои,
И орудия ждут
Разговора па новые темы...
Я перебираю
Воспоминанья свои,
Будто чищу оружье
Давно устаревшей системы.

Я по старой тропе
Постаревшую память веду,
Я тебя, комсомольская юность,
Имею в виду!
Над моей головой
Ты, как солнце, взошла горячо,
Как шахтерская лампочка,
Издали светишь еще.

Годы взрослого пафоса —
Юпость моя пожилая!
В день твоих именин
Я забытых чудес пожелаю:
Ты поройся в архивах,
Манатки свои собери,

Хоть на остров сокровищ
Бездумно иди на пари!

И прожектор опять освещает
Район Запорожья,
Но в украинском домике
Тихо, покойно, темно...
Бродит юность вокруг
И боится жильцов потревожить,
Встало детство на цыпочки
И заглянуло в окно.

Лунный свет задел слегка
Все четыре уголка
Этой комнатки знакомой
Комсомольского губкома.
Сквозь оконное стекло
Время в комнатку текло,
И на стенке ходики
Отсчитывают годики...

Здесь когда-то родился
И рос молодой Комсомол,
Здесь мы честно делили
Пайков богатейшие крохи.
Дружба здесь начиналась!
Сюда я впервые вошел
В сапогах, загрязненных
Целебною грязью эпохи...

Я тебя вспоминаю —
Смешная, родная пора!
Ты опять повторись —
Хоть чернилами из-под пера!

В боевом снаряженье
Опять мы с друзьями идем,
И, как детский рисунок,
Огромный закат над Днепром.

Ночь непрекращающихся взрывов,
Утро, приносящее бои.
Комсомольцы первого призыва —
Первые товарищи мои!

Повторись в далеком освещенье,
Молодости нашей ощущенье!
Молодость моя, не торопись!
Медленно — как было — повторись!..

Никогда не стану притворяться,
Ничего на свете не хочу —
Только бы побольше вариаций
Этих повторяющихся чувств!..

1938

ПЕСНЯ ЛЕТЧИЦЫ

Самолет летит в просторах,
Туч надвинулось кольцо...
Отразилось на приборах
Русской женщины лицо.

И как будто оживают
Над кабиной чудеса —
Ходит Муромец, шагает
Через Брянские леса.

Полный газ! Ревут моторы.
Я не стану отдыхать,
Чтоб до вечера просторы
Всех республик облетать.

Казахстанские барханы...
Украины зной и тишь...
«Шо ж ты мене, мий коханий,
Ничего не говоришь?»

Алюминиевой птицы
Мчатся в небе два крыла...
Милой родины границы
В полдень я пересекла.

Дышит воздухом прохладным
Незнакомая страна —
Ни-дер-лан-ды? Ну да ладно!
Я всему обучена!

Вся земля раскрытой книгой
Подо мною проплывет...
По равнинам Уленшпигель
Ходит, песенку поет.

Встала близкой и понятной
Вся земля передо мной...
Я ложусь на курс обратный:
Семь часов — пора домой!

Сухопутные границы,
Океана мертвый штиль.
И поют вдогонку птицы:
— У-лен-шпигель!.. Тиль! Тиль!
Тиль!..

1938

ПЕСЕНКА

За зеленым забориком
Ты не можешь уснуть...
Уж вечерняя зорька
Повторяет свой путь.

Я измученным лицом яснею —
Может быть, увижуся я с нею,
Может быть, со мной до вечера
Будешь ты бродить доверчиво...

День становится тише...
Ты сидишь у окна...
На высокую крышу
Скоро выйдет луна.

И тогда под звуки мандолины
Выйдешь ты в туман долины,
Чтобы в медленном кругу гавота
Беспокойно ожидать кого-то...

1938

ПОЛИНЕ ОСИПЕНКО

Сквозь легенды, сказанья, былины
Далеко ль до бессмертья идти?
«Очень близко!» — сказала б Полина,
Но не может произнести...

Ни слезой, ни печалью не надо
Омрачать наш прощальный салют,
Если с русскою женщиной рядом
Боевые легенды идут.

Этот образ, знакомый и милый,
Разве время от нас заслонит?..
Вся страна перед свежей могилой
Близким родственником стоит.

И никто не пройдет стороною,
Каждый замысел, каждый порыв,
Все мечты свои перед тобою,
Как живые цветы, положив,

Чтоб сквозь годы другим поколеньям
Славу женщины передать —
Самолетом, стихотвореньем —
Всем, что может быстро летать!

1939

ПРОЩАЛЬНАЯ

Годы привольные
Время над нами бесшумно промчит,
Бесшумно промчит.
Молодость школьная, молодость школьная
Крышкой от парты вдали простучит,
Вдали простучит.

Молодость в памяти встанет твоей
Добрыми лицами старых друзей.
Споем! Без песни, друзья,
Никак расставаться нельзя!

Прошлое прожито, прошлое прожито,
Звезды мерцают у новых дорог,
У новых дорог.
Что же ты, что же ты, что же ты, что же ты,
Старый товарищ, стоишь одинок,
Стоишь одинок?

Рядом с друзьями пройди молодым,
Песне состариться мы не дадим.
Споем! Без песни, друзья,
Никак расставаться нельзя!

Шумными волнами, шумными волнами
Песня за нами проносится вслед,

Проносится вслед.
Сердце наполнено, сердце наполнено
Музыкой близких боев и побед,
Боев и побед.

Грозное время. Могучий народ.
Родина нас посылает в поход.
Споем! Без песни, друзья,
Никак расставаться нельзя!

1939

ДОБРОЕ УТРО

До свиданья, дорогая,
Расстаемся мы с тобой:
Ты налево, я направо,
Так назначено судьбой.

Ходят волны друг за другом
День за днем, из года в год,
А вот люди расстаются:
Лучше бы наоборот.

Но надеюсь я на встречу,
Сколько надо, буду ждать,
Буду ждать заветный вечер
И без отдыха страдать.

Даже солнце каждым утром
Ждет свидания с землей,
Так неужто, дорогая,
Мы не встретимся с тобой?

1939

* * *

Есть земля на севере
Францева Иосифа —
Там навек забуду я,
Что меня ты бросила.

Полно разговаривать,
Знаю я заранее —
Будешь ты участвовать
В северном сиянии.

Знаю я заранее,
Что зарю над льдинами
Будешь пошевеливать
Пальчиками длинными.

Солнышко на севере
Малым светом тратится,
Ждут давно на полюсе
Твоего вмешательства.

Мне людей не надобно,
Мне делиться хочется
С белыми медведями
Черным одиночеством.

<1930-е годы>

МАЯКОВСКОМУ

Ласковым в дружбе, в споре разгневанным —
Будто я видел вас только вчера,
Будто сидите вы с Борею Левиным
И разговариваете до утра.

Будто на общем собрании клуба
Вы обращаетесь с речью к нам —
Завоевавший алмазный кубок
Первенства СССР по стихам.

Будто встречаемся — только реже,
Будто — непогребенный поэт —
В гости пришли вы — такой же прежний —
К нам — постаревшим на десять лет.

Громким оркестром, музыкой медною
В марше прошло по часам и по дням
Время — в бессмертье своем незаметное,
Время, которое дорого нам.

Но времени нет и разлуки нету —
Жив Маяковский! Он не ушел —
Вечный поэт, над вершиной планеты
Громко читающий «Хорошо!».

1940

КЛЯТВА

Вор сорвал с нашей двери запор.
Мы из тех, кто стреляет в упор!
Старожилы победных боев,
Мы из племени большевиков!..

Всей земли боевая пора!
Встанут древние воды Днепра
И, пока не затопят врага,
Никогда не войдут в берега!

И земля за врагом поползет
Всеми топями пинских болот,
Всею пылью широких дорог,
Чтоб пути разглядеть он не мог.

Это нашей республики дом!
Это всё мы скопили трудом!
Разве гору с собой унесешь?
Разве русскую землю возьмешь?

В нашем доме врагу — не житье!
Я клянусь, государство мое,—
Ярость воина, тяжесть свинца
Во врага погрузить до конца!

Жизнь моя, пронесись, пролети,
Выполняя приказ, сквозь бои,
Закаляясь в дыму и в огне,
В общей клятве родимой стране!

1941

СВЯЩЕННОЕ СЛОВО

Врагу не уйти от прибоя
Великого гнева страны!
Товарищ! Мы вышли с тобою
В открытое море войны!

Сражайся с товарищем рядом
И ненависть в сердце храни,
Чтоб ярость толкала снаряды,
Чтоб дальше летели они,

Чтоб песня неслась боевая,
Чтоб сразу почувствовал враг,
Что значит рука трудовая,
Когда ее сжали в кулак!

Здесь вложен наш труд многолетний,
Здесь нашей Республики дом,
Здесь все до травинки последней
Воспитано нашим трудом!

Пусть полчища вражьи налезли,—
Дадим мы достойный ответ!
У Гитлера только — железо,
Но русского мужества — нет!

Летит самолет облаками,
Под конницей пыль поднялась...
Победой взвилось над полками
Священное слово: «Приказ!»

1941

ЛЕНИНГРАД

Здесь земля победами дышала...
Виден всей стране издалека
Ленин у Финляндского вокзала,
Говорящий речь с броневика.
Память о бойцах и о героях
Этот город навсегда хранит.
Этот город на своих устоях
Колыбелью мужества стоит.
Песням и легендам повторяться
У застав, мостов и у ворот —
Боевая клятва ленинградцев
Над великим городом встает.
Дышит время заревом пожаров
И полки в сражение идут.
Ярость полновесного удара
Сомкнутые руки берегут.
Неприступным был он и остался
В боевые славные года.
Никому наш город не сдавался,
Никому не сдастся никогда!

1941

ФРОНТОВАЯ НОЧЬ

Пожар крылом широким машет,
Над лесом полночь глубока,
И, как дивизия на марше,
Над батареей облака.

Как будто схвачена за горло,
Окрестность дальняя дрожит,
Когда огонь, покинув жерла,
Быстрее выдумки летит.

И как бы смерть ни сторожила,
Никто назад не отойдет,
Покуда ненависть по жилам,
Как электричество, течет.

Огня военных перекличек
Я узнаю знакомый свист...
Вперед, боец! Стреляй, зенитчик!
Гони коня, кавалерист!

Пройдут года, мы станем старше,—
На город издали взгляни,
И, как дивизию на марше,
Ты вспомнишь молодости дни!

1941

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ

ВСТУПЛЕНИЕ

Положи на сердце эту песню,
Эту строчку каждую возьми!..
Жизнь гвардейца! Повторись! Воскресни
Песнею о двадцати восьми!

Проходи, мой стих, путем победным,
Чтобы, изучая не спеша,
Не дымком воспоминаний бледным —
Дымом артиллерии дышать!

Проплывут гвардейские знамена,
И ракеты вспыхнут на пути,
Каждого гвардейца поименно
Пригласив в бессмертие войти.

Вытирая о ступеньки ноги,
Он взойдет тихонько по крыльцу,
Он войдет и встанет на пороге
Песни, посвященной храбрецу.

Бледный и усталый от сраженья,
Он войдет и скажет на ходу:
— Я в грязи, а здесь — стихотворенье!
Лучше я, товарищи, уйду!

Оставайся! Мы тебя не пустим!
Здесь твой дом! И здесь твоя семья!
Лучшая учительница чувствам —
Русская застенчивость твоя!

Домовитый, мужественный, честный,
По-хозяйски посмотри вокруг,
Песня без хозяина — не песня!
Будь ее хозяином, мой друг!

Потому что каждая страница —
Мужества широкие поля,
Песнями, легендами, пшеницей
Русская богатая земля!

Заходи же! Ты имеешь право!
Оставайся! Ты — хозяин тут,
Потому что реки нашей славы
В океан бессмертия текут!

И опять идут за ротой рота
В смертный бой, и впереди, взгляни,—
Партии раскрытые высоты,
Комсомола яркие огни!

КОМСОМОЛ

Комсомол! Это слово давно
Произносится мной нараспев,
Это — партии ранний посев,
ВКП золотое зерно.

Старость юность мою заметет,—
Я до старости чуть не дошел,
Слышу — мужество в марше идет,
Оборачиваюсь: Комсомол!

Ты меня через годы провел,
Терпеливо учил сочинять...
Мне б до старости славу догнать!
Задыхаясь, догнал — Комсомол!

Ты и слава, и мужество ты!
Ты — большое семейство одно,
Поднимаясь горам на хребты,
Опускаясь ущельям на дно,

Через снег, через топи болот
Миллион комсомольцев идет.
Это выдумать даже нельзя,
Чтобы были такие друзья.

Коммунист! Комсомолец! Боец!
Нам назад отступать не дано!
И тогда двадцать восемь сердец
Застучали, как сердце одно.

И тогда молодой политрук
Посмотрел на себя, на ребят,—
Двадцать восемь протянутых рук,
Двадцать восемь взведенных гранат!

КОГДА УМИРАЮТ ГВАРДЕЙЦЫ

Тебе не расстаться с шинелью,
Ни разу уже не раздеться...
Снега! Поднимитесь метелью,
Когда умирают гвардейцы!

Звезда боевого ночлега
Над нами мерцает, как раньше...
Трава! Поднимись из-под снега
Приветствовать наше бесстрашье!

С врагом до последнего биться
Вело нас гвардейское знамя...
Последних минут очевидцы,
Склонитесь, березы, над нами!

Идем, политруком ведомы,
К победе и к смерти готовы...
Эх, жаль, что далеко до дому,
И ворон — не голубь почтовый!

Подружка моя молодая,
Тебе ль оставаться вдовою?..
Огонь по переднему краю!
За мною, гвардейцы, за мною!

Сибирской ночной тишиною
Покрыта Иркутская область...
За мною, гвардейцы! За мною!
На подвиг, на славу, на доблесть!

Заснежена наша избушка,
Мальчонка играет с собакой...
Гвардейцы! Фашиста — на мушку!
За мною, гвардейцы, в атаку!

Мы вновь не увидимся будто...
Прощайте навеки, родные!
Предсмертной разлуке — минута,
А родине — все остальные!

Мы жили семьею счастливой,
Мы прожили век не скучая,
Гранат и снарядов разрывы
Гвардейскою шуткой встречая...

Всё ближе стучат автоматы,
И танки надвинулись глухо...
Но сталь и железо, ребята,
Помягче гвардейского духа!

Лети же, последняя пуля,
И в горло тевтонское впейся...
Бессмертье встает в карауле,
Когда умирают гвардейцы!

ЗАВЕЩАНИЕ

Ушла гвардейская семья,
И расспросить об этом некого...
Вставай, фантазия моя,
На пост разъезда Дубосеково.

По пядям землю осмотри
В снегах молчания угрюмого
И каждый подвиг повтори,
Бессильная сама выдумывать!

Ты собери по капле кровь,
Ползя полями невеселыми,
Чтоб стали двадцать восемь вновь
Земли советской новоселами.

Не устилай поля атак
Ни горестью и ни печалями...
Гвардеец скажет: «Нет! Не так,
Совсем иначе умирали мы!»

Достойно смерть свою встречал,
Как будто жизнь встречает заново,
Так — я свидетель — умирал
Мой друг Крючков Абрам Иванович.

Сознав, что сделал все, что мог,
Спокойно, как всегда, как давеча,
Недвижно Добробабин лег,—
Так смерть нашла Иван Евстафьича.

Но пламеннее всех бойцов,
Как будто сто сердец в груди его,
Погиб наш политрук Клочков,
Которого я знал как Диева.

Пусть мне сто лет прожить сулят,
Пусть вечность поднесут на блюдечке,—
Я политрука и ребят
Покину, только мертвым будучи!

И Шепеткова — земляка,
И Сенгирбаева — татарина,
Но только жизнь одна пока
Бойцу с рождения подарена.

И мне, дружок, не по плечу
Наш общий подвиг обнародовать.
Я только жизнь свою хочу
В гвардейской схватке израсходовать.

Враги зарылись под огнем,
И некуда, проклятым, деться им:
Земля на тыщи верст кругом
Полна советскими гвардейцами!

Споют о нас в краю родном,
И, может, строчка в песне выльется
И обо мне — как об одном
Из двадцати восьми панфиловцев.

Поэт! Приветствуй мой народ,
Поздравь его с победой скорою...
Так гвардия идет вперед,
Так продолжается история!

ГВАРДЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

Гвардейцы! Мы прожили годы не зря,
Недаром в сражения шли!
Над нами не раз поднималась заря —
Гвардейское знамя земли.

В бои неустанно — опять и опять —
Гвардейское наше житье!
И смерть удивлялась, не в силах понять,
Что так презирают ее!

Родная страна провожала бойца,
Прощались — и не было слез,
Когда уносили мы наши сердца
От русских, от белых берез.

Вот так мы сражаемся, дышим, живем
Великой гвардейской семьей.
Придем мы к победе и в песню войдем,
Как люди приходят домой!

ПИСЬМО

Мы с утра занимаем окоп,
Кочку каждую оберегая...
Я далёко, и ты далеко...
Что ты скажешь, моя дорогая?

Много смерти
И много огня
Посреди необъятного поля...
Ты навряд ли увидишь меня...
Как ты думаешь, милая Поля?

Ты уйми свое девичье горе,
Ты пойми, что, поднявшись в атаку,
Твой любимый Петренко Григорий
Не хотел, чтобы кто-нибудь плакал.

Пусть я буду убит наповал,
Вспоминай о гвардейце без плача.
Он любимою родину звал
И тебя называл не иначе.

Сколько в республике нашей
Раздолья!
И сколько похожей на нас
Молодежи!

На север до полюса
(Похоже на «Поля»),
На запад до Польши
(Тоже похоже!)

Протянулось пространство
Далеко на восток
(Каждой речки изгиб —
Будто твой локоток).

Над Воронежем, думаю,
Падает снег
(Там, где девичий твой
Приготовлен ночлег).

А южнее небось
Очень много тепла
(Будто ты там жила
Или только была)...

Вот склонился к плечу моему
Сенгирбаев — сподвижник мой старый...
(Я никак не пойму, почему
Воевали с Россией татары!)

И вот мы лежим —
Все двадцать восемь,
Будто погибает
Одна семья...

Помни о нас —
Мы тебя очень просим,
Кровь моя!
Любовь моя!
Дорогая моя!

Гвардейцы, в атаку! Прощай... Некогда...
Запомни навек
Политрука слова:
— Велика Россия, а отступать некуда:
Позади — Москва!

Проходит ночь. Шум боя стих.
К утру бойцы оцепенели.
Заря окутывает их
Своей сияющей шинелью.

САЛЮТ

К утру огонь пулеметов ослаб
И гул минометов стих...
Горе мое проникает в штаб,
Минуя всех часовых.

Командный пункт. Пустой блиндаж.
Глухой коридор земли
Безмолвен... Скажи, часовой: куда ж,
Куда же они ушли?

Черной стеной стоят леса,
Снежный лежит простор...
Ушел батальон, ушел комиссар,
Ушел генерал-майор.

И это молчание, выйдя в бой,
Дивизии опередив,
Взорвется над вражеской головой,
Как ненависти разрыв.

Мы в этих складках сомкнутых губ
Такую месть храним,
Такую боль, что не хватит труб,
Когда мы заговорим!

И в залп троекратный бойцы сольют
Ненависть, месть и боль...
Товарищ начальник! В общий салют
И этим стихам позволь!

Чтобы песня вперед устремилась,
Лобовою атакой гремела,
Чтобы все, что на мне,— задымилось,
Чтобы все, что во мне,— закипело!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мир наступит, землю согревая,
Унося артиллерийский дым...
Все, что мы сейчас переживаем,
Мы воспоминаньям отдадим.

Мы пойдем путем подразделений
За воспоминаниями вслед,
Вспомним горечь первых отступлений,
Сладость завоеванных побед.

По минуте каждой повторится
Наш сегодняшний военный день,
И мгновенно память озарится
Пламенем горящих деревень.

И сквозь годы память, как начальник,
Снова поведет нас за собой,
Пробираясь темными ночами
Темной партизанскою тропой.

Вспомним, как мы время измеряли
По движенью пулеметных лент,
Как в бою друг друга не теряли
Комиссар, боец, корреспондент.

Как стихи писали, как на месте
Останавливалось перо
В ожиданье утренних известий
От Советского Информбюро.

Как в окопе боевые сутки
Проводили взводом сообща,
Как шипящий круглый репродуктор
Имена героев сообщал.

В этом гуле пушечных раскатов
Никогда не забывайте их,
Навсегда на сердце отпечатав
Имена погибших и живых.

И чтоб лучше видеть это время,
Все пространство пройденных путей,
Соберите молодое племя,
Поднимите на руки детей,

Чтоб они, войдя веселым строем
В нами завоеванные дни,
Научились подражать героям,
Поступали так же, как они!

1942

ИЗ СТИХОВ О ЛИЗЕ ЧАЙКИНОЙ

I

В заснеженном русском пространстве
Далекая точка видна —
Идет деревенская девочка
По зимней дороге одна.

Зажмурив глаза, против ветра
Идет она через поля,
Шажками все три километра
На мелкие части деля.

Ее провожают березы
И ясень встречает в пути...
Такого серьезного взгляда
У взрослых людей не найти.

Идет деревенская девочка
Сквозь рощу, сквозь русский пейзаж
В неполную среднюю школу,
В единственный гордый этаж.

А ветер и сверху и снизу
Несется, поземкой пыля...
— Как звать тебя, девочка? — Лиза!
— Фамилия? — Чайкина я!

И снова сквозь поле, сквозь рощу —
Своим неизменным путем —
Идет деревенская девочка...
Давайте с ней рядом пойдем!

Пройдем через молодость эту,
Вживемся в ее бытиё —
От парты, от первых отметок
До смертного часа ее.

От азбучной первой картинки,
От хохота детских забав
Пройдем партизанской тропинкой
К безмолвью ночных переправ.

Мы вспомним при первой тревоге
Избушки родного села,
Как девочка шла по дороге,
Как Чайкина наша жила,

Смеялась и пела... А ныне
Салюта приглушенный гром:
Мы тело своей героини
Сегодня земле предаем.

Над Лизой над нашей — над нею
Встает невысокий курган...
И есть ли печаль тяжелее,
Чем тяжкая скорбь партизан?

Не счесть наших долгих лишений,
Бессонные ночи не счесть,
Но нет ничего драгоценней,
Чем наша священная месть!

Мы ливнем огня и металла
Всю линию фронта зальем
За то, что она намечтала
В девическом сердце своем...

Пойдем, деревенская девочка!
Идем, дорогая, идем!

2

Ей песни печальные не удавались,
Хоть многое в жизни узнать довелось...
Мечты набегали и разбивались
На брызги желаний о жизни утес.

Был гостеприимен, но чуточку жёсток
Взгляд ее серых приветливых глаз,
Как будто она — незаметный подросток —
Заметила самое важное в нас.

И люди, входившие в избу-читальню,
Где Лиза заведующей была,
Над книгой веселой или печальной
Стояли застенчиво у стола.

И Чайка, не ударяясь в амбицию,
Смотрела прилежно на дело свое,
Как медленным шагом входил в эрудицию
Товарищ, родившийся раньше ее.

И он победит, он упорства не сбавит,
Изнемогая в тяжелой борьбе,
Когда застревает вязкий алфавит
Мелкою буковкой на губе.

И легче как будто, и все незаметней
Дорога к высоким вершинам идей
Под руководством пятнадцатилетней
Девочки — героини моей...

3

Была эта комната невысока,
Пахла поленьями сыроватыми,
И тусклая лампочка у потолка
Светила ничтожными киловаттами.

За окнами шла деревенская ночь,
Как при Мономахе и как при Романовых;
Казалось: Иванушке в горе помочь
Приходят былины в сапожках сафьяновых.

Казалось, что все продолжалось, как встарь,
Что юность беспечна со старостью рядом...
Но эту иллюзию секретарь
Развеял международным докладом.

Английской грамматики знал он закон:
Там все ударенья на первом слоге,
Но вместо «Ло́ндон» произносил он «Лондо́н»,
И это звучало торжественно-строго.

Он раны Европы перечислял —
Курносый мальчишка Калининской области,—
Он ясно увидел и показал
Идущих пожаров кровавые отблески.

Не знал он тогда, что раздавит война
Родную деревню шагами звериными,
Немецкими спичками подожжена —
И эта вот комната станет руинами!

В необходимость свою на земле
Он фанатически верил, не ведая,
Что шестеро суток в немецкой петле
Качаться ему перед самой победою...

И эта решимость на плотных губах
Такой жизнерадостностью дышала!
И кровь, что прольет он в грядущих боях,
Румянцем на щеки его проступала...

И Лиза среди комсомольцев других
Сидела и не шевельнулась ни разу,
И, словно незабываемый стих,
Звучала в ушах ее каждая фраза.

Как будто и Лиза и люди окрест
На несколько вдруг приподнялись ступенек...
Так слушает мальчик военный оркестр,
Так Пушкина слушал его современник...

О первый мой ранний приход в Комсомол,
Военный порядок неприбранных комнат!..
Куда бы мой возраст меня ни довел —
Я буду, я буду, я буду вас помнить!

Я буду вас видеть издалека,
Вы будете песней звенеть молодою,
И тусклая лампочка у потолка —
Светиться неугасимой звездою...

4

Счастья называть между другими
Чье-то уменьшительное имя,
Счастья жить, скрывая от подруг
Сердца переполненного стук,
Счастья, нам знакомого, не знавшей,
Чайкина ушла из жизни нашей.

Это счастье быть большим могло бы,
Если б вашей встрече быть...
Может, он салютовал у гроба —
Тот, кого могла б ты полюбить?

Может, он, ушедший воевать,
Спит сейчас в землянке на рассвете?
Может, некому ему писать,
Потому что он тебя не встретил?

И не только за поселок каждый,
За свое сожженное село,—
Месть и месть за двух прекрасных граждан,
До которых счастье не дошло!

5

Ветром и пылью клубилась дорога,
И поле пылало во всю ширину...
Животные шли молчаливо и строго,
Как будто они осуждали войну:

«Мы с гомельских пастбищ, травой знаменитых,
Ушли перед самым осенним покосом,
Мы, может, сегодня на наших копытах
Последнюю мирную землю уносим!..

Не уходить бы! Остаться б! Припасть бы еще
Губами к родному, к зеленому пастбищу!..»

Обид не прощать и пощады не ждать —
Смертельного боя простая наука...
И Лиза взглянула на старую мать,—
И мать поняла, что настала разлука.

Молчание матери русской! Оно
В прощанье с детьми зародилось, наверное,
При Наполеоне, давным-давно,
В глухой деревушке Смоленской губернии.

Ярость глухая народного мщения!
Ты воскресаешь, в лесах оживая,
Опыт внезапного нападения
Сквозь три поколения передавая.

Ты в эти знакомые лица вглядись:
По тропам лесным партизанским отрядом
Людей поведет не Давыдов Денис,
А Батя, а Дед, а живущие рядом.

И, повторяя свой путь боевой,
Снова увидишь ты образ любимый,—
Лиза идет вдоль опушки лесной
Символом нации непобедимой.

Издали бой долетает раскатами,
Глуше товарищей голоса.
Сумрак густеет, и прячут леса
То, что должно быть до времени спрятано...

6

Сквозь ветви луна освещала
Лесной заколдованный мир...
— Пора уже! — Лиза сказала.
— Иди! — говорит командир.

Глухой партизанскою ночью
Обманчива тишь деревень,
По краю дорожных обочин
Мелькает разведчицы тень.

Дороги ей бросили вызов,
Овраги ее стерегут...
Как звать эту девушку — Лиза?
А может быть, Зоей зовут?

Одной проходили стезею,
Одни охраняли края
И Космодемьянская Зоя,
И Чайкина Лиза моя!

Ты с нею была незнакома,
Ни разу не виделась с ней...
Так будь хоть в поэме как дома
С чудесной подругой своей!

Сестра повстречалась с сестрою,
Родные друг друга нашли,
И в список народных героев
Вы рядом, обнявшись, вошли!

7

Про дела Ермака, про Иртыш
Партизаны вполголоса пели,
Прикрывая ладонями рты,
Чтоб слова далеко не летели.

Лес да лес наступает кругом —
Часовой партизанских землянок...
Спой нам, Лиза, теперь о другом,
Спой нам песню о нас — безымянных...

Таял песни летучий дымок
Под осенними небесами,
Вторил ей молодой тенорок,
Пожилые гудели басами...

Шли отряды по этим лесам,
Здесь народная месть бушевала,—
Здесь музей Революции нам
Открывает свои филиалы.

Я всегда это место найду,
Здесь войны партизанской припевы
В восемнадцатом жили году,
А под этой сосной — в сорок первом!

8

Кончалась ночь, рождался новый день,
Холодный полдень проносился мимо,—
Она прошла пятнадцать деревень
Походкою своей неутомимой.

Как родственнице, каждый рад ей был
И понимал, что, сколь отпор ни труден,
На что он годен — их немецкий тыл,
Когда в тылу немецком наши люди!

9

Нет! Я предателей не назову,
Светлых стихов о тебе не марая...
Если, как ты, я на свете живу,—
Буду я счастлив, как ты, умирая!

Вот мне секунды останется жить!
Вот я прошел через ужасы пыток,
Чтобы, как Чайка, жадно испить
Мужества благородный напиток!..

Люди идут молчаливой толпой,
Слез набегающих не вытирая,—
Это деревня пошла за тобой,
В путь твой последний тебя провожая.

Десять шагов отсчитал лейтенант,
И неподвижно солдаты стояли...
Милая! Мужество — это талант!
Сколько талантов они расстреляли!

10

Шла ты в школу, девочка... Тогда-то
Мы и познакомились с тобой.
Но уже встает другая дата
Всей своею правдой роковой.

Ты была веселою намедни,
Ты была певуньей среди нас...
Девочка! Шаги свои замедли —
Приближается последний час.

Как мне быть с мечтаньями твоими,
Устремленными далеко ввысь?
Заклинаю — юности во имя,
Девочка, остановись!

Но не девочка, а партизанка
Продолжает свой последний путь.
Страшный круг штыков немецких замкнут,
И его никак не разомкнуть!

Но на милом, на родном лице
Не прочесть ни скорби, ни печали...
Не хочу присутствовать в конце!
Дай еще раз мне побыть в начале!

Зажмурив глаза против ветра,
Проходишь ты через поля,
Шагами все три километра
На мелкие части деля.

Тебя провожают березы
И ясень встречает в пути...
Но сквозь подступающие слезы
Мне туда дороги не найти!

Вот и я иду с твоим отрядом
Расстрелять предателей твоих,
Вот и я со всей деревней рядом,
За кольцом немецких часовых.

Вот уже прицелились солдаты...
Хладнокровный залп... один... другой...
И — поэтом, партизаном, братом —
Я прощаюсь, Чайкина, с тобой!

Может, образ твой издалека
Слабым светом песня освещала,
Но дышала каждая строка
Воздухом, которым ты дышала!

1942

ЖИВЫЕ ЛЕГЕНДЫ

Рассказы воинов бывалых!
Я с упоеньем слушал вас
В короткий отдых на привалах,
В спокойствия недолгий час.

И все, что в песнях наших пелось,
Встает легендою живой,
Когда находчивость, и смелость,
И выдержка выходят в бой...

Сидят товарищи меж нами
И вновь ведут, не торопясь,
Обыкновенными словами
Свой героический рассказ.

И слушаешь рассказ короткий
Горячих дней и славных дел,
Когда от нашей русской сметки
Надолго немец обалдел.

Когда, послушные приказу,
В бою не дрогнули сердца...
Бывалых воинов рассказы,
Вас можно слушать без конца!

Сигнал к атаке. Кончен отдых...
Подразделения идут...
Бойцы, бывавшие в походах,
Свой опыт нам передают!

1942

О СТОЙКОСТИ

Шестнадцать месяцев путем уже знакомым
Сожженных сел, обугленных берез
Проходим мы, сроднившиеся с громом
И порохом пропахшие насквозь.

Привычным стало то, что было страшным,
Мы научились подвиги ценить
Не для того, чтоб рассказать вчерашний,
А для того, чтоб новый совершить.

«Назад ни шагу!» — лозунг над полками.
Пусть сто смертей нам встанут поперек!
Как Ловать — Ильменю, как Волге — Кама,
Так наша Стойкость — Мужеству приток!

Пусть будет страх в бою тебе неведом.
Запомни, друг: таков закон войны —
Лицом вперед — услышишь гром победы,
Лицом назад — проклятие страны!

Рассказ о нас — о преданных отчизне —
Ты сыну, как былину, передашь,
Чтоб помнил он, как, присягая жизни,
Стояли насмерть — в этом подвиг наш!

1942

7 НОЯБРЯ

По рядам засеченных точек
Мчится огненная гроза...
В полночь раненый пулеметчик
На минуту открыл глаза.

Перекрыта ночною тьмою,
Шла пехота в смертельный бой...
Он спросил: — Сегодня седьмое? —
Мы кивнули ему головой.

Мы сказали: — Ты был героем! —
Он ответил: — Мы на войне!
Я не выбыл еще из строя!
Помогите подняться мне.

Я недаром живу на свете,
Боевые мои друзья!
Я достойно наш праздник встретил —
В нем участвует кровь моя!..

Гул сражения над полками,
Полночь праздничная плывет...
Он слабеющими руками
Поворачивает пулемет.

Взглядом жадным и воспаленным
За полетом огня следит —
Смерть по вражеским батальонам
Длинной очередью бежит.

Тьму ночную взрыхляют мины,
Бьют снаряды. Земля в огне...
Так встречаем мы годовщину!
Мы — солдаты! Мы — на войне!

1942

НОВЫЙ ГОД

Атаками, морозами, пургой,
Прошедшее, ты оживаешь снова!
И год один сменяет год другой,
Как часовой сменяет часового.

Прямым путем, дорогою сквозной,
Еще от артиллерии гудящей,
Проходит снова память, как связной
Между прошедшим днем и настоящим.

Тогда, сугробы кровью обагрив,
Знамена поднимало наступленье,
Тогда сердца слились в один порыв,—
И мы назвали их: соединенье.

Соединение! Когда и я, и ты,
И тысячи товарищей на марше!
Пусть мы сегодня на год стали старше —
Я узнаю знакомые черты!

Мы шли с тобой при солнце и при звездах,
Вдыхали вместе подмосковный воздух,
И я считал тебя за земляка —
Пусть разных мест, но одного полка!

Земляк и друг мой! Позабыть смогу ль
Над Яхромой несущуюся вьюгу,
Когда взглянули мы в лицо друг другу
В мерцании трассирующих пуль!

И он придет — победы нашей час!
Приблизь его, добудь его в сраженье,
Чтоб с днем победы поздравляли нас,
Как ныне поздравляют с днем рожденья!

1942

* * *

Каленые сибирские морозы,
Балтийская густая синева,
Полтавский тополь, русская береза,
Калмыкии высокая трава,

Донбасса уголь, хлопок белоснежный
Туркмении, Кузбасса черный дым,—
Любовью сына, крепкой и надежной,
Мы любим вас! Мы вас не отдадим!

Безмолвна тишь глухой военной ночи.
Товарищи построились в ряды —
За ними Север льдинами грохочет
И шелестят грузинские сады.

Свирепствует свинцовая погода,
Над армией знамена шелестят.
За армией — советские народы,
Как родственники близкие, стоят.

Мы для себя трудились — не для немца!
И мы встаем на рубежах войны,
Чтобы ударить в сердце чужеземца
Развернутою яростью страны!

1942

ПЕСНЯ О ФОНАРИКАХ

Над родной Москвою, вдоль Москва-реки,
Самолеты вражеские шли,
И тогда карманные фонарики
На ночных дежурствах мы зажгли.

Бессменный часовой
Все ночи до зари,
Мой старый друг — фонарик мой,
Гори, гори, гори!

Помню время сумрака туманного,
Тех ночей мы помним каждый час,—
Узкий луч фонарика карманного
В ночи те ни разу не погас.

Бессменный часовой
Все ночи до зари,
Мой старый друг — фонарик мой,
Гори, гори, гори!

Помню ночь над затемненной улицей,
Мы с любимой были рядом тут,
И фонарик — вот какая умница! —
Вдруг погас на несколько минут.

Бессменный часовой
Все ночи до зари,
Мой старый друг — фонарик мой,
Гори, гори, гори!

Над родной притихшею столицею
Он светил на каждом чердаке,
Пусть сегодня снова загорится он,
Как бывало, в девичьей руке!

Бессменный часовой
Все ночи до зари,
Мой старый друг — фонарик мой,
Гори, гори, гори!

1942

ИТАЛЬЯНЕЦ

Черный крест на груди итальянца,
Ни резьбы, ни узора, ни глянца,—
Небогатым семейством хранимый
И единственным сыном носимый...

Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?

Я, убивший тебя под Моздоком,
Так мечтал о вулкане далеком!
Как я грезил на волжском приволье
Хоть разок прокатиться в гондоле!

Но ведь я не пришел с пистолетом
Отнимать итальянское лето,
Но ведь пули мои не свистели
Над священной землей Рафаэля!

Здесь я выстрелил! Здесь, где родился,
Где собой и друзьями гордился,
Где былины о наших народах
Никогда не звучат в переводах.

Разве среднего Дона излучина
Иностранным ученым изучена?
Нашу землю — Россию, Расею —
Разве ты распахал и засеял?

Нет! Тебя привезли в эшелоне
Для захвата далеких колоний,
Чтобы крест из ларца из фамильного
Вырастал до размеров могильного...

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей!

Никогда ты здесь не жил и не был!..
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах...

1943

ЗАСТОЛЬНАЯ АРМЕЙСКАЯ

Нас нарекли друзьями кровными,
Когда мы вышли на врага,
Когда боями подмосковными
Гудели русские снега.

Припев:

Гаубицы сердятся, горят прожектора,
Русская пословица у зимнего костра,
Пройденный товарищами большой военный путь,
Воздухом отечества наполненная грудь!
Фляжками походными мы чокнулись с тобой!
Шла наша дивизия на беспощадный бой.
Все, что вместе прожито, как мы рядом шли,
Будет помнить каждая горсточка земли.

Тогда с женой свиданья скорого,
Уйдя в поход, не ждали мы,
Тогда с тобой: «Что русским здорово,
То немцу — смерть»,— сказали мы.

Припев.

Когда же армия ударная
Пройдет путем богатырей
Страна обнимет благодарная
Своих прекрасных сыновей.

Припев.

И улыбнутся лица милые,
И вспомним мы свои дела,
Как нас Победа по фамилии
На подвиг каждого звала.

Припев.

1943

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Не напрасно сложили песню
Мы про синий платочек твой —
Вот блеснула в обойме тесной
Пуля, вылитая тобой...

Осенен боевым приказом,
Батальон продолжает бой —
И врага повергает наземь
Пуля, пущенная тобой!

Сквозь свинцовые эти дали
Мы с тобою идем в поход,
И сверкнул на твоей медали
Солнца утреннего восход...

Как ты мало бываешь дома!
Сколько ты отдаешь труда!
Пролетают, тобой ведомы,
Быстроходные поезда.

Нет! Не только рукой мужскою
Вспахан наш безграничный край,
И, взлелеян твоей рукою,
Поднимается урожай...

Вот проходит состав тяжелый
И взлетает во тьме ночной —
Не жалеет для немца тола
Партизанка — товарищ мой!

По дороге, от дыма душной,
За бойцами проходишь ты.
Как не больно и как воздушно
Ты накладываешь бинты!

Мы черны от свинца и дыма,
Но боец улыбнется вдруг
Самой сильной, непримиримой,
Самой ласковой из подруг!

Мы гордимся тобой по праву!
И сегодня в кругу друзей
Возглашаем сердечно:
слава
Русской женщине! Слава ей!

1943

ВЕСНА

Кипучие реки взыграли,
В полях зачернели грачи.
На наших штыках засверкали
Весеннего солнца лучи.

Встречай неприятеля смело,
Гони его с нашей земли,
Чтоб солнце его не согрело,
Чтоб травы под ним не росли!

Стеною огня и металла
Встречай неприятеля так,
Чтоб наша весна расцветала
Всей яростью зимних атак!

За муки, за боль, за пожары
Врагу мы заплатим сполна.
И холодом смерти ударит
В лицо ему наша весна!

1943

ПЕСНЯ О КАЛИФОРНИИ

В Калифорнии плачет ребенок,
В Калифорнии мальчик не спит,
Много бедности тяжкой с пеленок,
Много горя ему предстоит.

Безупречное солнце сияет,
Весь в оранжевых бабочках луг,
Апельсины кругом расцветают,
И несчастные люди вокруг...

В это время у города Бреста,
Где от сосенок тени лежат,
Вспоминая родных и невесту,
Засыпал утомленный солдат.

Он в атаку пошел на рассвете
И погиб у германской земли,
Чтоб не только советские дети —
Чтобы дети повсюду цвели.

Поднимали бокалы не раз мы
На скрещеньях военных путей
За родного солдата из Вязьмы,
За великого друга детей.

Я хочу, чтобы скорбную дату
Никогда и никто не забыл,
Я хочу, чтоб родному солдату
В Калифорнии памятник был!

1943

КАХОВКА

Украинский ветер шумит над полками,
Кивают листвой тополя...
Каховка, Каховка! Ты вновь перед нами —
Родная, святая земля!
Мы шли через горы, леса и долины,
Прошли через гром батарей,
Сквозь смерть мы пробились...
Встречай, Украина,
Своих дорогих сыновей!

Под солнцем горячим, под ночью слепою
Прошли мы большие пути.
Греми, наша ярость! Вперед, бронепоезд,
На Запад, на Запад лети!

Пожары легли над Каховкой родимой,
Кровава осенняя мгла,
И песни не слышно, и в сердце любимой
Немецкая пуля вошла.
За юность, на землю упавшую рядом,
За Родины славу и честь
Забудем, товарищи, слово «Пощада»,
Запомним, товарищи: «Месть!»

Под солнцем горячим, под ночью слепою
Прошли мы большие пути.
Греми, наша ярость! Вперед, бронепоезд,
На Запад, на Запад лети!

1943

В КРЫМУ

Такой перед войсками путь,
Какой и в сказках не описан!
На пять минуток отдохнуть
Волжанин сел под кипарисом.

Он много пересек дорог,
Из многих рек он черпал фляжкой,
И на запыленный сапог
Вспользает крымская букашка.

Так вот он — ялтинский прибой,
Родной, заветный берег Крыма!
И Севастополь за горой —
Мечтой вот-вот осуществимой!

Родная речь звучит в Крыму
И пенье птиц по-русски будто,
Он слышит (кажется ему)
Раскат московского салюта.

Команда строиться зовет,
Войска опять пришли в движенье,
Волжанин встал, идет, идет...
Читайте в сводках продолженье.

1944

САДЫ-САДОЧКИ

Пушка полковая
Бьет, не умолкая,
Над землей проносится военный ураган.
Сады-садочки,
Цветы-цветочки,
Над землей проносится военный ураган.

По сырым окопам,
По болотным тропам
К бою поднимался наш отважный батальон.
Сады-садочки,
Цветы-цветочки,
К бою поднимался наш отважный батальон.

Но в разгаре боя
Сник я головою,
Пулею немецкою подкошенный, упал.
Сады-садочки,
Цветы-цветочки,
Пулею немецкою подкошенный, упал.

Выбелены стены —
Госпиталь военный,—
Там я трое суток без сознания лежал.

Сады-садочки,
Цветы-цветочки,
Там я трое суток без сознания лежал.

Боль мою смирила,
Раны исцелила
Теплая, заботливая, нежная рука.
Сады-садочки,
Цветы-цветочки,
Теплая, заботливая, нежная рука.

Сколько жив я буду —
Вечно не забуду,
Ты на годы долгие запомнилась бойцу!
Сады-садочки,
Цветы-цветочки,
Ты на годы долгие запомнилась бойцу.

1944

СНОВА В МОСКВЕ

На светлый город пристально взгляни —
И встанут снова сумрачные дни.
Закрой глаза — и снова пред тобой
Клубится дымом подмосковный бой.

Ты в эти дни с бессмертием дружил,
Ты пять смертей в обойму положил.
По площадям былины шли в ночи,
Легенды шли, шагали москвичи!

Прожектор у древней ограды
Блеснул беспокойным лучом,
И встали панфиловцы рядом
С тобой, молодым москвичом!

Спросил дружка в Берлине старый друг:
— Ты помнишь ли Сокольнический круг?
Я с детства там со всей семьей живу,
Я так люблю красавицу Москву!

Вернулся из Германии солдат.
Ему навстречу москвичи спешат.
Он пересек такой большой простор —
Он шел в Берлин от Воробьевых гор!

Москва! Ты в солдатской шинели
Прошла, не склонив головы!
И сколько б мы песен ни пели,
Их мало для нашей Москвы.

1945

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ангелы, придуманные мной,
Снова посетили шар земной.
Сразу сократились расстоянья,
Сразу прекратились расставанья,
И в семействе объявился вдруг
Без вести пропавший политрук.

Будто кто его водой живою
Окропил на фронтовом пути,
Чтоб жене его не быть вдовою,
Сиротою сыну не расти.

Я — противник горя и разлуки,
Любящий товарищей своих,—
Протянул ему на помощь руки:
— Оставайся, дорогой, в живых!

И теперь сидит он между нами —
Каждому наука и пример,—
Трижды награжденный орденами,
Без вести пропавший офицер.

Он сидит спокойно и серьезно,
Не скрывая счастья своего.
Тихо и почти религиозно
Родственники смотрят на него.

Дело было просто: в чистом поле
Он лежит один. Темным-темно.
От потери крови и от боли
Он сознание теряет, но

С музыкой солдаты смерть встречают.
И когда им надо умирать,
Ангелов успешно обучают
На губных гармониках играть.

(Мы, признаться, хитрые немного,—
Умудряемся в последний час,
Абсолютно отрицая бога,
Ангелов оставить про запас.)

Никакого нам не надо рая!
Только надо, чтоб пришел тот век,
Где бы жил и рос, не умирая,
Благородных мыслей человек.

Только надо, чтобы поколенью
Мы сказали нужные слова
Сказкою, строкой стихотворенья,
Всем своим запасом волшебства.

Чтобы самой трудною порою
Кладь казалась легче на плечах...

Но вернемся к нашему герою,
Мы сегодня у него в гостях.

Он платил за все ценою крови,
Он пришел к родным, он спит с женой,
И парят над ним у изголовья
Ангелы, придуманные мной...

1945

ПИСЬМО ДРУГУ

В дыму, в обвалах
Уличного боя
(Припомни, друг,
Сегодня — ровно год),
За домом дом —
Мы двигались с тобою
Штурмующими группами вперед!
В Тиргартене —
Поток огня и стали,
Развалины цейхгауза горят,
И мрачно смотрит
Бисмарк с пьедестала
На русских автоматчиков отряд...
Мой старый друг!
Мы вспоминаем ныне
Прошедший первомайский день
в Берлине.
В кругу родных
За праздничным столом
Мы с гордостью
Поведаем о нем.
И пусть расскажет
Старая гармонь,
Какой тогда был яростный огонь!

В застольной нашей песне вспоминай
Канун Победы —
Прошлый Первомай!
И завтра вновь
Победные знамена
Мы пронесем
В ряду стальных колонн,
И, первомайским солнцем озаренный,
Сомкнулся для парада батальон.

1946

ПЕСНЯ НЕФТЯНИКА

Велики твои богатства, мой Азербайджан!
Протекает под землею нефти океан.
Я ее найду повсюду в темной глубине —
Под землею, под водою на Каспийском дне!

Богата нефтью
Страна родная,
Земля родная —
Азербайджан!
Цвети под солнцем,
Страна родная,
Земля родная —
Азербайджан!

Мы трудом своим прославим наш Азербайджан!
Мы тебя поднимем наверх — нефти океан!
День и ночь всегда лелею я мечту одну —
Всей твоей могучей силой напоить страну.

Богата нефтью
Страна родная,
Земля родная —
Азербайджан!

Цвети под солнцем,
Страна родная,
Земля родная —
Азербайджан!

1947

СОЛДАТУ!

Я тебя ни разу не покинул —
Шел из боя в бой, из года в год,
Я, познавший, может, половину,
Может, четверть всех твоих невзгод.

И под светлым небом братской дружбы,
Всей страны дыханием согрет,
На военной благородной службе
Ты присяге верен тридцать лет.

Горизонт, окопами изрытый,
Все еще хранит следы твои...
Это называется — защитой
Счастья государства и семьи,

Счастья человечества...
                                        Об этом,
О большой стране великих прав,
Пишут сочинения поэты
И написан воинский устав!

1948

СВАДЬБА

На скромную стипендию едва ли
Когда-нибудь так пышно пировали...

Они сидят за столиком вдвоем.
Невесту оглушил оркестра гром;
Старается среди людей чужих
Казаться независимым жених...

По всей земле, пожаром обожженной,
Рука в руке прошли молодожены.
Кавалерийский корпус на Поречье —
Свидетель их товарищеской встречи,
И с дружбою, похожей на любовь,
Они вошли в освобожденный Львов,
Потом условились в горящем Бухаресте
Согласно провести остаток жизни вместе...

Пусть корпус далеко и свадьба их скромна,
Не бог весть сколько пенится вина,—
Всё те ж мечты у них, масштабы те же,
И тысячи коней в их свадебном кортеже!
Веселых запевал отдельный взвод
Для вас, Иван Андреевич, поет!
И сам полковник поднял тост не раз
За вас, Татьяна Павловна, за вас!..

Они сидят за столиком вдвоем.
Их обступила родина кругом.

Шуршит колосьями полтавский ветерок,
Всю ночь мелькает в поле огонек.
Любимой дочери судьбу переживая,
Участок свой обходит звеньевая:
Как уживется с ним? Как скоротает век?
Наверно, он хороший человек!..

Качает черноморский ветерок
Не шхуну старую, а юный катерок,
Матрос по мокрой палубе шагает,—
Он другу поздравленье сочиняет
И думает все время беспокойно:
«Наверное, она его достойна...»

И в этот час грузинский винодел
На цинандали ласково глядел:
— За дружбу — тост! За ваше процветанье,
За молодость, за бракосочетанье!..

Ночная темь густеет. В два часа
Заснули подмосковные леса.
Чернеют издали, как след военных дней,
Ряды полуразрушенных траншей.
Стоит сосна в почетном карауле,
Где вечным сном товарищи заснули.
Дивизии гвардейской рядовой,
Сражавшийся как надо под Москвой
И павший в историческом сраженье,
Шлет молодым свое благословенье...

Стоят леса в молчании глубоком...
Заря пылает над Владивостоком
И движется на запад,— засверкал
Огнями самоцветными Урал,
Нефтяники идут на промысла,
В пласты Донбасса врубовка вошла,
Сверкнули рельсы, и запели птицы
Над родиной, где вам вдвоем трудиться!..

Пора идти, товарищи, пора!
Уже совсем недолго до утра!
Вам жить еще в согласье много дней,
Распространяя счастье на людей...

Светлеет небо над Москвой-рекою,
Деревья провожают их толпою
И шепчут им, листвою шевеля:
— Нам нравится московская земля! —
На них дома свою бросают тень,
Они идут в зарю, в грядущий день...

1948

ВЕСНА

Над первыми цветами прогудела
Налаженным моториком пчела...
Садовнику сегодня много дела,
Ждут пахаря великие дела.

С лица земли сметен последний снег,
И грач в таком веселом настроенье,
Как будто он не грач, а человек
И сочинил сейчас стихотворенье.

Запасом убедительных речей
Богат словоохотливый ручей,
И жаворонок стынет в ожиданье,
Готов к полету мирного заданья.

Вздымает реки буйная земля,
И травы — в наступлении зеленом...
И тракторист выходит на поля,
Где он держал когда-то оборону.

Послушен руль, уверенна рука...
И песня проплывает над полями,
Где, занимая полматерика,
Лежит земля, запаханная нами.

1948

АРТИСТ

Иосифу Уткину

Четырем лошадям
На фронтоне Большого театра —
Он задаст им овса,
Он им крикнет веселое «тпру!».
Мы догнали ту женщину!
Как тебя звать? Клеопатра?
Приходи, дорогая,
Я калитку тебе отопру.

Покажу я тебе и колодец,
И ясень любимый,
Познакомлю с друзьями,
К родителям в гости сведу.
Посмотри на меня —
Никакого на мне псевдонима,
Весь я тут —
У своих земляков на виду.

В самом дальнем краю
Никогда я их не позабуду,
Пусть в моих сновиденьях
Оно повторится стократ —

Это мирное поле,
Где трудятся близкие люди
И журавль лениво бредет,
Как скучающий аристократ.

Я тебе расскажу
Все свои сокровенные чувства,
Что люблю, что читаю,
Что мечтаю в дороге найти.
Я хочу подышать
Возле теплого тела искусства,
Я в квартиру таланта
Хочу как хозяин войти.

Мне б запеть под оркестр
Только что сочиненную песню,
Удивительно скромную девушку
Вдруг полюбить,
Погибать, как бессмертный солдат
В героической пьесе,
И мучительно думать в трагедии:
«Быть иль не быть?»

Быть красивому дому
И дворику на пепелище!
Быть ребенку счастливым,
И матери радостной быть!
На измученной нашей планете,
Отроду нищей,
Никому оскорбленным
И униженным больше не быть!

И не бог поручил,
И не сам я надумал такое,

Это старого старше,
Это так повелось искони,
Чтобы прошлое наше
Не оставалось в покое,
Чтоб артист и художник
Вторгались в грядущие дни.

Я — как поле ржаное,
Которое вот-вот поспеет,
Я — как «скорая помощь»,
Которая вот-вот успеет,—
Беспокойство большое
Одолевает меня.
Тянет к людям Коммуны
И к людям вчерашнего дня.

По кавказским долинам
Идет голодающий Горький,
Пушкин ранен смертельно,
Ломоносову нужно помочь!..

Вот зачем я тебя
Догоняю на славной четверке,
Что мерещится мне
В деревенскую долгую ночь!

1948

НАД СТРАНИЦАМИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО МАНИФЕСТА

Столетие страницы шевелит —
Сто долгих лет борьбы, труда и славы!
Не призрак бродит, а солдат стоит
У стен коммунистической державы.

Рассветный сумрак начал розоветь,
И часовой в упор глядит на Запад,
Где лев британский, как простой медведь,
Сосет — голодный — собственную лапу.

Столетия терзая материк,
Несутся атлантические воды
И бьются в берег, где Нью-Йорк воздвиг
Большую статую для маленькой свободы.

И часовому видно, как вдали
Просторами сменяются просторы,—
Не призрак бродит: плоть и кровь земли
Бушует, разворачивая горы.

Ветра истории страницы шевелят,
И нет правдивей, нет верпее этой,
Написанной сто лет тому назад
Грядущей биографии планеты!

1948

СТУДЕНЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Пусть людям состариться всем суждено,
С научной точки зрения,—
Но мы ведь студенты, и мы все равно
Бессмертное поколение.

И мы убеждаемся вновь и вновь,
Что сердце вечно пламенно,
На дружбу великую и на любовь
Сдадим мы, друзья, экзамены.

Мы взяли у родины столько тепла,
Клянемся всегда любить ее.
Грядущее близко — заря светла
В студенческом общежитии.

Клянемся, товарищи, ни на момент
Не знать в труде усталости.
И с нежностью скажем мы слово «студент»
В самой глубокой старости.

1948

ПОЕЗД ИДЕТ ВСЕ БЫСТРЕЙ

Мы прощаемся с Москвой,
Перед нами путь большой.
Здравствуй! Будем знакомы.
Дай мне руку, незнакомый спутник мой!
Споем, друзья!
Путь далек,
Дальний Восток!
Пусть летит до океана
Песня друзей;
Поезд идет все быстрей.

Ты подольше сбереги
Все тепло моей руки.
Знаю, верному сердцу
Десять тысяч километров — пустяки.
Споем, друзья!
Путь далек,
Дальний Восток!
Пусть летит до океана
Песня друзей;
Поезд идет все быстрей.

Над родимою землей,
Над полями, над тайгой
Мчится ветер победы
По просторам нашей родины большой.
Споем, друзья!
Путь далек,
Дальний Восток!
Пусть летит до океана
Песня друзей;
Поезд идет все быстрей.

1948

* * *

Тихо светит месяц серебристый...
Комсомольцу снятся декабристы.

По России, солнцем обожженной,
Тащатся измученные жены,
Молча по дороге столбовой
Одичавший тянется конвой.

Юноша из-за столетий мглы
Слышит, как брякают кандалы.

Спят давно и старики и дети,
Медленная полночь над селом...
Комсомолец видит сквозь столетье
Пушкина за письменным столом.

Поздний час. Отяжелели веки.
И перо не легче, чем свинец...
Где его товарищ Кюхельбекер,
Фантазер, нестроевой боец?

С каждым днем разлука тяжелее,
Между ними сотни верст лежат.
Муравьев-Апостол и Рылеев
Входят в петербургский каземат.

Комсомольцу кажется сквозь сон,
Что стоит у Черной речки он.

Он бежал сквозь зимнее ненастье...
Разве можно было не спешить,
Чтоб непоправимое несчастье
Как угодно, но предотвратить!

Поздно, поздно!.. Раненый поэт
Уронил тяжелый пистолет...

Гаснут звезды в сумраке ночном,
Скоро утро встанет над селом,
И скрипят тихонько половицы,
Будто Пушкин ходит по избе...

Как узнать мне, что еще приснится,
Юный друг мой, в эту ночь тебе?

1949

БЕСЕДА

(Песня)

Давай побеседуем вновь
Про радости и про страдания.
Влюбленность еще не любовь,
А встреча еще не свидание.

Скажи мне, что все это зря,
Что чувства ко мне ты не чувствуешь;
Заря для меня не заря,
Когда ты при ней не присутствуешь.

Закат для меня не закат,
А просто одно наблюдение.
Спроси у соседних ребят,
Они не введут в заблуждение.

Останусь навеки тут жить,
Теперь никуда не уеду я,
Чтоб время с тобой проводить
Хотя б за простою беседою.

Давай побеседуем вновь
Про радости и про страдания.
Влюбленность еще не любовь,
А встреча еще не свидание.

1949

* * *

У девушек старшего брата
Был вид независим и прост.
С войны он вернулся солдатом —
Вдруг вырос в дверях во весь рост.

У девушек старшего брата
Совсем не осталось родных.
Я плечики помню из ваты
И юбки короткие их.

Смеялись они и шутили.
И вдруг, повязавшись платком,
Они навсегда уходили
И к нам не звонили потом.

Курили они папиросы
И пили вино по-мужски.
У юных, светловолосых,
Темнели глаза от тоски.

Что им вспоминалось? Санбаты?
Друзья на холодном снегу?
Я девушек старшего брата
Забыть до сих пор не могу.

<1940-е годы>

СОЛДАТСКИЙ СОН

Опрокинут забор дощатый,
Песни, крики со всех сторон —
Из-под Фастова все девчата
Устремились в солдатский сон.

Спят бойцы... Посреди землянки,
В неподвижном кругу солдат,
Встали пышные киевлянки
И с любовью на них глядят.

Хоть и снятся, а впрямь живые.
И в предутренней тишине
Слышат сосны и часовые,
Как солдат говорит во сне:

— Дай мне руку свою, виденье,
Наклонись к моему плечу,
Не желаю я пробужденья,
Я с тобою побыть хочу.

Помнишь тополь у старой хаты,
Что стоит на краю села?
Не меня ты ждала, а брата!
Не ко мне, ты к нему пришла!

Знаешь, сердце как удивилось
В этой временной тишине:
Что же ты не ему приснилась?
Почему ты явилась мне?

Он ведь ранен еще на марше,
Он навек оставляет нас.
Твой любимый Карпенко-старший
Доживает последний час.

Он лежит в блиндаже комроты,
И, хоть это недалеко,
Не пройдешь ты через болото,—
Через сон перейти легко.

Ты простись со своим желанным,
Слезы девичьи урони...
На обратном пути, Оксана,
В сон солдатский мой загляни.

Мне бы в сырости этой жуткой
Ощутить бы твое тепло!..

Снам — конец. Наступает утро.
Над болотами рассвело.

1950

КОРЕЯ, В КОТОРОЙ Я НЕ БЫЛ

1

Всегда равнодушный мудрец,
Всегда хладнокровный философ
Все смогут узнать у сердец
Путем перекрестных допросов.

Но чувством, но песней, но лирой
Попробуй поди сформулируй,
У сердца ответа потребуй:
Чудесною силой какой
Кореи далекое небо
Развернуто надо мной?

2

Нам уж давно, кореец,
Поговорить пора,
Зимнею ночью греясь
Рядышком у костра.

Сразу и не поймется —
Годы ль давно прошли?
Первые комсомольцы
В дедушки перешли.

Двадцатого года карту
Я вижу издалека...
Врангель или Макартур —
Разница невелика.

С полным авторитетом
Молодость наша шла,
Вмешиваясь в планеты
Внутренние дела.

Чем она знаменита,
Русская молодежь?
В лица друзей взгляни ты —
Сразу ответ найдешь:

Славой больших походов,
Болью тяжелых ран —
И за свою свободу,
И за твою, Пхеньян.

3

Поздоровайся со мной, китаец!
Ты несешь, я вижу, вдалеке,
Фронтовой дорогою скитаясь,
Флаг освобождения в руке.

Голову не склонишь пред снарядом,
Ясен путь, и ненависть остра...
Дай и я присяду у костра,
Где кореец и китаец рядом.

Нечего греха таить, друзья!
Где встают отряды боевые,
Где уже никак терпеть нельзя —
Там с любовью смотрят на Россию!

Если б дали слово комсомольцам,
Мир бы от восторга загудел,
Но мешает русским добровольцам
Министерство иностранных дел.

И не танки и не пушки шлем
Мы бойцам священного похода —
Мы родной Корее отдаем
Опыт освоения свободы.

А торговцам смерть — простой товар,
Экспортный, нуждающийся в рынках...
И уже испепелил пожар
Каждую корейскую былинку.

Дом разбитый, выжженный посев,
В поле мертвый мальчик ждет расплаты!
И сердец соединенный гнев
Посильней Соединенных Штатов!

4

Значит, так: Москва — Владивосток
Поездом. Оттуда — самолетом.
Несколько часов — короткий срок —
Я стою с товарищем у дзота.
Надо мной Кореи облака,
Предо мной шумит Ханган-река.

Каждая минута дорога!
Я хочу в артиллерийском гуле
Рассказать перед лицом врага,
Что такое Курская дуга,
Как ее солдаты разогнули!

Как, раскалена, черна от дыма,
Строем параллелей и широт,
Гладью тихоокеанских вод,
Волнами Атлантики седыми
Ненависть к захватчикам плывет!

5

Что поезд! Нет быстрей движенья,
Чем ясное воображенье.
Что самолет! Я вижу небо
Кореи, где я сроду не был.
Что песня, что строка, что стих,
Когда пожар моей души достиг!

Корея не в мечтах, а наяву
Встает передо мною... Братья, сестры,
Я вижу рядом с домом, где живу,
Пылающий в сраженьях полуостров.

Он рядом с ним стоит — мой мирный дом...
И, радио включая на рассвете,
Я не один! Стоят бойцы кругом
И перед боем слышат строки эти.

1951

ЖИВАЯ ВОДА

Переживший долгое зимовье,
Аккуратно, в календарный срок,
Зажурчал на склонах Подмосковья
Драгоценный русский ручеек...

Помнишь ли, вода, свое начало —
День, когда в стране богатырей
Ты петровский ботик закачала
На большой поверхности своей?

Крепости полна многовековой,
Южные избороздив края,
Привела к победе Ушакова
Сильная твоя струя.

А теперь военный и гражданский,
Огибая материк, плывет
Северный и Тихоокеанский,
Черноморский и Балтийский флот.

До чего становится богатой
Биография твоя, вода!
Мощный, добродушный экскаватор
Не жалеет для тебя труда.

Через незнакомые районы,
Как всегда, прозрачна и светла,
Нами поднята — от Волги к Дону
Ты сегодня посуху пришла.

Славно потрудились наши руки!
И, людей за труд благодаря,
После миллиона лет разлуки
К Каспию придет Амударья.

Ты тогда предстанешь пред народом
Не совсем обычной, не простой
Дружбой кислорода с водородом,
А союзом действия с мечтой.

Как немой, бесформенный веками,
Оживает мрамор под резцом,
Станешь ты под сильными руками
Озером, рекою, ручейком.

Не один случайный гость приезжий,
Не одна страна — весь шар земной
Будет умываться нашей свежей,
Животворной русскою водой.

1952

ЗДРАВИЦА

Всю жизнь имел я имя, отчество,
Растил сознание свое...
Поверь, товарищ, так не хочется
Переходить в небытие.

Не то чтоб возрастом преклонное
Мне тело жаль земле отдать,—
Предметы неодушевленные
Я так люблю одушевлять!

Несется лодка по течению,
В ней рыбаки плывут домой...
Напишешь песню-сочинение —
Река становится живой!

А темный лес? Заставим старого
Поверить в наши чудеса:
Певуче будут разговаривать
Полезащитные леса.

В частушке воину отказывать?
Она удобна и проста,
Ее не чистить и не смазывать —
Она душевна и чиста.

Не рукописью в старом шкапике,
Не у Истории на дне —
Несись, моя живая капелька,
В коммунистической волне!

Друзья мои! Поднимем здравицу
За все, что нужно молодым,
Им без стихов ни с чем не справиться,
Им всем поэт необходим!

1952

РОССИЯ

Россия! Ведь это не то что
Ямщик — захудалая почта.
Россия! Ведь это не просто
Плакучая ива у моста.

По оползням древних оврагов
Медвежьей походкой века
Прошли от последних варягов
До первого большевика.

И пусть, по преданьям старинным,
Богатства не счесть твоего,—
Кончалось аршином сатина,
Россия, твое щегольство.

Тебе сквозь кабацкую сладость
Несла перекатная голь
Свою однодневную радость,
Свою ежедневную боль.

Неловко поправив рубаху,
К мучительной смерти готов,
На Лобное место без страха
Взошел Емельян Пугачев.

Сквозь гущу полярного мрака,
Махая в пути посошком,
Учиться к московскому дьяку
Идет Ломоносов пешком.

Встает петербургское утро,
Безмолвно стоит караул,
На Софью Перовскую грустно,
Прощаясь, Желябов взглянул...

Россия во мраке казенном
Склонялась над каждым казненным,
Россия без слез и без жалоб
Прекрасных сынов провожала.

И пишет чиновник приказный
Еще и еще имена...
За казнями следуют казни,
Идет за войною война.

За русской добычей богатой
Японский спешит капитал,
И навзничь ефрейтор жепатый
Среди гаоляна упал...

А время над миром голодным
Неслось и неслось неспроста,—
В истории Прага и Лондон
Свои занимают места.

— Трудиться нельзя безвозмездно!
Спасайте бездомных ребят! —
Тревожно партийные съезды
Ударили в русский набат.

Как труден, Россия, как горек
Был путь исторический твой!..
Но вот я уже не историк,
А битвы участник живой.

Да! Я принимаю участье
В широких шеренгах бойцов,
Чтоб в новое здание счастья
Вселить наконец-то жильцов!

Недаром я молодость отдал,
Россия, за славу твою,
Мои комсомольские годы
Еще остаются в строю.

Полвека я прожил на свете,
Но к юности все же тянусь,
Хотя подрастающим детям
Уже патриархом кажусь.

Спокойные пенсионеры
О прошлом своем говорят,
А рядом идут пионеры,
Как сто Ломоносовых в ряд.

Они электричество знают,
Грядущее зрят наяву,
Пред ними с любовью склоняет
Природа седую главу.

Пред ними дубы вековые,
Как верные стражи в пути...
По мирным просторам России
Идти бы еще да идти!

Не то чтобы в славе и блеске
Другим поколеньям сверкать,
А где-нибудь на перелеске
Рязанской березою встать!

1952

ВЕСЕННЕЕ

Я отдал судьбу свою в честные руки,
Я жил на земле — как поэт и солдат,—
Где мудрые деды и умные внуки
У государственной власти стоят.

Ничто не забыто — пусть время торопит,—
Мне помнятся ранние наши мечты,
Когда еще призрак бродил по Европе
И жадно смотрел на живые цветы.

Он шел по окраинам тенью бесплотной,
Он в двери стучал у времен на заре...

Сегодня на солнце зажмурился плотник:
— Какая в России весна на дворе!

Не очень вникая в значенье столетий,
Следят за пчелой любопытные дети,
И к солнцу апрельскому устремлены
Цветы завоеванной нами весны.

И в лонах семейств, и на общих собраньях,
На росном рассвете, и в сумерках ранних
Цветет, поднимается, дышит со мной
Все то, что мы сравниваем с весной,

О чем еще старый путиловский мастер
Мечтал в карауле у Смольных ворот...

Смотри: нагруженная глыбами счастья,
Весна по России победно идет!

1952

В ДОРОГЕ

Сквозь леса, сквозь цепи горных кряжей
Дальше, дальше, дальше на восток!
Семьдесят стремительных пейзажей
За неделю поезд пересек.

Вот уже восьмой рассвет встает —
Едет, едет, едет садовод,—
Он везет с собою на восток
Коммунизма маленький росток...

Месяц с лишним он в дороге был,
По земле ходил, по рекам плыл,
Где на лошади, а где пешком —
Шел к заветной цели прямиком.

Он трудился от зари и до зари...
Год проходит, два проходит, три —
И стоят среди полярной мглы
Коммунизма мощные стволы...

Мимо городов и мимо сел
Едет, едет, едет Комсомол.

Подружились кепка и косынка —
Общая с провизией корзинка,
Общая скамья, один бюджет...
Хорошо устроен белый свет!

Если друга верного найти —
Коротки становятся пути,—
В самую зловещую пургу
Грудью продирайся сквозь тайгу,

Мчись, как ветер, в небе голубом
На стоцветной радуге верхом,
Океану опустись на дно —
Это удовольствие одно!..

1952

УТРО

Мелкие росинки на заре
Всю планету держат в серебре,
Но внезапно отблеск золотой
Вспыхнул над серебряной землей...
Выйди в этот час и собери
Серебро и золото зари.

Небеса, как синий шелк, висят
От Владивостока до Карпат,
Мимо городов и деревень
Путешествует весенний день,
Пробуждает молодость в ручьях,
Открывает окна в поездах.

Он лесной тропинкой поутру
Провожает в школу детвору,
Он для взрослых тоже приберег
Редкостный, приятный ветерок,
Океаном солнечных лучей
Он плывет над родиной моей.

Ты прими, мой друг, товарищ мой,
Это поздравление с весной!..
Солнце низвергается с высот,

Светлый путешественник идет
Мимо городов и деревень —
Мирный день,
Весенний день, советский день!

1952

С НОВЫМ ГОДОМ!

По родной земле, по первопутку,
К широко распахнутым дверям
Дедушка почтенный и малютка
Подойдут к двенадцати часам.

Нам такими их изображали
(Как же их достойно не встречать!)
Треснувшие древние скрижали
И затем позднейшая печать.

Так ли это? Может, нам сегодня
Вся эта наивность не к лицу?
Может, в этот вечер новогодний
Не пустить их к нашему крыльцу?

Так тревожусь я, что в эту зиму
Вдруг какой-нибудь энтузиаст
Грозно скажет им: «Идите мимо!
Не мешайте людям! Бог подаст!»

Пусть им в этот год не будет горше,
Пусть останется судьба их та ж!..
Добрая, знакомая лифтерша,
Подними их на восьмой этаж!

Пусть в роскошно убранной столовой
С ними познакомится народ:
Это — Старый год, а это — Новый!
Но ведь жить ему всего-то год!

И пока он не дорос до деда,
И покуда старость не пришла,
Выпьем мы за то, чтобы Победа
Каждый день в гостях у нас была!

Чтобы продолжали честь по чести
Дело человеческой мечты,
Чтобы разрабатывали вместе
Благородства мощные пласты,

Чтобы к цели шли, не уставая,
Каждый друг наш, весь народ-герой...
Так мы скажем, Новый год встречая,
Провожая пятьдесят второй!

1952

СУЛИКО

Родам Амирэджиби

Я веду тебя, Сулико,
В удивительные края.
Это, кажется, далеко —
Там, где юность жила моя.

Это было очень давно...
Украина... Сиянье дня...
Гуляй-Полем летит Махно
И прицеливается в меня.

Я был глупым птенцом тогда,
Я впервые узнал, поверь,
Что наган тяжелей куда,
Чем игрушечный револьвер.

А спустя два десятка лет —
Это рядышком, погляди! —
Я эсэсовский пистолет
Отшвырнул от твоей груди...

Дай мне руку! С тобой вдвоем
Вспомним зарево дальних дней.
Осторожнее! Мы идем
По могилам моих друзей.

А ты знаешь, что значит терять
Друга близкого? Это — знай:
«Здравствуй!» тысячу раз сказать,
И внезапно сказать: «Прощай!»

В жизни многое я узнал,
Твердо верую, убежден:
Проектируется канал
Юность-Старость, как Волго-Дон.

Будь послушною, Сулико,
Мы поедем с тобой в края,
Где действительно недалеко
Обитает старость моя.

И становится мне видней,
Как, схватившись за посошок,
По ступенькам грядущих дней
Ходит бритенький старичок.

Это — я! Понимаешь — я!
Тот, кто так тобою любим,
Тот, кого считали друзья
Нескончаемо молодым.

В жажде подвигов и атак
Робко под ноги не смотреть,—
Ты пойми меня,— только так,
Только так я хочу стареть!

Жил я, страшного не боясь,
Драгоценностей не храпя,
И с любовью в последний час
Вся земля обнимет меня.

Сулико! Ты — моя любовь!
Ты всю юность со мной была,
И мне кажется, будто вновь
Ты из песни ко мне пришла.

1953

ОТЦЫ И ДЕТИ

Мой сын заснул. Он впал заране:
Сквозь полусон, сквозь полутьму
Мелкопоместные дворяне
Сегодня явятся к нему.

Недаром же, на самом деле,
Не отрываясь, «от» и «до»,
Он три часа лежал в постели,
Читал «Дворянское гнездо»!

Сомкнется из отдельных звеньев
Цепочка сна — и путь открыт!
Иван Сергеевич Тургенев
Шоферу адрес говорит.

И словно выхваченный фарой
В пути машиною ночной,
Встал пред глазами мир иной —
Вся красота усадьбы старой,
Вся горечь доли крепостной.

Вот парк старинный, речка плещет,
А может, пруд... И у ворот
Стоит, волнуется помещик —
Из Петербурга сына ждет.

Он написал, что будет скоро,—
Кирсанова любимый сын...
(Увы! Не тот, поэт который,
А тот, который дворянин.)

За поворотом кони мчатся,
На них три звонких бубенца
Звенят, конечно, без конца...
Прошло не больше получаса —
И сын в объятиях отца.

Он в отчий дом, в гнездо родное,
Чтоб веселей набраться сил,
Привез Базарова с собою...
Ах, лучше бы не привозил!..

Что было дальше — всем известно...
Светает... сын уснул давно.
Ему все видеть интересно,
Ему, пожалуй, все равно —
Что сон, что книга, что кино!

1953

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Мчится юность весенним потоком,
Молодыми ручьями поет.
По республикам нашим широким
Наша молодость в марше идет.
    Мы идем по дороге широкой,
    Мы проходим большие пути,
    Чтобы к старости нашей далекой
    Молодые сердца донести!

Звонкой песней весна зашумела,
Поднимается солнце вдали,—
Это юности родина смелых
Подарила просторы свои.
    Солнцем каждый наш день позолочен,
    Дышит ветер, и птицы поют,
    Каждый день, словно яблоко, сочен,
    Словно яблони, годы цветут.

Поднимаются вешние травы,
Вся земля нашу песню поет,
Наша юность, окутана славой,
По старушке-планете пройдет.

Мы идем по дороге широкой,
Мы проходим большие пути,
Чтобы к старости нашей далекой
Молодые сердца донести!

1954

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

Лишь только месяц заблестит,
К тебе ночами длинными
Летит моя любовь, летит
Над русскими равнинами.

Скажи, сосна, береза, клен,—
Любви моей свидетели,—
Он до сих пор в меня влюблен?
«Влюблен!» — они ответили.

Когда, когда настанет срок
Счастливому свиданию?
Меня коснулся ветерок —
Как бы твое дыхание.

И месяц снова тут как тут,
Блестит в начале вечера...
Я верю — счастья дни придут,
Наполненные встречами.

1955

БЕССМЕРТИЕ

Как мальчики, мечтая о победах,
Умчались в неизвестные края
Два ангела на двух велосипедах —
Любовь моя и молодость моя.

Иду по следу. Трассу изучаю.
Здесь шина выдохлась, а здесь прокол,
А здесь подъем — здесь юность излучает
День моего вступленья в комсомол.

И, к будущему выходя навстречу,
Я прошлого не скидываю с плеч.
Жизнь не река, она — противоречье,
Она, как речь, должна предостеречь:

Для поколенья, не для населенья,
Как золото, минуты собирай,
И полновесный рубль стихотворенья
На гривенники ты не разменяй.

Не мелочью плати своей отчизне,
В ногах ее не путайся в пути
И за колючей проволокой жизни
Бессмертие поэта обрети.

Не бойся старости. Что седина? Пустое!
Бросайся, рассекай водоворот,
И смерть к тебе не страшною — простою,
Застенчивою девочкой придет.

Как прожил ты? Что сотворил? Не помнишь?
И все же ты недаром прожил век.
Твои стихи, тебя зовет на помощь
Тебя похоронивший человек.

Не родственник, ты был ему родимым.
Он будет продолжать с тобой дружить
Всю жизнь, и потому необходимо
Еще настойчивей, еще упрямей жить.

И, новый день встречая добрым взглядом,
Брось неподвижность и, откинув страх,
Поэзию встречай с эпохой рядом
На всем бегу,
На всем скаку,
На всех парах.

И, вспоминая молодость былую,
Я покидаю должность старика,
И юности румяная щека
Передо мной опять для поцелуя.

1957

ГОРИЗОНТ

Там, где небо встретилось с землей,
Горизонт родился молодой.
Я бегу, желанием гоним.
Горизонт отходит. Я за ним.

Вот он за горой, а вот — за морем...
Ладно, ладно, мы еще поспорим!

Я в погоне этой не устану,
Мне здоровья своего не жаль,
Будь я проклят, если не достану
Эту убегающую даль!

Все деревья заберу оттуда,
Где живет непойманное чудо,
Всех зверей мгновенно приручу....
Это будет, если я хочу!

Я пущусь на хитрость, на обман,
Сбоку подкрадусь... Но как обидно —
На пути моем встает туман,
И опять мне ничего не видно.

Я взнуздал отличного коня —
Горизонт уходит от меня.

Я перескочил в автомобиль —
Горизонта нет, а только пыль.
Я купил билет на самолет.
Он теперь, наверно, не уйдет!

Ровно, преданно гудят моторы.
Горизонта нет, но есть просторы!

Есть поля, готовые для хлеба,
Есть еще не узнанное небо,
Есть желание! И будь благословенна
Этой каждой дали перемена!..

Горизонт мой! Ты опять далек?
Ну, еще, еще, еще рывок!
Как преступник среди бела дня,
Горизонт уходит от меня!

Горизонт мой... Я ищу твой след,
Я ловлю обманчивый изгиб.
Может быть, тебя и вовсе нет?
Может быть, ты на войне погиб?

Мы — мои товарищи и я —
Открываем новые края.
С горечью я чувствую теперь,
Сколько было на пути потерь!

И пускай поднялись обелиски
Над людьми, погибшими в пути,—
Все далекое ты сделай близким,
Чтоб опять к далекому идти!

1957

СВЕРСТНИЦЕ

Давным-давно звалась ты Галочкой —
Веселый смех, игра в скакалочку...
Тебе уже под пятьдесят,
И годы, как шатер, висят.

Как одиноко, нелюдимо,
Как годы детства далеки!
Воспоминанья мчатся мимо,
Как пионерские флажки,

Как мячики, как фейерверк, как реки,
В которых не купался я...
Прощай, мой свет, прощай навеки,
Иллюминация моя!

Как вешний дождь, любовь промчалась,
Сквозь молнии гремя, гудя...
Увы, ни капли не досталось
Тебе от этого дождя!

Что светлого в твоей судьбе?
Ребенка надо бы тебе!

Ну, пусть болезненный, пусть бледненький,
Но был бы он тобой любим...
Возьми поэта в собеседники,
Давай с тобой поговорим!

Так меня гнетет уединенье,
Словно самолет обледененье!
Мы сдружились, Галочка? Давай
Есть вдвоем печали каравай...

Как грустные военнопленные,
Плетутся за тобой мечты,
Вздыхает под луной вселенная
Еще печальнее, чем ты.

И я со счастьем никогда не спорю,
И все ж, отдав большую дань годам,
Я верен человеческому горю,
И я его вовеки не предам.

1957

ИСКУССТВО

Венера! Здравствуй! Сквозь разлуки,
Сквозь лабиринты старины
Ты мне протягиваешь руки,
Что лишь художнику видны.

Вот локоть, пальцы, тонкий ноготь,
Совсем такой, как наяву...
Несуществующее трогать
Я всех товарищей зову.

Сквозь отрочество, сквозь разлуки,
Сквозь разъяренный динамит
Мечта протягивает руки
И пальчиками шевелит.

Зовет: «Иди ко мне поближе,
Ты не раскаешься, родной!
Тебя с собой я рядом вижу
На фотографии одной —

На красном фоне канонады,
На черном — прожитых ночей
И на зеленом фоне сада
В огне оранжевых лучей.

Давай с тобою вместе будем!
Сквозь кутерьму идущих лет
Давай с тобой докажем людям,
Что есть мечта и есть поэт!»

1957

ПЕРВЫЙ КРАСНОГВАРДЕЕЦ

Я вижу снова, как и прежде,—
Над взбаламученной Невой
В старинной дедовской одежде
Стоит озябший часовой.

Стоит он, изредка зевая,
Он слишком ровно держит штык;
Стоит он, не подозревая,
Что он — не прост, что он — велик.

Стоит, а подрастают дети,
И смолк отгрохотавший бой...
Смотри-ка: сквозь сорокалетье
Несется спутник над тобой.

Россия выдержала бурю,
Перешагнула все огни!..
Дай я у штаба подежурю,
Пойди немного отдохни!..

Идет студентка над Невою,
Застенчива, мила, проста,
Она моложе ровно вдвое
Красногвардейского поста.

Далекие красногвардейцы!
Мы с вами вроде старики...
Погрейся, дорогой, погрейся
У этой тлеющей строки!

Висит над нами мирозданье,
Посеребренное зимой...
Мы расстаемся. До свиданья!
Тебе — в легенду. Мне — домой.

1957

МОЯ ПОЭЗИЯ

Нет! Жизнь моя не стала ржавой,
Не оскудело бытие...
Поэзия — моя держава,
Я вечный подданный ее.

Не только в строчках воспаленных
Я дань эпохе приношу,—
Пишу для будущих влюбленных
И для расставшихся пишу.

О, сколько мной уже забыто,
Пока я шел издалека!
Уже на юности прибита
Мемориальная доска.

Но все ж дела не так уж плохи,
Но я читателю знаком —
Шагал я долго по эпохе
И в обуви и босиком.

Отдался я судьбе на милость,
Накапливал свои дела,
Но вот Поэзия явилась,
Меня за шиворот взяла.

Взяла и выбросила в гущу
Людей, что мне всегда сродни:
— Ты объясни, что́ — день грядущий,
Что́ — день прошедший,— объясни!

Ни от кого не обособясь,
Себя друзьями окружай.
Садись, мой миленький, в автобус
И с населеньем поезжай.

Ты с ним живи и с ним работай
И подними в грядущий год
Людей взаимные заботы
До поэтических высот.

И станет все тебе понятно,
И ты научишься смотреть,
И, если есть на солнце пятна,
Ты попытайся их стереть.

Недалеко, у самой двери,
Совсем, совсем недалеко
События рычат, как звери,
Их укротить не так легко!

Желание вошло в привычку —
Для взрослых и для детворы
Так хочется последней спичкой
Зажечь высокие костры!

И, жаждою тепла влекомы,
К стихотворенью на ночлег
Приходят все — и мне знакомый
И незнакомый человек.

В полярных льдах, в кругу черешен,
И в мирной жизни, и в бою
Утешить тех, кто не утешен,
Зову Поэзию свою.

Не постепенно, не в рассрочку
Я современникам своим
Плачу серебряною строчкой,
Но с ободочком золотым...

Вставайте над землей, рассветы,
Струись над нами, утра свет!..
Гляжу на дальние планеты —
Там ни одной березы нет!

Мне это деревцо простое
Преподнесла природа в дар...
Скажите мне,— ну, что вам стоит! —
Что я еще совсем не стар,

Что жизнь, несущаяся быстро,
Не загнала меня в постель
И что Поэзия, как выстрел,
Гремела, била точно в цель!

1957

ЦВЕТЫ

Чтоб воздух наш не был им тяжек,
Чтоб им не страдать от ветров,
Мы сняли сто тысяч фуражек,
Накрыли сто тысяч цветов.

Мальчишка простор озирает —
Равнины пред ним широки,
Под солнышком так и играют
Блестящие козырьки.

Одну приподнял он фуражку,
Он видит — цветок не увял.
Мальчишка погладил ромашку.
«Порядок»,— мальчишка сказал.

За эти родные просторы,
С военной порой разлучась,
Свои головные уборы
Мы сняли в торжественный час.

И пусть, наших дней непрерывней,
На строй обнаженных голов
Летят беспощадные ливни
И падают горы снегов,—

Мы нашим мечтам не изменим,
Мы все остаемся в строю,
И внук мой с благоговеньем
Поднимет фуражку мою.

И, мною навек защищенный,
Цветок перед ним расцветет,
Как будто не дедом взращенный,
Как будто родился вот-вот!

1957

СОБАЧКА

Летит собачка по вселенной,
Хозяин на земле живет.
Совсем простой, обыкновенной
Она отправилась в полет.

Пред ней созвездья запестрели,
Галактика — ее семья...
Она летит с научной целью —
Собачка милая моя.

Миров широкие объятья
Пред ней распахнуты вдали...
Ей, дорогой, готов отдать я
Всю колбасу со всей земли.

Принадлежа к простым породам,
В немыслимое бытие
Летит собачка... Кислородом
Мы обеспечили ее.

И вот пошла грызня и драка,
И лай на много голосов —
Обыкновенная собака
Гостит в созвездье Гончих Псов.

Скажи: «Гав-гав!» Скажи, родная!
И это будет позывная.

Какая в небесах погода?
Как поживает звезд семья?
В развернутые небосводы
Должна лететь не ты, а я!..

Она летит все выше, выше,
Сквозь космос и сквозь зодиак,
Ей кажется — она все слышит
Далекий лай земных собак.

В нем — океан очарованья!
Вот он совсем заглох, отстал.
Такое в жизни расставанье
И человек не испытал!

За деревенским палисадом
Собак ночной, протяжный вой...
А что ей выть? Она ведь рядом
Вот с этой самою луной!

О, сколько их в полночном мраке,
Таинственных небесных тел...
Грустит хозяин без собаки,
Как будто он осиротел.

1957

ВСТРЕЧА

Откуда ты взялась такая?
«Где ты росла, где ты цвела?»
Твоим желаньям потакая,
Природа все тебе дала —

Два океана глаз глубоких,
Два пламени девичьих щек
И трогательный, одинокий,
На лоб упавший волосок...

Ты стать моей мечтой могла бы,
Но — боже мой! — взгляни назад:
За мной, как в очереди бабы,
Десятилетия стоят.

Что выдают? Мануфактуру?
Воспоминанья выдают?
Весьма потрепанную шкуру,
Что называется «уют»?

Мир так назойлив чудесами!
А я мечтаю до сих пор
Поплыть с тобой под парусами,
Забыв о том, что есть мотор.

Я не зову к средневековью,
К отсталости я не зову —
Мне б только встретиться с любовью
Вот так — па ощупь, наяву!

Мы с ней встречались и до срока
И после срока... Отчего
Сама любовь — и одинока?
Любовь — а рядом никого?..

Ну ладно, хватит. Эти темы
Не для порядка и системы.
Как спорят где-то в глубине
Язычник с физиком во мне!

Я должен ощущать другое,
Я должен говорить не то...
Надень свое недорогое
Демисезонное пальто.

И мы пойдем с тобою в сказку,
В то общежитие поэм,
Где мы с тобой отыщем ласку,
Которой не хватает всем.

1957

ОДИНОЧЕСТВО

Николаю Доризо

Как узнать мне безумно хочется
Имя-отчество одиночества!
Беспризорность, судьба несчастная —
Дело личное, дело частное.

Одинокая ночь темна.
Мать задумалась у окна —
Бродит мальчик один в степи.
Ладно, миленький, потерпи.

У отца умирает сын.
Что поделаешь? Ты — один.

Вот весной на краю села
Пышно яблоня расцвела,
Ну, а зелени нет кругом —
Не всегда же в саду живем!

Вот и я за своим столом
Бьюсь к бессмертию напролом,
С человечеством разлучась,—
Очень поздно: четвертый час.

Ходит ночью любовь по свету.
Что же ты не пришла к поэту?
Что упрямо со дня рожденья
Ищешь только уединенья?

Стань общительной, говорливой,
Стань на старости лет счастливой.

1957

ВЕСНОЙ

Весна! Ты — комсомол природы!
Ты молода, бурна, звучна,
Юна — тебя не старят годы,
Ты все такая же, весна!

Опять леса полны событий,
И пение во все концы,
И вновь о заграничном быте
Доклады делают скворцы.

О молодость, моя подруга,
Шальная спутница моя!
Поверь мне — я не сбился с круга
И молодежь — моя семья.

Зайди скорее, комсомолка,
И, комсомолец, заходи,
Я расскажу вам втихомолку
О том, что было позади,
О первых, о прекрасных, юных,
В мороз мечтавших о тепле...

Считали — строили на дюнах,
А мы кроили на земле.

И выстроили, победили,
Всю старь мы разнесли в клочки...
Живите в самом лучшем стиле,
Мечтаний передовики.

Вы не сердитесь, не шучу я,—
Неситесь, страху вопреки,
Как быстрый конь, простор почуя,
Не записавшись в старики.

1957

РАЗГОВОР С ДЕВОЧКОЙ

Тянется собранье, длятся пренья...
И когда оратор говорит,
Я вижу — на краю стихотворенья
Заплаканная девочка стоит.

Что ты плачешь при Советской власти?
Нет капитализма и следа...
Вот тебе халва, другие сласти,
Вот игрушки... Подойди сюда.

Что, тебе не нравится планета?
Все ее сумбурные дела?
Ты когда-нибудь бывала в гетто?
Негритянкой тоже не была?

Ладно, плачь, но только плачь потише,
Не мешай собранию идти...
Знала ты крестьянских ребятишек?
Горестные русские пути?

Деревенек серую холстину?
Пастушат большую хворостину?
Может быть, к нам в двери постучат
Хворостины этих пастушат.

И тогда расскажут нам ребята
О судьбе солдатки без солдата,
Как ей было целый день темно,
Детство — старость: ей ведь все равно!

Каждый быть неколебимым должен!..
(Это все оратор, а не я.)
Ну а мы свой разговор продолжим,
Девочка ревучая моя.

Как зовут тебя? Любовь Петровна?
Сколько лет тебе? Пожалуй, пять.
Я тебе мечтаю хладнокровно
О своих мечтаньях рассказать.

Мне б сейчас возиться с голубями...
Жизнь прошла, наверное... Она,
Вдоволь нагруженная скорбями,
Поздними раздумьями полна...

На собранье девочка рыдает...
Не довольно ли? Пора домой.
Там тебя весь вечер ожидает
Твой отец — он современник мой.

Ты это что? Обиделась за папу?
Не довольно ли тебе реветь?
Жизнь идет на нас, как косолапый,
Добрый и обиженный медведь.

Вот осиротели медвежата,
Вот охотники стреляют вновь...
К сердцу моему навек прижата
К детству беззащитная любовь.

Детство без забот и без зарплаты,
Детство, полное наивных слез,
Снова над украинскою хатой
Облачком весенним поднялось.

А потом оно сгустилось в тучу,
Разразилось громом и грозой,
А потом упало неминучей
Светлой человеческой слезой.

Наша современность разметала
Прошлого Охотный ряд...
Колокольчики — цветы не из металла —
До сих пор в душе моей звенят...

Снова плачешь... Это безобразье!
Смело дедушкой меня зови —
У меня оборваны все связи
С дрейфующею станцией любви.

Другие там раскинуты палатки,
Другие наступили неполадки...
Другие? Нет! Я все еще люблю,
Своей любви другим не уступлю!..

Поплачь еще немножко — мне охота
Пооткровенничать с самим собой,
Я очень терпеливо жду кого-то,
Кто бы поднялся над моей судьбой.

Пусть это только будет... Ожиданье
Со мной уже давно, как наважденье.
Как хорошо в конце своих блужданий,
Как в юности, любить свой день рожденья!..

Ты понимаешь, что все это значит?
Довольно медлить! Надобно творить...
Я замолчал. И девочка не плачет.
Оратор продолжает говорить.

1957

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Не слишком часто я бывал в бою,
Но в эту знаменательную дату
Я обнимаю Армию свою
И каждого отдельного солдата.

Я не мальчишка. Я в теплушках трясся,
И надо мной войны гражданской дым...
И маршалам — простой майор запаса —
Я издали откозыряю им.

Мне кажется — я снова меж бойцами,
Никак не полководец, не герой,
Хочу я вновь с военными сердцами
Гражданским сердцем встать в единый строй.

Мне до сих пор походы наши снятся,
Обугленные юности края...
В любви поэта нет субординаций,
Есть Армия великая моя!

1958

ЗОЛОТО

Александру Безыменскому

То ли жизнь становится напевней,
То ли в каждом доме соловьи...
Города, поселки и деревни —
Золотые прииски мои!

Я недаром погибал от жажды,
Я фронтов десяток пересек,
В душах комсомольцев и сограждан
Собирая золотой песок.

Ни за что не стану торопиться.
Жизнь моя, по-прежнему теки!
Дорогие желтые крупицы
Не истратить бы на пустяки!

От меня промышленность отстала —
Я коплю без края, без конца
Зерна драгоценного металла,
Что не сразу отдают сердца...

Жизнь моя ничуть не стала тише,
Громкий пульс в крови мы сберегли.
Жизнь идет, земля под солнцем дышит,
Океан колышет корабли.

Не мешало б нам встречаться чаще.
Жизнь идет, года идут подряд,
И над прошлым и над настоящим
Золотые бабочки летят.

1958

УТРОМ

Проснулись служащие, и зари начало
На пишущей машинке застучало.
Еще сонливая, идет к заводу смена,
Петух запел — оратор деревень,
И начался совсем обыкновенный
И необыкновенный день.

Меня заколдовала ночь немая —
Спросонок я еще не понимаю:
Где детство милое, где пожилые люди,
Где тетерев в лесу, где дичь на блюде?

Определите точно этот срок —
Когда рекою станет ручеек?
Трагедия всех этих переходов
И для отдельных лиц, и для народов.

Пусть время пронесется, мы умрем,
Пусть двести лет пройдет за Октябрем,
Но девушка в предутреннем лесу
Босою ножкой встанет на росу,
Я для нее (а я ее найду!)
За новым платьем в магазин пойду.

И, примеряя новенький наряд,
Я буду ей рассказывать подряд
О том, что было двести лет назад.
Как сообщить ей в темь времен других,
Что мы счастливей правнуков своих?

Тяжелые лишения терпя,
Мы Золушку подняли из тряпья.
Тела и души ветер колебал...
Скорее, Золушка! Не опоздай на бал!
Нашли мы под Житомиром в бою
Потерянную туфельку твою.
Окружены, мы знали, что умрем,
Чтоб мальчик с пальчик стал богатырем.

И позавидует твоей большой судьбе,
И улыбнется правнучка тебе.
Других веков над нами встала тень...
Так продолжается рабочий день.

1958

СОРОК ЛЕТ

Проходил за сроком срок,
И разросся буйной саженью
Комсомольский черенок,
Сорок лет назад посаженный.

Много бедствий перенес,
Много выдержал метелей,
Поездами под откос
С насыпи года летели...

Я нашел в судьбе своей
Жизни предопределение —
Птицей петь среди ветвей
Молодого поколения.

И в распутицу, и в зной,
И в мороз сорокаградусный
Взвейся, юность, надо мной
Песней звонкою и радостной!

Комсомол! Я твой поэт —
Песнь одна, и судьбы схожи.
Нет! Тебе не сорок лет,
Ты на вид куда моложе!

Нашу песню я берусь
И в работе и в бою нести,
Потому что нахожусь
На пороге вечной юности.

1958

НЕИЗВЕСТНОМУ СОЛДАТУ

Он умер от семьи своей вдали,
И гибели его нам неизвестна дата...
К могиле неизвестного солдата
Известные солдаты подошли...

Мы этот образ до сих пор храним —
Истерзанный свинцом лежал парнишка,
И не было при нем военной книжки —
Она в бою погибла вместе с ним..

Пусть мы его фамилии не знаем,—
Оп был — мы зпаем — верным до конца!
И мы в молчанье головы склоняем
Перед бессмертным подвигом бойца.

И дружба воипов неколебимо свята,
Она не умирает никогда!
Мы по оружию родному брату
Воздвигли памятник на долгие года!

Соединим же верные сердца
И скажем, как ни велика утрата:
Пусть нет фамилии у павшего бойца,—
Есть звание советского солдата!

1958

УКАЗАНИЕ

Указанье пришло на заре,
Чтоб без премий, без всякого жалованья
Сделать всю детвору на дворе
Капитанами дальнего плаванья,
Некрасивого сделать красивым
И несчастного — самым счастливым.

Кто шумит за чужими дверьми?
Почему вдруг заплакали дети?
Беспокоиться вместе с людьми —
Нет профессии лучше на свете!

Может быть, я сочувствую слишком?
Разве можно мне быть ни при чем,
Если рядом безногий парнишка
Загрустил над футбольным мячом?

Ни за что я не стану лениться
И в желаньях своих не утих —
Я хочу, чтоб исчезли больницы
За огромной нехваткой больных.

Указанье является днем:
Побеждать не мечом и огнем —
Только словом, стихом и теплом.

Может быть, вы меня не поймете,
Этот стих вам навстречу спешит,
Будто женщина-врач в самолете
Над Чукоткой к больному летит.

Так несите ж меня, указанья,
Как стремительный водопад!
(Обернулся я — воспоминанья,
Как застывшие волны, стоят.)

Неужели ты, воображенье,
Как оборванное движенье?
Неужели ты между живых —
Как в музее фигур восковых?

Не силен я, не хвастаюсь мощью,
Но — свидетель бессонных ночей —
Здравствуй, сказка! Ты — верный помощник
При созданье реальных вещей.

Указание ночью пришло
(Календарь изменяет число),
Я трудился весь день, я устал,
Указания я не слыхал.

Но ребятки в предутренний час
Вновь со мною поделятся планами:
«Дядя Миша! Ты сделаешь нас
Хоть какими-нибудь капитанами?»

1958

БАСНЯ

Было так — легенды говорят,
Миллиарды лет тому назад:
Гром был мальчиком такого-то села,
Молния девчонкою была.

Кто мог знать — когда и почему
Ей сверкать и грохотать ему?
Честь науке — ей дано уменье
Выводить нас из недоуменья.

Гром и Молния назначили свиданье
(Дата встречи — тайна мирозданья).
Мир любви пред ним и перед ней,
Только все значительно крупней.

Грандиозная сияла высь,
У крылечка мамонты паслись,
Рыбаков артель себе на завтрак
Дружно потрошит ихтиозавра.

Грандиозная течет вода,
Грандиозно все, да вот беда:
Соловьи не пели за рекой
(Не было же мелочи такой).

Над влюбленными идут века.
Рановато их женить пока...
Сквозь круговорот времен домчась,
Наступил желанный свадьбы час.

Пили кто знаком и незнаком,
Гости были явно под хмельком.
Даже тихая обычно Зорька
Всех шумней кричит фальцетом: — Горько!

Гром сидит задумчиво: как быть?
Может, надо тише говорить?
Молния стесняется — она,
Может, недостаточно скромна?

— Пьем за новобрачных! За и за! —
Так возникла первая гроза.

Молния блестит, грохочет Гром.
Миллиарды лет они вдвоем...

Пусть любовь в космическом пространстве
О земном напомнит постоянстве!

Дорогая женщина и мать,
Ты сверкай, я буду грохотать!

1958

ЛЮБОВЬ

Быть может, в разговорах откровенных,
Шагая с молодежью по нови,
Увижу я средь лиц обыкновенных
Встревоженную мордочку любви...

Поверь мне, ты ничуть не постарела,
Что́ для тебя земная дань годам!
Бегут двадцатилетние пострелы
По светлой стежке — по твоим следам.

До старости, до смерти сохранится
Твой образ, появившийся вдали,—
В простом платке, а над тобой зарницы
Грузинским садом пышно расцвели.

Сама заря стоит у изголовья,
Ночь для тебя сменяет караул...
Я с твоего плеча с такой любовью
Бестактного комарика стряхнул!

И этих чувств волшебных излученье
Сейчас меня на подвиг позовет,
Отчаянное кровообращенье
Сейчас мне стенки сердца разорвет!..

Рассвет, как долгожданное известье,
Явился к нам. Мир полон ворожбы.
Возьмем лукошки, милая, и вместе
Пойдем по чудеса, как по грибы.

И приютит нас древняя дубрава,
И старые дубы прошелестят:
«Такой любви мы не видали, право,
Чтоб не солгать, лет этак пятьдесят!»

1958

ПОЧТАЛЬОНША

О счастье! Тропка дней все тоньше,
Но наяву, а не во сне,
Как молодая почтальонша,
Однажды ты зайдешь ко мне.

Я распишусь. Ясна повестка,
Но тут же сразу я пойму,
Что счастье — это ведь невестка
Стихотворенью моему.

О счастье! Не забудь о долге!
Ты — связь моей родной Руси,
Ты не задерживайся долго,
Ты дальше письма разноси.

И в каждом сереньком конверте
Пусть все соседи там и тут
Не сообщение о смерти,
А о рождении найдут...

Кричит отец в родильном доме:
— Скорей, сиделка, позови!..—
Весна. За окнами в истоме
Воркуют голуби любви.

Дневное выполнив заданье,
Уходит девушка домой,
Но к почтальонше на свиданье
Явился слесарь молодой.

Они идут. Звенят трамваи,
Мелькают города огни...
Идут под ручечку, не зная,
Что очень счастливы они.

Они не ведают, впервые
Поцеловавшись у ворот,
Что их, как письма заказные,
Как телеграммы, счастье ждет...

Я умудрился, мой читатель,
На долгом жизненном пути
Той почтальонше — получатель —
Повестку счастья принести.

1958

ТРИБУНАЛ

Пусть никто не плачет, не рыдает,
Слабостям в любви пощады нет —
Чувств моих сегодня заседает
Революционный комитет.
Заседатель-память, обвиняй:
Можно ли в дешевое влюбляться?
Здесь не равнодушный нагоняй,
Здесь — расстрел без всяких апелляций.
Заседатель-детство! Скажешь всем,
Кто обидел сказку? Кто предатель?
Всхлипывает громко
не совсем
Совершеннолетний заседатель.
Заседатель-старость! Объяви —
До секрета счастья мы дознались?
Панораму разверни любви,
А не поликлиники анализ...
Я еще в годах двадцатых знал,
Бегая по юности просторам,
Что наступит этот трибунал
С точным, беспощадным приговором.
Скоро ль будет счастлива земля?
Не в торжественном, священном гимне,
А со мной все горести деля,
Партия моя, скажи мне!

Как мы вычерпаем, Комсомол,
Бездну человеческого горя?
Суд на совещание ушел,
Мы сидим и мерзнем в коридоре.

1958

ЧУВСТВА В СТРОЮ

Любовь — не обручальное кольцо,
Любовь — это удар в лицо
Любой несправедливости!
                                        И в этом
Я убедился, будучи поэтом.

О дружбе возглашают не фанфары,
А двух сердец согласные удары,
И, скромное, ты не трубишь призывно,
О благородство,— ты конспиративно.

Я убеждаю всех без всякой меры,
Что чувства наши — не пенсионеры,
Они со мной — солдатами в строю,
И я — поэт — им звания даю.

Какое чувство сделать генералом?
Такое, что заботится о малом,
Такое, что истратило все средства,
Конфетами одаривая детство...
Но как же я оставлю без вниманья
Моих старшин — мои воспоминанья?

Воспоминания! Со мной вы жили-были,
Но пионеры в горны затрубили,
И вижу я уже не день вчерашний,
А будущее, словно флаг на башне.

1958

РОДНЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Любопытный, как все наши дети,
Удивленный мальчишка спросил:
— Много братских могил есть на свете,
Почему нет сестринских могил?

Взрослых снов мне нисколько не надо,
Но все кажется мне до утра —
Под прямым попаданьем снаряда
Медицинская гибнет сестра...

В чем же цель наших общих стараний?
Продолжая общественный путь,
Расходясь после общих собраний,
На отдельное горе взглянуть.

Вот рязанской вечерней порою
В синем скверике, в центре села,
К бюсту Ванечки — дважды Героя —
Изможденная мать подошла:

— Я у мира всего на виду
От него никогда не уйду,
В гипсе, в мраморе или в граните
Вместе с сыном меня сохраните!

И заснула, бедняга, тотчас —
Много маялась и извелась...

Пусть в раскатах грядущих событий
От науки отстал динамит,—
Будьте тихи, друзья, не шумите —
Рядом русская женщина спит.

1958

ТАЙНЫ

Я все время довольствуюсь малым,
Мне ль судьбу свою надо дразнить?
Не мечтаю стать я генералом,
Чтоб военные тайны хранить.

Жизнь диктует в движении гулком:
— Человек! Бесконечно живи,
Чтоб по улицам и переулкам
Все разбрасывать тайны свои.

Мальчик в грусти непреодолимой
Пьет у будки дешевенький квас.
Я тебе, мой читатель незримый,
Тайну мальчика выдам сейчас.

Мыслит девочка в страшном рыданье,
Что не так она жизнь провела,
Что бестактной была на свиданье,
Что косички не так заплела.

Вот с пьянчужкой иду я под ручку —
Одному одиноко в пути.
Это тайна: он пропил получку,
И домой неприятно идти.

Вот чиновник, покой не нарушив,
Стал счастливым, прилег на кровать —
Хорошо свою мелкую душу
Государственной тайной считать!

Люди здравствуют и поживают,
Мне бы только их тайны постичь, —
Эти тайны меня соблазняют,
Как охотника редкая дичь...

Все же, что заключается в главном?
Разве мир представлений исчез?
Наше время — не в тайном, а в явном
И в обыденном мире чудес.

1958

ВЕСЕЛАЯ ПЕСНЯ

Давай с тобой обнимемся, солдат!
На нас десятилетия глядят,
Нам не жалела родина пайка —
Сто молний, сто чудес и пачку табака.

И сорок лет — довольно долгий срок —
Мы протащили вещевой мешок,
Была такая ноша нелегка —
Сто молний, сто чудес и пачка табака.

Тебя под свет пятиконечных звезд
История поставила на пост,
И, глядя на тебя, увидели века
Сто молний, сто чудес и пачку табака.

Мы твердо помним воинский устав,—
В подарок будущему, чуточку устав,
Мы вынули из нашего мешка
Сто молний, сто чудес и пачку табака.

Не на эпоху, не на жизнь одну —
Навечно защитили мы страну!
И правнукам видны издалека
Сто молний, сто чудес и пачка табака.

1958

ВИДЕНИЕ

Уснуть, уснуть бы непременно!
Я долго жил, я утомлен...
Моей бессоннице на смену
Приходит долгожданный сон.

Я сплю. Я не хочу проснуться!
Пусть в небе юности моей
Другие спутники несутся
Любых искусственных быстрей!

Запели птицы, всходят росы,
Рассвет рождается вдали.
Летят погибшие матросы
Вокруг моей родной земли.

Несясь в пространства мировые,
Небрежно расстегнув бушлат,
На европейскую Россию
Матросы издали глядят.

Им виден полуостров Ханко,
Отряд, затерянный в степи.
Кипи, небесная лоханка,
От горя нашего кипи!

На фоне взрывчатых событий,
Совсем бессильные вдали,
Летят матросы по орбите
Вокруг своей родной земли.

Что им вселенная! Она им
Как общежитие легенд.
История! Тебя мы знаем
В скрещенье пулеметных лент.

Со мной, товарищи, скорбите!
Друзей на пир не позовут —
Летят матросы по орбите,
Им надоел такой маршрут.

Планет мудреные названья...
Они летят в кромешной мгле.
Один спросил: — Ты видишь, Ваня,
Что происходит на земле?

Другой сказал: — Меня как будто
Жена с войны не дождалась.
Сыночек был у нас. Ему-то,
Наверно, за сорок сейчас...

В безостановочном движенье
Летят матросы в тишине...
Отчаянное положенье —
Ни к ним я, ни они ко мне!

Допустим, ты замолкло, сердце,
И хоронить тебя пришли,—
Будь вместе с ними, чтоб вертеться
Вокруг своей родной земли.

1958

БЕССОННИЦА

Памяти В. Луговского

С этой старой знакомой —
С неутомимой бессонницей —
Я встречаюсь опять,
Как встречался с буденновской
конницей,
Тишина угрожает мне вновь,
Словно миг перед взрывом,—
Буду верен себе
И навеки останусь счастливым.

Чем могу я, скажите, товарищи,
Быть недоволен?
Мне великое время
Звонило со всех колоколен.
Я доволен судьбой,
Только сердце все мечется, мечется,
Только рук не хватает
Обнять мне мое человечество!

1958

БЕЛЫЙ ЦВЕТ, АЛЫЙ ЦВЕТ...

Молодая заря
Занялась вдали,
Без пути, без дорог
Люди в битву шли.
И запел кто-то вдруг,
Словно говоря:
— Слева друг, справа друг
И любовь моя.
Все цветы соберу
Для тебя одной:
Белый цвет, алый цвет,
Сине-голубой.
Только вспыхнет рассвет,
Сразу грянет бой.
Страха нет, смерти нет,
Ведь любовь со мной!
Разве может, друзья,
Заглушить свинец
Перезвон, перестук
Наших двух сердец?
Все цветы соберу
Для тебя одной:
Белый цвет, алый цвет,
Сине-голубой.

1958

ПРИЗНАНИЕ

Юности своей я не отверг,
Нравится мне снова все, что делаю,
Будто после дождичка в четверг
Расцвели сады оледенелые.

Если жив я, и любовь жива!
Для тебя, единственная, ласковая,
Я нашел хорошие слова,
Лучшие из словарей вытаскивая...

Не так легко сравненне найдешь,
Твои глаза в стихотворенье просятся,
Как голубые ведрышки, несешь
Ты их на коромысле переносицы.

Я повторить вовеки не смогу
Твои слова, горячие и близкие,—
Ведь речь твоя способна и в пургу
Всех журавлей призвать в поля российские.

Я всех людей могу богаче быть,
Нет у меня, поверь, на бедность жалобы,
И, чтоб тебе вселенную купить,
Мне, может быть, копейки не хватало бы...

Мне много жить и пережить пришлось,
Но я тебе заносчиво и молодо,
Как связку хвороста, мечты свои принес —
Зажги костер, погрейся, очень холодно...

1959

НАЧАЛО ЗИМЫ

Снежинки летят — одиночки,
И в свете холодной зари
Вздымаются снежные кочки,
Как маленькие монастыри.

Печальна их участь — их скоро
Безбожьем пурги занесет,
И лыжниц помчится в просторы
Неверующий народ.

И девушкой из учрежденья,
Ткачихою из Яхромы
Отмечено будет рожденье
Большой, настоящей зимы.

А так это — лед или наледь?
Поди разберись, не поймешь.
Не рано ль еще просигналить —
Призвать на катки молодежь?
Земли остывающей тело
Достаточно ль оледенело?

Быть может, безмолвье немое,
Осыпавшиеся леса —
Меж осенью и зимою
Ничейная полоса?

Морозец и хлипкий и слабый,
Шуметь рановато, пока
Детишками снежные бабы
Не взяты еще за бока.

Давай у прохожего спросим,
Полюбопытствуем мы:
— Так что это — поздняя осень
Или начало зимы?

Я чувствую внове и внове,
Что точно всего не учесть —
Меж детством и первой любовью
Всегда расстояние есть.

1959

ЯМЩИК

Посветлело в небе. Утро скоро.
С ямщиком беседуют шоферы.

«Времечко мое уж миновало...
Льва Толстого я возил, бывало,
И в моих санях в дороге дальней
Старичок качался гениальный...»

«Пушкина возил?» —
«Возил, еще бы!..
Тьма бессовестная, снежные сугробы,
Вот уже видна опушка леса
Перед самой пулею Дантеса...»

«А царя возил?» —
«Давно привык!
Вся Россия видела когда-то —
Впереди сидит лихой ямщик,
Позади трясется император...»

«Ты, ямщик, в романсах знаменит...»
И ямщик «спасибо» говорит,
Он поднялся, кланяется он —
На четыре стороны поклон.

Он заплакал горькими слезами,
И шоферы грязными платками,
Уважая прежние века,
Утирают слезы ямщика.

Шляется простудная погода,
В сто обхватов виснут облака...
Четверо людей мужского рода
До дому довозят ямщика.

И в ночи и темной и безликой
Слушают прилежно вчетвером —
Старость надрывается от крика,
Вызывает юности паром...

Ловкий, лакированный, играючи
Мчит автомобиль во всей красе,
Химиками выдуманный каучук
Катится по главному шоссе...

Слышу я сквозь времени просторы,
Дальний правнук у отца спросил:
«Жил-был на земле народ — шоферы,
Что за песни пел? Кого возил?»

1959

ТАК ЖИВУ Я

Нет, все листья не облетели,
Может, жизнь потому хороша,
Что живет в моем старом теле
Понимающая душа.

Понимаю и принимаю
И ребенка и старика,
К человечеству приближаю
То, что видно издалека.

Вижу все — и морей просторы,
И болотную вижу гать,
Вижу — мальчики через заборы
Лезут яблоки воровать.

Встретил старого пенсионера,
Покалякали час-другой...
Вижу улицу, вижу эру,
Вижу спутника над собой.

Не в каком-нибудь отдаленье —
В гуще времени мне видней
Умножение и деленье,
Плюс и минус борьбы людей.

Гражданином опасность встречу,
Честно смерти в глаза взгляну,
Под волною противоречий
Никогда я не утону.

Понимаю я: в океане —
Что эпохи моей призыв —
Не спортивное состязанье,
А решающий переплыв.

Вижу будущее наяву...
Так живу я и так плыву,
Не боюсь воды ледяной...
Звезды светятся надо мной.

1959

ЛЕНИН СМОТРИТ НА НАС

Хочется без конца
Думать об Ильиче,
Будто рука отца
Вновь на твоем плече.

Рвался в бою металл,
Бился с врагом солдат,
Подвиг сопровождал
Мудрый отцовский взгляд.

Множится ширь полей,
Голос их слышишь ты:
Нет ничего теплей
Ленинской теплоты!

Ленин! Все видит он —
Звезды полярной мглы,
Мчащийся эшелон,
Кедров таежных стволы...

Не уставай, рука!
Помните каждый час:
Совесть большевика —
Ленин смотрит на нас!

1959

МОСКОВСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ

Было холодно, было мокро,
Ветер жалобно завывал...
Московский военный округ
Меня на войну призывал.

Затемненные вижу окна,
Над ребенком склонилась мать...
Московский военный округ
Приказал мне детей спасать.

Боевые мелькают даты —
До чего же вы мне близки!
Здесь и яблони и солдаты,
Здесь и дети и старики.

Пусть года мои уж поблекли,
Я уже не цвету весной,
Но Московский военный округ —
Он всегда и везде со мной.

Время волнами ударяло,
Собирая девятый вал...
Поседевшие генералы —
Я их мальчиками знавал.

Не хочу стариком казаться,
Я готов для военных дел,
Для дальнейших мобилизаций
Я нисколько не постарел.

Вижу — силой неистребимой
Батальонов ряды стоят,
Близок мне со своей любимой
Обнимающийся солдат.

Вижу наших свершений сроки,
Вижу радость счастливых жен...
Мой военный Московский округ,
Ты для мира вооружен!

Округ! Был я твоим поэтом,
Тяжкий груз не снимая с плеч,
Смог я каждую каплю летом
И снежинку зимой сберечь.

Нет войны. Ударяет в стекла
Нашей мирной весны струя...
Мой Московский военный округ —
Честность, гордость, любовь моя!

1959

МАНОЛИСУ ГЛЕЗОСУ

Ночь старается в июле быть короткой,
Но бывает час — темным-темно...
Глезос, дорогой! Отдай решетку,
Я тебе отдам свое окно.

До чего же мы с тобой родные!
Ты давно мой
родственник, мой брат,
Ты живи в моей
родной России,
А меня пусть
в Греции казнят!

За твоей решеткой, как в окопе,
Вижу я (вовсю рассвет блестит) —
Греция блуждает по Европе,
О тебе с тревогой говорит.

Что ж такое на земле творится?
Справедливость будут убивать?
Лучшую в истории столицу
Трудно мне Афинами назвать.

Бедная История! Печалься,
На Балканах, как девчонка, плачь —
Вот аванс у строгого начальства
Получает греческий палач.

На два лагеря событья раскололись...
Если боремся, то, значит, мы живем,
И с тобою, дорогой Манолис,
Мы по Красной площади пройдем.

1959

ПРИДЕМ!

О, наше время благородное!
Хочу поздравить всю страну —
Не водородная, а всенародная
Летит ракета на Луну.

И навсегда увековечится
Двенадцатое сентября,
Как в космосе для человечества
Мы укрепили якоря.

Молчит вселенная послушная...
И станет гордостью Земли,
Что мы в пространство безвоздушное
Советский воздух принесли.

И верят все, кого ни спрашивай,
В наш исторический подъем!
Планеты ждут прихода нашего,
Мы обязательно придем!

1959

ДЛЯ ТОГО ЖИВЕМ СО ДНЯ РОЖДЕНЬЯ

Илье Сельвинскому

Как найти мне нетерпенья меру?
Как мне на прекрасное взглянуть?
Пусть, как добрые милиционеры,
Звезды мне указывают путь.

Знаю — станет явью все, что снится!
Я иду сквозь всех путей узлы.
Пусть меня сопровождают птицы,
Голуби летят, летят орлы.

Для того живем со дня рожденья,
Чтоб навеки отменить в сердцах
Это страшное вооруженье —
Ложь, и подозрительность, и страх.

И сливается в едином гимне
Все, что близко, что живет вдали...
До чего, товарищи, близки мне
Оба полушария земли!

Мы преодолеем все просторы,
Недоступного на свете нет!
Предо мной бессильны светофоры —
Я всегда иду на красный свет.

1959

* * *

Все ювелирные магазины —
они твои,
Все дни рожденья, все именины —
они твои.
Все устремления молодежи —
они твои.
И смех, и радость, и песни тоже —
они твои.
И всех счастливых влюбленных губы —
они твои.
И всех военных оркестров трубы —
они твои.
Весь этот город, все эти зданья —
они твои.
Вся горечь жизни и все страданья —
они мои.
Уже светает.
Уже порхает стрижей семья.
Не затихает,
Не отдыхает любовь моя.

1959

ТЫ ТОЛЬКО МЕНЯ ПОЗОВИ!

Не так,
Не так проста любовь у нас:
Принцесса ты, я — свинопас.
И коль войду, войду я во дворец,
Что скажет мне король-отец?
Рука к руке,
Судьба к судьбе —
Таков закон любви!
И я всегда,
Всегда приду к тебе,
Ты только меня позови!
Я свинопас,
Совсем, совсем простой,
А он король, папаша твой!
Как тяжело любить, любить принцесс,
Какой мучительный процесс!

Пускай,
Пускай беда грозит нам вновь:
Все сокрушит моя любовь!
Готов преграды все с разбега взять —
Любовь не может отступать!

Рука к руке,
Судьба к судьбе —
Таков закон любви!
И я всегда,
Всегда приду к тебе,
Ты только меня позови!

1959

СТАРИННАЯ ПРОГУЛКА

Вдоль улицы, вдоль переулка,
У всех прохожих на виду
Я на старинную прогулку
Тебя, читатель, поведу.

Не машинистом паровоза,
А кучером — за прошлым вслед.
Мелькают старые березы,
Мычат коровы древних лет...

Со мной сидела юность рядом.
Ее попробуй позови!
Я провожаю грустным взглядом
Цветную юбочку любви.

Далекой лентой непрерывной
Лежит дорога предо мной.
И кашель старческий, надрывный
Я слышу за своей спиной.

Как летописи Сиракузов
И как сказания Руси,
Опять легенды влезли в кузов,
Как будто это им такси.

И снова коренной зафыркал,
Колеса медленно скрипят,
И вновь за мною пассажирки
Молитвы шепчут и кряхтят:

«Неужто ты, о боже, боже,
Для представительниц веков
У современности не можешь
Урвать хоть несколько часов?»

Я равнодушно пью из фляги...
Но вновь уныло донеслось:
«На нас морщины, как овраги,
Нам жить осталось с гулькин нос...»

Нет! Как бы путь мой ни был долог,
Пусть всю дорогу я молчу,—
С веселой песней комсомолок
Я расставаться не хочу!

Нет! Это не в моих привычках!
«Мы не дойдем в такой грязи —
Не до конца, до электрички
Хотя бы только довези.

Умей любить печаль развалин,
Не только вешнюю грозу!»
Признаться, я сентиментален,
Я согласился и везу.

Возница я. Пространства глухи.
Хоть закричал бы кто-нибудь!..
В меня влюбленные старухи
Легенды продолжают путь.

1950-е годы

ВРЕМЯ

Время одинаково течет
В Африке и у моих ворот,
Там и тут четверг немолодой
Между пятницею и средой.

Времени мы платим не полтиной —
Платим вместе новою плотиной,
Платим созданными городами,
Платим прожитыми годами.

Время — наших действий соглядатай...
Высятся сады и интернаты,
И кварталы новые встают,
Но, как наводнение, плывут
Пятница, суббота, воскресенье...
Нет у нас от старости спасенья!..

Мне понятны старики и дети,
Мне История ясна вполне —
По старушке каждое столетье
Присылает с жалобой ко мне.

Может, есть для стариков игрушки,
Только баловаться не хочу...
В дверь мою стучатся две подружки —
Пенсия и старость... Не впущу!

Ты состарилась, судьба? Ну что же,
Постарайся выглядеть моложе!

1950-е годы

ВЕСНА

Старик какой-то всходит на крыльцо,
Под бременем годов своих шатаясь,
И, как официальное лицо,
Стоит на белорусской крыше аист.
Желаниями грудь моя полна.
Пришел апрель. Опять весна опознана,
Опять она пришла — моя весна,
Но слишком поздняя,
Но очень, очень поздняя.

1950-е годы

ДВА ПРИЗНАНИЯ

I

Что-то странное ночью случилось —
Будто рамы сорвались с гвоздей,
И общественность вдруг разделилась
На отдельных влюбленных людей.

Где взяла ты курносое личико?
Трудолюбие где ты взяла?
Чистый фартук белеет приличненько,
И во взгляде отсутствие зла.

Мы не будем с тобою в разлуке,
Я, поверь, твой жених навсегда,
Я люблю эти милые руки
В несмываемых пятнах труда.

И чтоб нам не привыкнуть к потерям
(Ты с начальством знакома в цеху),
Сделай так, чтобы стать подмастерьем
Моему молодому стиху!

Неужель ты уходишь, Надежда?
Я стою, я смотрю тебе вслед —
Где же, где же твоя прозодежда?
Мне вечерние платья во вред.

Брошу все, увезу тебя за море,
Пусть огонь умирает в золе!
Разве золото ищется в мраморе?
Мы найдем его в грязной земле.

Ты всегда у меня на примете,
Ты попутчик в тяжелом пути.
Умирая, спрошу: «Где бессмертье?» —
Чтоб улыбку твою донести.

Вечно в должности человека,
Доживу до счастливого дня,
И любовь двадцать первого века
У калитки обнимет меня.

Пусть же правнук поймет незнакомый,
Как мы были с тобой влюблены,
Как для взлета аэродромы
Нашим горным орлам не нужны!

2

Цветы шептали, как живые,
Луна скользила меж ветвей,
И вот в истории впервые
Не спел, а молвил соловей:

«А может, воевать придется?..»
И, доверяя, как врачу,
Измученные полководцы
Прильнули к моему плечу.

Ну, ладно, ладно, полководцы!
Пускай техничнее беда,—
Что русской доблестью зовется,
Не побеждали никогда!

Мне не страшна опасность эта —
Любовь моя со мною тут,
Ее ни пушка, ни ракета,
Ни сто ученых не убьют!

Покинув лунную аллею,
К победе я опять готов,
Я не себя в бою жалею —
Мне очень жаль моих врагов!..

Всегда с тобой, влюбленный в солнце,
Со злом привыкший воевать,
Так не хочу я слово «стронций»
Под нашим солнцем рифмовать!

Мне нелегко расстаться с песнею...
Мой друг! О, если бы я смог,
Как сталевар, уйдя на пенсию,
Выращивать живой цветок!

1950-е годы

* * *

Я прославить должен,
 как поэт,
Скромность человеческих
 побед,
Милое лицо простое
И обыкновенные черты...
И на этом зиждутся устои
Правды, веры, славы, красоты.

1950-е годы

* * *

К новой юности ревнуя,
Жадно я веду теперь
Итальянскую, тройную
Бухгалтерию потерь...

1950-е годы

ПЕСНЯ ВАКЕРОС

Проплывают прерии, нависает зной...
Еду я хозяином по земле родной.
Для меня — хозяина — все открыты двери...
Эй, здорово, кактусы, часовые прерий!
Угнетатель Мексики, берегись, Диас!
Никогда оружие не покинет нас!
Не один вакерос ждет восстанья часа.
Даже кактус иглами разорвет Диаса!
Вот какое дерево в Мексике растет!
Вот какой отчаянный здесь живет народ!
Еду я на лошади по дороге славы,
Мне кивнула дружески встречная агава.
Проплывает прерии голубой простор,
Я в глаза опасности посмотрю в упор,
У агавы выцежу я бочонок влаги,
Чтоб хватило храбрости, песен и отваги.
Чтоб ударить молнией не смогла гроза,
Чтоб красивой девушке посмотреть в глаза,
Чтобы песни мужества над землей звучали,
Чтоб меня улыбками девушки встречали.

1950-е годы

ВРЕМЯ

Все яростней день ото дня
Преследует время меня.
— Тебе уже под пятьдесят,
Тебе никогда не простят
Ни щедрости глупой твоей,
Ни даром истраченных дней.

Сквозь ночь Заполярья, сквозь мрак
Несутся упряжки собак,
Над вечным безмолвием льда
Бегут и гудят провода,
И сразу небес потолок
Пронзил электрический ток.
Рога поднимает олень —
Ужель начинается день?
Шаман, вероятно, не в срок
Над Севером солнце зажег!

Откуда явились они —
Движение, юность, огни?
Их люди сюда принесли,
Что вместе с тобою росли,
Что в детстве далеком с тобой
Сидели за партой одной.
Они возмужали давно,

Присуще им свойство одно,
Одно их стремленье ведет —
Обилие южных широт
На новый, на северный путь
На прочном буксире тянуть!
Грунты вековой мерзлоты
Они пробивают... А ты?

Сплошным наказанием зной
Над мертвой висит желтизной.
Цепочкой верблюды идут,
Достойно они берегут
Три тысячи — минимум — лет
В пустыне свой авторитет.
Миражи для них — пустяки,
Как будто они мастаки
Свои увлажнять языки
Из настоящей реки!
Песок под ногами течет...
Верблюды замедлили ход,
Им слышно, как издалека
Над грустной равниной песка,
Черняв, и кудряв, и высок,
Запел паровозный гудок.

Твой сверстник приехал сюда,
За ним по каналам вода,
Куда бы ни шел он, идет,
Куда б ни велел он, течет.

Он рекам проложит пути,
Прикажет барханам уйти,
Посадит леса и цветы
В глубинах пустыни... А ты?

А я свое счастье найду,
Опять приступая к труду.

И всадником каждого дня
Преследует время меня!

1950-е годы

---

* * *

Воспоминаньем не стал ты, все в тебе бесконечно живое.
Ты переселился, быть может, во время иное,
Чтоб там в одиночестве старости нашей дождаться...
О, как тяжело было людям с тобой расставаться!
И Шимел-портняжка, и Тевье, и Лира горящее слово,
Обаяние Вениамина и возмущение Иова,
И боль за героев твоих углубляется снова,
За тех, что сыграл ты, за тех, что сыграть собирался,
Чьим образам светлым ты сердцем своим предавался.
О, как тяжело сыновьям твоего поколенья
Без доброй улыбки твоей, без твоего вдохновенья!

<1950-е годы>

СОВЕТСКИЕ СТАРИКИ

Ольге Берггольц

Ближе к следующему столетью,
Даже времени вопреки,
Все же ползаем по планете
Мы, советские старики.

Не застрявший в пути калека,
Не начала века старик,
А старик середины века,
Ох, бахвалиться он привык:

— Мы построили эти зданья,
Речка счастья от нас течет,
Отдыхающие страданья
Здесь живут на казенный счет.

Что сказали врачи — не важно!
Пусть здоровье беречь велят...
Старый мир! Берегись отважных
Нестареющих дьяволят!..

Тихий сумрак опочивален —
Он к рукам нас не приберет...
Но, признаться, весьма печален
Этих возрастов круговорот.

Нет! Мы жаловаться не станем,
Но любовь нам не машет вслед —
Уменьшаются с расстояньем
Все косынки ушедших лет.

И, прошедшее вспоминая
Все болезненней и острей,
Я не то что прошу, родная,
Я приказываю: не старей!

И, по-старчески живописен,
Завяжу я морщин жгуты,
Я падену десятки лысин,
Только будь молодою ты!

Неизменно мое решенье,
Громко времени повелю —
Не подвергнется разрушенью
Что любил я и что люблю!

Ни нарочно, ни по ошибке,
Ни в начале и ни в конце
Не замерзнет ручей улыбки
На весеннем твоем лице!

Кровь нисколько не отстучала,
Я с течением лет узнал
Утверждающее начало,
Отрицающее финал.

Как мы людям необходимы!
Как мы каждой душе близки!..
Мы с рожденья непобедимы,
Мы — советские старики!

1960

ИЗ КНИГИ «МУЗЕЙ ДРУЗЕЙ»

ДРУЗЬЯМ

ВСТУПЛЕНИЕ

Мне бы молодость повторить —
Я на лестницах новых зданий,
Как мальчишка, хочу скользить
По перилам воспоминаний.

Тем, с которыми начат путь,
Тем, которых узнал я позже,
Предлагаю года стряхнуть,
Стать резвящейся молодежью.
Дружбы нашей поднимем чаши!
Просто на дом, а не в музей
Мы на скромные средства наши
Пригласили наших друзей.
Как живете вы? Как вам дышится?
Что вам слышится? Как вам пишется?
Что вы делаете сейчас?
Как читатель? Читает вас?
На писательском вернисаже
Босиком не пройтись ли нам
Под отчаянным ливнем шаржей,
В теплых молниях эпиграмм?

И, любовью к друзьям согреты,
Проведем вечерок шутя...
Шутка любящего поэта —
Как смеющееся дитя.

1960

ЗАКЛЮЧЕНИЕ К КНИГЕ

Не надо, чтоб мчались поля и леса:
Разлука — один поворот колеса.
Да, это разлука — заканчивать книгу,
Но стих посвящен не прощальному мигу.

О, как дорога ты, беседа друзей!..
Мы так изучили друг друга привычки!
Но вот уже дальше бегут электрички
От нашей беседы, от книги моей...

Идет все дальше, глубже возраст мой,
И, вспоминая юных чувств горенье,
Я так взволнован, что с любой строфой
Меняется размер стихотворенья.

Мне нужны (ни с кем не деля),
Как поэту и патриоту,
Для общения — вся земля,
Одиночество — для работы.

Перелистываю страницы,
Их дыхание горячо...
Что нам к поезду торопиться?
Почаевничаем еще...

Не родственники мы, не домочадцы,
И я хотел бы жизнь свою прожить,
Чтоб с вами никогда не разлучаться
И «здравствуйте» все время говорить.

1960

В ЧАС РАССВЕТА

Созвездия блуждали
в вечной мгле,
Казалось, им безмерный
счет потерян...
Мы первые сумели
на Земле
Открыть вселенной
запертые двери.

За облаками в светлом
серебре
Торжественно приходит
час рассвета...
Теперь я знаю — на любой
заре
Каемка знамени моей
Страны Советов.

1960

СПИЧКА

Неотвязчива сила привычки,
Бесконечно манит тепло...
Огонек скучает по спичке,
Огоньку без нее тяжело.

Я шагаю за строчкой певучей,
Я вхожу в заповедник чудес,
Одиночество падает тучей
На покинутый лешими лес.

И стоит среди леса осина,
Ей на спички пойти предстоит.
Как пристанище блудного сына,
Беспроходная чаща шумит.

Я желаю и присно и ныне
Быть родителем огоньков.
Я желаю, подобно осине,
В сотни втиснуться коробков.

Чтоб носили меня, зажигали,
Чтобы я с человечеством был,
Чтоб солдат на коротком привале
От меня, от меня прикурил...

А березы стоят, как принцессы,
Не отводят от солнышка глаз...
Трудовые проходят процессы.
Мы работаем. Спичка зажглась.

1960

ДИСЦИПЛИНА

Я о долге не забывал,
Я — за доблесть стихотворенья,
Сколько раз я ранен бывал
У высоток мировоззренья!

Ночь над госпиталем плыла
Массой темною и сырою,
Дисциплина солдат была
Медицинской моей сестрою.

Почему я живу в труде?
Почему я не сбился с круга?
Потому что всегда, везде
Дисциплина моя подруга.

Я ей многое обещал,
Я сулил ей вершины счастья,
Я чайком ее угощал
После холода и ненастья.

Таял в чашке рафинад,
Плыли маленькие чаинки...
У меня сорок лет подряд
Лучше не было вечеринки.

Я чудес обрету края,
Без усилия горы сдвину,
Если только вовремя я
Позову свою дисциплину.

И строка бежит за строкой,
Пышет молодости горенье,
Потому что она со мной
В этом маленьком стихотворенье.

1960-е годы

ГОЛОСА

Я за счастьем все время в погоне,
За дорогой дорога подряд.
Телевиденья быстрые кони
Бубенцами в эфире звенят.

Будто с самого детства впервые
Вижу я темно-синюю высь,
Где в обнимку летят позывные
И с романсами переплелись.

До чего же нам стали привычны
Голоса беспредельных высот!
Люди в небе живут как обычно —
Кто поет, кто на помощь зовет.

И возможно, что за небосклоном
Он живет среди звездных миров —
Не записанный магнитофоном
Околевшего мамонта рев.

Мы — живущие вместе на свете —
Разгадали не все чудеса.
И бредут от планеты к планете
Крепостных мужиков голоса.

И быть может, на всех небосклонах
Повторяются снова сейчас
Несмолкающий шепот влюбленных
И густой Маяковского бас.

Пусть звезда не одна раскололась,
Но понятный и вечно живой
С хрипотцой Циолковского голос
Не замолк на волне звуковой.

С детства не был силен я в науке;
Не вступая с учеными в спор,
Я простер постаревшие руки
В нестареющий синий простор.

Мне близки эти дальние звезды,
Как вот этот заснеженный лес...
Я живу, потому что я создан
Для людей, для земли, для небес.

Я хочу овладеть чудесами,
Что творятся в космической мгле,—
Небо полнится голосами
Тех, кто жил и любил на Земле.

1961

СИБИРИ

Ты, Сибирь, лежишь перед глазами...
Только я хотел тебе помочь,
Ты сама за счастье вышла замуж,
Каторги удачливая дочь.

У меня гостят твои морозы,
Я с историей твоей знаком...
Видите, друзья? Столетий слезы
Катятся сибирским ручейком.

Сколько ж мы годов перестрадали,
Сколько мы намучились, пока
Ручейки улыбок побежали
Сквозь тайгу, сквозь души, сквозь века!

Там, где тракт веселый расстилался,
Комсомольцы весело идут...
Я бы вместе с ними рассмеялся —
Мне смеяться слезы не дают...

Прошлое — долой! Над прошлым — баста!
В миллионном мы идем числе...
Ах, Сибирь моя! Ты здравствуй, здравствуй,
Сколько можешь, здравствуй на земле!

1961

ЖИЗНЬ ПОЭТА

Молодежь! Ты мое начальство —
Уважаю тебя и боюсь.
Продолжаю с тобою встречаться,
Опасаюсь, что разлучусь.

А встречаться я не устану,
Я, где хочешь, везде найду
Путешествующих постоянно
Человека или звезду.

Дал я людям клятву на верность,
Пусть мне будет невмоготу.
Буду сердце нести, как термос,
Сохраняющий теплоту.

Пусть живу я вполне достойно,
Пусть довольна мною родня —
Мысль о том, что умру спокойно,
Почему-то страшит меня.

Я участвую в напряженье
Всей эпохи моей, когда
Разворачивается движенье
Справедливости и труда.

Всем родившимся дал я имя,
Соглашаются, мне близки,
Стать родителями моими
Все старушки и старики.

Жизнь поэта! Без передышки
Я все время провел с тобой,
Ты была при огромных вспышках
Тоже маленькою зарей.

1961

ПАВЛУ АНТОКОЛЬСКОМУ

Ко дню рождения

Пусть я прожил немалые годы,
Я мальчишеский пыл берегу,
Я считаю, что цель пешехода –
Спотыкаться на каждом шагу.

Будем жить нашей жизнью давнишней,
Будем радоваться и горевать
И по-прежнему звезды, как вишни,
За забором вселенной срывать.

Нет! Не выцвело старое знамя,
Прикрепленное к стременам!
Наклоняется время над нами,
Гладит лысые головы нам.

Нет! Дыханьем спокойным и ровным
Мы не дышим! Пожар не утих.
Пусть мелькают желания, словно
Рубашонки ребят озорных!

Я люблю воспаленные ночи
Над моей, над твоей головой,
Я люблю тебя очень,— короче —
Поздравляю тебя, дорогой!

1961

ГОСТЬ

Не поверят — божись не божись,—
У меня, говорю без обмана,
Для подарков людям всю жизнь
Оттопыривались карманы.
Прав, не прав я, наверно, решит
Старый турок Гарун аль Рашид.

Он ко мне, обалдев с непривычки,
Едет в гости на электричке.
Он приехал и ждет на вокзале —
Мне об этом в киоске сказали.

Он столетия пробыл в пути,
На него современность накинется,
И задача моя — привезти
Человека из сказки в гостиницу...

Спит столица в предутренней мгле,
Спит старик-телефон на столе,
Спят гостиницы все этажи...

Ну-ка, милый, давай расскажи,
Расскажи мне, что слышно на свете
И поют ли еще соловьи?

Что дарил ты и взрослым и детям?
Как продолжил ты сказки мои?

Как шагал ты по сказочпым странам,
Что писал ты и что прочел?
Указал ты пути великанам?
Быть полезным учился у пчел?
Так коснуться бумагн ты смог,
Чтобы пахла она, как цветок?

Как я жил? Что я делал на свете?
Смог ли сказку я в быль превратить?
Не могу я па это ответить,
У читателя надо спросить!

1961

ЖЕЛАНИЕ

Марку Шехтеру

Все желанья собрал я в охапку,
Все послушно, покорно мне.
И звезда стоит на задних лапках
В широко распахнутом окне.

Разве чужды мне цветы живые?
Разве я рациональным стал?
Я-то колокольчики степные
Не переливаю на металл.

Пусть же будет лепестками песни
Многократно шар земной обвит,
Пусть она в загадки поднебесья
С космонавтом третьим полетит.

Устремленная к далеким сферам,
На земле беседуя с детьми,
Пусть она идет людским размером,
Пусть она рифмуется с людьми.

Пусть она, как люди, без простоя
Продолжается, как начата...
Вот мое желание простое,
Вот моя давнишняя мечта!

1961

КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Разрушены барьеры ночи темной...
Рассвет какой, как все огромно!
Как будто неба тихий океан
Упал на Тихий океан.

Кончается моя ночная сказка.
Земля под синим пологом легла,
Но вот уж фиолетовая краска,
Как школьница, бежит через луга.

Все спящие сейчас вот-вот проснутся,
Лучи нещадно небо теребят.
Они бегут, они ко мне несутся
Ватагою оранжевых ребят.

Бегут лучи, мои родные дети.
Они моя давнишняя семья.
Со всеми красками дружу я на рассвете,
И на закате с ними буду я.

Не для пустого времяпровожденья
Я пробивался сквозь обвалы туч,
И для тебя в твой светлый день рожденья
Я выбираю самый лучший луч.

1961

* * *

Живого или мертвого,
Жди меня двадцать четвертого,
Двадцать третьего, двадцать пятого —
Виноватого, невиноватого.
Как природа любит живая,
Ты люби меня не уставая...
Называй меня так, как хочешь:
Или соколом, или зябликом.
Ведь приплыл я к тебе корабликом —
Неизвестно, днем или ночью.
У кораблика в тесном трюме
Жмутся ящики воспоминаний
И теснятся бочки раздумий,
Узнаваний, неузнаваний...
Лишь в тебе одной узнаю
Дорогую судьбу свою.

1961

* * *

Где я — в Сан-Франциско иль в Казани?
Все мне оказалось по плечу...
В общество преданий и сказаний
Дайте мне билет, я полечу!

Не вчера, не завтра, не когда-то
Я, от всех любимых вдалеке,
У своей фантазии богатой
Кучером сижу на облучке.

Медленно меняются пейзажи
На закате трудового дня,
И не только роща — травка даже
Издали приветствует меня.

Не улечься мне и не усесться.
Для потомства, не жалея сил,
Я свое натруженное сердце
Рядом с государством положил.

Что же с человечеством случится?
Люди, люди, вы моя семья!
Девочкой застенчивой стучится
В новый дом поэзия моя!

1961

ПОИСКИ ГЕРОЯ

Казалось, в этой нищенской семье
Мечтать бы о каком-нибудь пирожном,
А у меня — другое на уме,
А я мечтал о чем-то невозможном.

И мне всегда казалось — Гулливер
Снял комнату плохую у соседки,
А Лизу бедную я провожаю в сквер
И с нею полночь провожу в беседке.

Казалось, я владетель всех высот,
Казалось, дети, как пророки, зорки,—
Не мог я знать, что мой герой придет
В простой, обыкновенной гимнастерке.

Доверчивый ребенок не поймет,
Романтика подводит нас порою.
Не сабля и не меч, а пулемет —
Вот верный спутник моего героя.

И пусть уже прошло немало лет,
Но, понемногу, как и все, старея,
Его прекрасный воинский билет
Я вижу в Третьяковской галерее.

Не Суриков его нарисовал
(Что, может, тоже было бы неплохо).
Его нарисовал девятый вал,
Меня поднявший в уровень с эпохой.

Далекий мир за гранью облаков
Становится все менее огромным.
Мой пулеметчик Федя Чистяков,
Мой мальчик дорогой, тебя я помню, помню!

Я до сих пор живу не как-нибудь,
И я не стану жертвою забвенья.
Я голову кладу тебе на грудь,
Мне слышится твое сердцебиенье.

<*1962*>

ГЕРОЙ НАЙДЕН

Мы научились точно козырять,
Ты на войне солдат, а не посредник,
А вот сейчас усердия не трать —
Я не майор, я просто собеседник.

Зима. Скрипит береза на ветру,
Мы веточку любую помнить будем.
Нет, ты не умер! Я скорей умру.
Мы оба не умрем! Так нужно людям!

Нет, мы не мертвые! На кой нам черт покой.
Наш путь не достижений, а исканий.
И пусть моей дрожащею рукой
Твой светлый профиль будет отчеканен.

Забыть я не хочу и не могу,
С тобой брожу по северным болотам,
И вижу снова я, как по врагу
Мальчишка русский водит пулеметом.

Внимание! Враг в тридцати шагах,
Не очень уж большое расстояние.
Все воскресает, и в моих ушах,
Как выстрелы, трещат воспоминанья.

Как хочется немного помолчать,
Не говорить о прошлом и о смерти,
Но времени тяжелую печать
Увидел я на траурном конверте.

Не исчезает прошлое из глаз.
Пусть я не верю в вечную разлуку,
Я все же помню, как в последний раз
Пожал твою слабеющую руку...

Двадцатилетие... ты очень далеко,
Но все ж светиться ты не перестало!
Пойми: стихотвореныо нелегко,
И потому оно коротким стало.

<1962>

* * *

Дети нищих! Вы помните, в складчину
Мы купили у грека халву!
Это вами, вами назначенный,
Я — поэт. И вот так живу.

Дети нищих! Многие, многие
Были вы не во сне, наяву.
Не во имя идеологии,
А во имя вас я живу!

Дети русские, дети Индии,
Дети всех континентов и стран,
Я состарился, но не заиндевел,
Я — рассветный теплый туман.

Как мечтал я о чернобровой,
Ожидающей у моста,
Но не девочкой, женщиной вдовой
Ты приходишь, моя мечта!

Вспоминая мечты свои детские,
Старики признаться должны:
Мы советские, старосветские,
Люди лучшей гражданской войны.

11 мая 1962 года

СЧАСТЬЕ

Попробуйте голос у птицы
Отнять беспощадно с утра,
Заре прикажите явиться
Без золота и серебра —

Не выйдет! Ни в чьей это власти!
В условиях трудных любых
Сопротивляется счастье
И насмерть стоит за живых.

Любую мечту поддержу я,
Я буду за праздник людской
Стрелять, как стреляли в буржуя
Матросы... Да кто ж я такой?

Чудак, неизменно веселый,
Иду по широкой стране,
Волшебною цепью тяжелой
Привязано счастье ко мне.

Богат я! В моей это власти —
Всегда сочинять и творить,
И если не радость и счастье,
То что же мне людям дарить?

Богат я своею страною,
Она мои судьбы вершит,
Ну что по сравненью со мною
Какой-то Гарун аль Рашид?

Поэт, добывающий счастье,
Иду я в пути не один —
Советского подданства мастер,
Хозяин волшебных долин.

1962

ПУШКИНУ

Будь пушкинским
каждый мой шаг.
Душа! Не подвергнись забвенью, —
Пусть будет средь новых бумаг
Жить пушкинское вдохновенье.

Пусть мой поэтический труд
Не будет отмеченным славой,
Пусть строчки мои зарастут
Его головой кучерявой.

Не нужно дороги другой —
Удобней, чем наша прямая!
О Пушкин вы мой дорогой,
Как крепко я вас обнимаю!

Не камень, не мрамор, а вас,
Живого, в страданье и муке
Обняли в торжественный час
Мои запоздавшие руки.

1962

ДОЖДЬ

Дождь идет. Пустячный дождь идет.
Он — осенний, он — обыкновенный.
Дождь идет. И человек идет.
Он, как этот дождь,— обыкновенный.

Старость, торопить тебя не будем!
Ты придешь немного погодя...
Мне не бурю донести бы людям —
Донести бы капельки дождя.

Я люблю природу: звезды, тучи,
Небо наверху, земля внизу.
Ходит Блок, а рядом ходит Тютчев,
По обочине и я ползу.

Твердо знаю: как мой век ни бурен,
Мне земля видна во все концы.
Не тебе, мой друг Степан Халтурин,—
Мне взрывать бы Зимние дворцы.

На спине висит походный ранец,
Выстрел из старинного ружья...
Кто же настоящий итальянец —
Гарибальди или я?

Снова, снова, снова, снова
Юность на меня глядит в упор,
Коммуниста Якова Свердлова
Так мне не хватает до сих пор!

Задыханье, а не передышка!
Нужно, чтоб опять ко мне пришел
Большевик ли старый иль мальчишка,
Только что вступивший в комсомол.

Ежедневно утро оживает,
Ежедневно, что ни говори,
День грядущий людям раскрывает
Свой волшебный занавес зари.

Что нам дождь, он ничего не значит,
Он — обыкновенная вода.
Пусть осенние дожди поплачут,
Я заплáчу знаете когда?

1962

ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

Как огородники гряду за грядкой,
Освоили мы тайны всех дорог.
Летит Гагарин. На него украдкой
Глядит скомпрометированный бог.

Я счастлив оттого, что есть орбита,
Что я подвижен и что я кручусь,
Что я земной, друзьями не забытый
И в очереди к счастью нахожусь.

В чем же судьба моя, судьба поэта?
Мне кажется, что я незаменим,
Мне кажется — подписаны планеты
Великолепным росчерком моим.

Мне эта ситуация знакома,—
В теченье долгом трудового дня
Из космоса, как из родного дома,
Товарищ русский смотрит на меня.

Как хороша ты, звездная дорога!
Летит Гагарин. Он устал чуть-чуть,
И перед ним торжественно и строго
Блестит кремнистый лермонтовский путь.

1962

* * *

Никому не причиняя зла,
Жил и жил я в середине века,
И ко мне доверчивость пришла —
Первая подруга человека.

Сколько натерпелся я потерь,
Сколько намолчались мои губы!
Вот и горе постучалось в дверь,
Я его как можно приголубил.

Где-то рядом мой последний час,
За стеной стучит он каблуками...
Я исчезну, обнимая вас
Холодеющими руками.

В вечность поплывет мое лицо,
Ни на что, ни на кого не глядя,
И ребенок выйдет на крыльцо,
Улыбнется: — До свиданья, дядя!

1962

ОХОТНИЧИЙ ДОМИК

Я листаю стихов своих томик,
Все привычно, знакомо давно.
Юность! Ты как охотничий домик,
До сих пор в нем не гаснет окно.

Вот, в гуманность охоты поверив,
Веря в честность и совесть мою,
Подошли добродушные звери.
Никого я из них не убью!

Не существованье, а драка!
Друг мой, гончая прожитых лет,
Исцарапанная собака,
Заходи-ка ты в мой кабинет.

Сколько прожил я, жизнь сосчитает.
И какая мне помощь нужна?
Может, бабочки мне не хватает,
Может, мне не хватает слона?

Нелегка моей жизни дорога,
Сколько я километров прошел!..
И зайчишку и носорога
Пригласил я на письменный стол.

Старость — роскошь, а не отрепье,
Старость — юность усталых людей,
Поседевшее великолепье
Наших радостей, наших идей.

Может, руки мои не напишут
Очень нужные людям слова,
Все равно, пусть вселенная дышит,
Пусть деревья растут и трава.

Жизнь моя! Стал солидным я разве?
У тебя, как мальчишка, учусь.
Здравствуй, общества разнообразие,
Здравствуй, разнообразие чувств.

1962

КНИГА

Все ушли, и разговоры
Спрятала ночная мгла.
И ко мне в глухую пору
Книга девочкой вошла.

Здравствуй, Клава? Валя? Нина?
Вы со мной? Вы снова тут?
Пусть ко мне, как именины,
Книги новые придут.

Был я молодым когда-то,
Выбирал свои пути.
Как старался я, ребята,
В книге гения найти.

С книгой я живу как в чуде,
С волшебством, среди Москвы.
В книге — Ленин, в книге — люди,
В книге вечно — я и вы.

1962

СОЛОВЬИ

Будь прострелена наша мишень,
Здравствуй, мой наступающий день!
Мы, все войны прибравши к рукам,
Аплодируем мирным векам.

Сколько можем мы людям пропеть,
Соловьям сосчитать не успеть...

Для того чтоб героями быть,
Человечество надо любить.
Я живу — и любые вопросы
Я вношу, как партийные взносы.

Беспартийные думы мои
В большевистские входят бои.
Если враг пред тобой — все равно,
Это Гитлер или Махно!

За свободного иль за раба,
Здравствуй ты, дорогая борьба!
Я — солдат. И покуда я цел,
Здравствуй, мой драгоценный прицел!

1962

АРЕНА

Мыслю юность, как цирковую арену,
Мыслю взрослость свою, как арену борьбы.
Так мы созданы все. Нужно нам непременно
Столкновение наших мечты и судьбы.

Всю-то юность мечтал я прожить с циркачами.
Вот судьба! Вот сплошная моя благодать!
А пришлось мне трудиться глухими ночами
И какие-то стихотворенья писать.

Если я одинок, я взываю к арене:
Дай ты мне покружиться на виду у людей,
Я завидую комплексу всех впечатлений
Акробатов, и клоунов, и лошадей.

Воздух цирка! Он по-молодому неистов!
Бицепсы, что готовы к борьбе...
Без парадного шума, без униформистов,
А, представьте, работал я сам по себе.

Я состарился. Мне уж не нужно трапеций,
Пенсионное время застлало мой путь,
С цирковыми артистами снова бы спеться,
Песню силы и ловкости вновь затянуть.

Циркачи! С вами буду всегда непременно,
Вы — волшебный, хороший, чудесный народ.
Все мерещится мне цирковая арена —
Колесо моей юности мчится вперед.

Каждый год ожидают нас перемены,
Ожидает весна за жестокой пургой.
Приходи ко мне в гости, работник арены!
Дай бог счастья тебе, мой циркач дорогой!

1962

ЗАГАДКИ

1

Я создана не из железа,
Но я крепка! Имей в виду —
В любую скважину пролезу,
В любое общество войду.

Живое все дрожит от страха,
Моей покорно быстроте,
И телеграф, как черепаха,
Плетется у меня в хвосте.

Я людям приношу несчастье,
Все гибнет по моей вине,
И даже при Советской власти
Прислушиваются ко мне.

(Сплетня)

1962

2

Все на истину похоже,
Неизвестно, где я лгу,
Не писатель я, а все же

Много выдумать могу.
Чтó мне совести граница!
Я силен сверх всяких мер,
Ты поверь — меня боится
Даже милиционер!
Умертвляю плоть живую,
Другу мщу я, как врагу...
В голове я существую,
В сердце жить я не могу!

(Донос)

1962

* * *

Все мне кажется, что я молод,
Что стою накануне дня,
Все мне кажется — конь и молот
Богом созданы для меня.

Я лечу, и несутся искры
От подков по глуши степной.
Юность, юность! Ведь ты не близко!
Юность, юность! Побудь со мной!

Я кую, и несутся искры
В окружающий полумрак...
Юность, юность! Ведь ты не близко?
Я состарился? Разве так?

Дай-ка всех друзей озадачим!
Пусть могила невдалеке,—
Я несусь на коне горячем,
Тяжкий молот в моей руке!

1962

* * *

Выйди замуж за старика!
Час последний — он недалек.
Жизни взбалмошная река
Превращается в ручеек.

Даже рифмы выдумывать лень,
Вместо страсти и ожиданий
Разукрашен завтрашний день
Светляками воспоминаний.

Выйди замуж за старика!
За меня! Вот какой урод!
Не везде река глубока —
Перейди меня тихо вброд.

Там на маленьком берегу,
Где закат над плакучей ивой,
Я остатки снов берегу,
Чтобы сделать тебя счастливой.

Так и не было, хоть убей,
Хоть с ума сойди от бессилья,
Ни воркующих голубей,
Ни орлов, распластавших крылья.

1962

НЕГОДЯЙ

Такая у него была порода,
Таким он негодяем был,—
Его всегда, в любое время года,
Сам Иисус Христос по морде бил.

Я у него вторые сутки дома,
Давай, хозяин, щедро угощай!
Не только что — мы сорок лет знакомы,
Ты собственность моя, мой негодяй!

Все в юности произошло когда-то,
Всем незаметный, мне заметный след.
С юнцами говорить мне трудновато,
Ну, а тебя я знаю сорок лет.

Не выдержал ты с жизнью поединка,
Преувеличил человека власть...
И вспомнила холодная снежинка
О том, что теплой каплей родилась.

Я счастлив у поэзии во власти,
Она и я — припадлежим труду.
В мир разноцветных радуг, в царство
счастья
Я негодяя за руку веду.

Не знаю, был я трусом или смелым,
Не знаю — знаменит, не знаменит?..
Когда родился я, листва шумела.
Она увяла? Нет, всегда шумит!

Обоих нас бессмертье ожидает,
Я у суда пощады не молю...
Меня всегда читатель оправдает:
Не виноват я, что людей люблю.

1962

СИРЕНЬ

Я счастлив судьбою завидной —
Плыву я по волнам весь день,
Пусть берега даже не видно,
Меня провожает сирень.

Плыву на восток и на запад,
Всё волны и волны вдали,
Но все же со мной этот запах —
Сиреневый запах земли.

Плыви же, стихотворенье,
В немыслимое бытие,
Где женщины пахнут сиренью,
Где, может быть, счастье мое.

Сирень! Ты ничем не торгуешь —
Бесплатная юность моя!
И если ты не существуешь,
Я выдумаю тебя.

1962

* * *

Нет, не в мире встреч, в краю прощаний
Так живу я на краю земли,
Как давно женатые мещане
В мудрость с легкомыслием пришли.

Мы не молоды, но, кажется, не стары.
Полночь. Тихо. Трудится сверчок,
На столе бушуют самовары,
Создавая новый кипяток.

1962

ПОИСКИ РИФМЫ

Искал я рифму на «Азизов»,
Нашел ее мгновенно: «вызов».
Но, к сожаленью, точно так
Его зарифмовал Маршак.
Рифмуйся же, моя строка,
Не хуже, чем у Маршака!

Капели падают с карнизов,
К друзьям весенний день приблизив,
Преследователь блюдолизов,
Лишен директорских капризов,
Под сенью творческих девизов,
Любитель бури, а не бризов,
Похож осанкой на маркизов,
Материал для Изогизов,
Свой темперамент не понизив,
Справляет юбилей Азизов.

Я думаю — моя строка
Точнее, чем у Маршака!

18 февраля 1963 года

СЛОВО

О, вдохновения рожденье!
Мне с ним знакомиться дано.
Ко мне является виденье:
«Я — слово,— говорит оно.—

Везде я. В городе и в поле,
Могу шутить, могу всерьез.
Я — слово! И меня в подполье
С любовью Ленин произнес.

Я — слово. Дружат все со мною.
Я — человека впереди...»
О слово русское, родное,
Ко мне почаще приходи!

С тобой и в горе и в веселье
Хочу всегда я рядом быть,
И опьяненье, и похмелье,
И землю с небом ощутить.

Пойду навстречу, а не мимо,
Будь это проза или стих.
Мне слово так необходимо
В кругу товарищей моих!

1963

* * *

Пусть погиб мой герой.
Только песня доныне жива.
Пусть напев в ней другой
И другие, конечно, слова.

Но в бессонное сердце
Стучатся все так же упрямо
И надежда Анголы,
И черная боль Алабамы.

Не нарушила юность
Своих благородных традиций,
И за песнею песня
В стране моей снова родится.

В песнях молодость наша!
Над нею не властвуют годы.
И мечтают мальчишки
О счастье далеких народов.

Пусть же крепнет содружество
Смелых. И в песне доносится пусть
И кубинское мужество,
И испанская грусть.

1963

ПЕСЕНКА СТАРОГО ТАКСИСТА

Вся жизнь моя — тяжелая проверка
Моих уже кончающихся сил.
Я молодых возил и в загс, и в церковь,
И, боже мой, куда еще возил.

Да, я таксист. Пути мои безмерны.
И каждый дальний путь мне недалек.
Вам кажется, я счастлив? Нет, неверно.
Моя трагедия — зеленый огонек.

Мне кажется, судьба мне приказала,
В пути не отдыхая никогда,
Нестись к осточертевшему вокзалу,
Откуда к счастью ходят поезда.

Да, я таксист. Пути мои безмерны.
И каждый дальний путь мне недалек.
Вам кажется, я счастлив? Нет, неверно.
Моя трагедия — зеленый огонек.

Везу людей и в холод и в ненастье.
Мне без людей немыслимо прожить.
Шоферы все чуть-чуть, немного счастья
Хотят у пассажиров одолжить.

Да, я таксист. Пути мои безмерпы.
И каждый дальний путь мпе недалек.
Вам кажется, я счастлив? Нет, неверно.
Моя трагедия — зеленый огонек.

Мне не страшны далекие маршруты,
Но все же я истратил много сил.
Усталость есть, друзья, и я как будто
Все возрасты людей перевозил.

Да, я таксист. Пути мои безмерны.
И каждый дальний путь мне недалек.
Вам кажется, я счастлив? Нет, неверно.
Моя трагедия — зеленый огонек.

1963

ГРУСТНАЯ ПЕСЕНКА

Ходят грустной парою
Комсомольцы старые.
Как горел их жадный взгляд
Ровно сорок лет назад!

А земля березовая,
А земля сосновая,
А земля вишневая,
А земля рябиновая,
А земля цветет!

Друг погиб под Выборгом,
А в друзьях нет выбора.
Грустно стариться теперь
Только в обществе потерь.

Я прошу вас всеми чувствами:
Никогда не будьте грустными!
Это в старости, друзья,
Привилегия моя.

По земле, накрытой зеленью,
Ходит, ходит население,
Ходит в поле и в лесу,
Я ответственность несу.

А земля березовая,
А земля сосновая,
А земля вишневая,
А земля рябиновая,
А земля цветет!

1963

* * *

Мне много лет. Пора уж подытожить,
Как я живу и как вооружен.
На тысячу сердец одно помножить —
И вот тебе готовый батальон.

Значенья своего я не превысил,
Мне это не к лицу, мне не идет,—
Мы все в атаке множественных чисел
С единственным названием: народ!

Быть может, жил я не для поколений,
Дышал с моей эпохою не в лад?
Быть может, я не выкопал по лени
В моей душе давно зарытый клад?

Я сам свой долгий возраст не отмечу...
И вот из подмосковного села
Мне старая колхозница навстречу
Хлеб-соль на полотенце поднесла.

Хлеб-соль! Мне больше ничего не надо,
О люди, как во мне ошиблись вы.
Нет, я не в ожидании парада,
Я в одинокой комнате вдовы.

Я ей портреты классиков развешу,
И все пейзажи будут на стене,
Я все ей расскажу, ее утешу,
Прошу, друзья, не помешайте мне!

Я радость добывал, и есть усталость,
Но голос мой не стих и не умолк.
И женщина счастливой оставалась,—
Я был поэтом, выполнил свой долг.

1963

* * *

Мне неможется на рассвете,
Мне б увидеть начало дня...
Хорошо, что живут на свете
Люди, любящие меня.

Как всегда, я иду к рассвету,
И, не очень уж горячи,
Освещают мою планету
Добросовестные лучи.

И какая сегодня дата,
Для того чтоб явилась вновь
Похороненная когда-то,
Неродившаяся любовь?

Не зовут меня больше в драку,—
Я — в запасе, я — просто так,
Будто пальцы идут в атаку,
Не собравшиеся в кулак.

Тяжело мне в спокойном кресле.
Старость, вспомнить мне помоги,—
Неужели они воскресли,
Уничтоженные враги?

Неужели их сила тупая
Уничтожит мой светлый край?
Я-то, ладно, не засыпаю,
Ты, страна моя, не засыпай!

В этой бешеной круговерти
Я дорогу свою нашел,
Не меняюсь я, и к бессмертью
Я на цыпочках подошел.

1963

НИНЕ

Я клянусь тебе детской мечтою,
Взрослым подвигом, горем земли —
В мире самой счастливой четою
Мы с тобою прожить бы могли.

Мне узнать бы любовь хоть на ощупь,
Только контуры где-то видны,
И как будто в осеннюю рощу
Я вошел в середине весны.

Нам бы счастье свое не прохлопать,
Я к любым испытаньям готов...
До чего надоедлива копоть
Мной еще не зажженных костров.

Как о хлебе, мечтаю о чуде,
Я хочу, чтобы в годы мои
Соловьи запевали, как люди,
Чтоб запели мы, как соловьи.

С молодой, ненасытною жаждой
Мне, наверно, понять не успеть,
Что обязанность зелени каждой —
К дням осенним вовсю зажелтеть.

Отвечайте, прошедшего тени,
Для чего я на свете живу?
В листопад самый гнусный, осенний
Возвращаю деревьям листву.

За столом засиделся я поздно.
Небо в звездах, и космос висит.
И не бабушкой старой береза,
А девчоночкой светлой стоит.

Я шагаю с открытой душою,
Комсомольцы идут впереди,
Все — и маленькое, и большое —
Прижимая к широкой груди.

Дни свои я тобою украшу.
Еле слышно меня позови,
И вдвоем, как на родину нашу,
Возвратимся мы к прежней любви.

1963

НА РАССВЕТЕ

Солнце встало,
Банальной проходит тропой,—
Свечка господа бога
Опять зажжена над землей,
Все деревья и солнце,
И все соловьи,
И все жаворонки —
Это всё коммунисты мои!

Если б не было Ленина,
Что бы делать я стал?
Я бы юностью
Юность свою не считал,
А сейчас своей силой
Мне трудно владеть —
Ну куда же мне деть ее?
Куда ее деть?

Пригодись, моя сила,
Для слабых людей,
Пригодись, мое сердце,
Для светлых идей.

Пригодись молодым,
Мое множество лет,
Пригодись, пригодись,
Пригодись, мой рассвет!

1968

РАЗГОВОР

Ты — любовь моя!
Ты — перевертень ума,
Ты — как лето на сапочках,
Как в веснушках зима.

Нет! Не в сказочной обуви,
Нет, не в туфельках Золушки,
Не в огнях городов,
Не в мерцанье села,
Не в сиянье реклам,—
По дорогам проселочным
В тихих тапочках стоптанных
Ты торжественно шла.

Я мечтал о тебе,
Отправляясь в дорогу,
Я искал тебя —
Девушку-недотрогу.

Пусть мне будет
От вдохновения жарко —
К медсанбату в пути,
В обгоревшем лесу,

Я любовь —
Эту раненую санитарку —
Может быть, донесу,
Может, не донесу.

Как мне быть?
До сих пор я не принял решенья...
Неужели с годами
Погиб мой запал?
Не по площади бить,
А по точной мишени!
Кто поможет проверить —
Попал, не попал?

Были юными,
Стали согбенными плечи,
Все же тяжести новой
Смиренно я жду.
Ты на месте не стой,
Ты пойди мне навстречу,
Все мне кажется —
Сам я вовек не дойду.

Мы уступок
У нашей любви не просили,
Нам соблазны
Не изменили маршрут...
Молодежь не поймет
Наших грустных усилий,
Постаревшие люди,
Быть может, поймут.

1963

МРАМОР

Нынче не совсем обыкновенный —
Мраморный я к людям прихожу,—
От склероза каменеют вены,
Места я себе пе нахожу,
Холодом настигнутое тело
Теплого общенья захотело.

Берегов далеких обитатель,
Стань мне другом, дорогой читатель!
Через двести лет иль полтораста
Я кричу отсюда: «Мальчик! Здравствуй!
Девочка моя! Сквозь много лет
Белокаменный прими привет!..»

Как всегда, стремился я вперед,
Оступался — я не скороход.
Будь же проклят дважды или трижды
Тот, кто юность мыслит как печать!

Сердце! Будь интеллигентным, выжди,
Продолжай стучать, стучать, стучать!
Мне в твоем таком ритмичном стуке
Будущее протянуло руки,
И в меня, как в мужа, влюблена
Та, которая еще не рождена.

Перейдя других времен преграды,
Наши жертвы требуют награды,
Мрамора условность ни к чему...
Мой потомок! Я тянусь к нему!

Он родился, учится ходить,
Мне б его в штанишки нарядить,
Пистолет купить ему ребячий...
Таковы теперь мои задачи.

И на средства все, что накопил,
Я подарки внукам накупил.
Плавают, не вышли из игры
Чувств моих воздушные шары,
Вьются белки, бегают лошадки
В очень интересном беспорядке.

От любви мой путь все время ярок,
Жизнь моя — грядущему подарок,
Будущее вижу наяву...
Мрамор дышит — я еще живу!

1963

НА ПАРНАСЕ

Парнаса слава сто веков жива,
Но пастбища его хиреют час от часу.
Растет безвитаминная трава,
Пасутся рахитичные Пегасы.

Я полз к Парнасу, не жалея сил,
И внес свой рубль в стихотворений кассу,
И стал романтиком, когда я накормил
Земным овсом небесного Пегаса.

Живая кровь не застоится в венах.
Абстракция нас не сведет с ума.
Для женщин, не для манекенов
Построены родильные дома.

И соловей в тиши куста ночного
Всем людям очень просит передать:
«Когда я не живой, а нарисован,
Какого пенья можно ожидать?»

1963

* * *

Живешь ты, ничего не ожидая.
Ну разве может людям быть близка
Мечта твоя, такая молодая,
Заснувшая в объятьях старика.

Какие б тучи снова ни нависли,
Ты слышишь среди вспышек грозовых
Негромкое посапыванье мыслей
На жестких койках клеток мозговых.

Будь тишиной в обыкновенном громе
И громом стань в зловещей тишине!
Ты не считай, что счастья нету, кроме
Всего того, что уж давно в цене.

Не две любимые — одна необходима,
Две радости все ж меньше, чем одна.
Не половинчатость, не двойственность.
Ты мимо
Пройди, и станет жизнь тебе ясна!

1963

* * *

А. Жарову

Большие годы не остановились —
Тебе сегодня стукнет шестьдесят,—
Не шесть десятков стариков явились,
А шестьдесят отчаянных ребят.

Обнимемся, мой теплый, старый друже!
Перед грядущим не опустим глаз,
Против врага испытано оружье,
Против мещанства — есть противогаз.

История нам не поставит двойки,
Твой юбилей почетный настает —
И я, прикованный к больничной койке,
Как сумасшедший заорал: «Вперед!»

Никто от боя не уединился,
Никто с поста ни разу не ушел.
В те годы на Поэзии женился
Ну прямо по уши влюбленный Комсомол!

В искусстве быть всегда во всем веселым!
С тобой мы вывод сделаем простой:
Серебряная свадьба с Комсомолом
Ведет поэта к свадьбе золотой.

И до чего судьба завидна наша!
И чтоб от буден праздник отличить,
Я чокаюсь с тобою, Жаров Саша,
Хотя врачи мне запретили пить!

Так соберем же вместе наши кости —
Какой гигант получится, бог мой!
Ко мне, как неожиданная гостья,
Пришла идея — выпьем по второй!

И весь теперь я полон жажды острой —
В твою ладонь вложить мою ладонь,
И пусть они обнимутся, как сестры,—
Моя «Гренада» и твоя «Гармонь»!

1964

* * *

Музыка ли, пенье, что ли, эхо ли —
Что же это зазвучало вновь?
От вокзала Дружбы мы отъехали
К следующей станции — Любовь.

Кто-то с кем-то навсегда простился,
Чей колеса затоптали след?
И над стрелочницей опустился
Свет разлуки — сумеречный свет.

Будем вместе во всеобщей давке,
Ну какой тут может быть секрет,
Если из конспиративной явки
Вышла ты, любовь, на божий свет.

Звездами планета разнаряжена,
Ночь растет, растет за часом час,
И заря в тумане ищет скважину,
Чтоб потом насплетничать о нас.

Рано еще. Чуть взошло светило.
Только-только ночь простерлась ниц,
И еще не прикасалось мыло
К неумытым лицам проводниц.

Так оно ведется год от года —
Шпал мельканье, шепот проводов,
И обогащается природа
Движущимся утром поездов.

Через все завалы снеговые,
Через летний утренний туман
Комсомольцы Западной России
Мчатся на Алтай и в Казахстан.

Пусть они ни разу не сражались,
Мне смотреть на них не надоест,
Как они воинственно прижались
К седлам бесплацкартных мест.

Юность расшумелась по вагонам.
Что это творится поутру?
Контролер отшельником казенным
Ходит в распевающем миру.

Каждый день торчу я на вокзале,
Хорошо б за тыщу верст махнуть!
Вежливо мне годы указали
Путь домой — без путешествий путь!

6 апреля 1964 года

В БОЛЬНИЦЕ

Ну на что рассчитывать еще-то?
Каждый день встречают, провожают...
Кажется, меня уже почетом,
Как селедку луком, окружают.

Неужели мы безмолвны будем,
Как в часы ночные учрежденье?
Может быть, уже не слышно людям
Позвоночного столба гуденье?

Черта с два, рассветы впереди!
Пусть мой пыл как будто остывает,
Все же сердце у меня в груди
Маленьким боксером проживает.

Разве мы проститься захотели,
Разве «Аллилуйя» мы споем,
Если все мои сосуды в теле
Красным переполнены вином?

Все мое со мною рядом, тут,
Мне молчать года не позволяют.
Воины с винтовками идут,
Матери с детишками гуляют.

И пускай рядами фонарей
Ночь несет дежурство над больницей,—
Ну-ка, утро, наступай скорей,
Стань, мое окно, моей бойницей!

12 апреля 1964 года

* * *

Столкновения все чаще, чаще...
Не уходит драки перегар.
Прошлое воюет с настоящим,
Спорят десятина и гектар.

Где ты, где ты, к старшему почтенье?
Презирает лампочка звезду.
И весовщики в большом смятенье —
Центнеры с пудами не в ладу.

Кепки на затылок отодвинув,
Дорогие сверстники мои
Наблюдали метров и аршинов
Страшные кулачные бои.

И казалось бы, убыток не велик-то,
Связаны мы крепкою судьбой,
Ну поди-ка разреши конфликты
Трудные — меж мною и тобой.

Как люблю тебя я, молодую,—
Мне всегда доказывать не лень,
Что закат с зарею не враждуют,
Что у них один и тот же день.

19 апреля 1964 года

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Будь это гром, будь это тихий танец,
Нас уголочки всей земли зовут,
И на плечах всегда походный ранец,
И соловьи за пазухой живут.

Постой, постой, ты комсомолец? Да!
Давай не расставаться никогда!
На белом свете парня лучше нет,
Чем комсомол шестидесятых лет.

Мы и бригадой, и семьею тесной
Встречаем вместе радость и беду,
Чтоб не одну о нас сложили песню
В каком-нибудь двухтысячном году.

Постой, постой, ты комсомолец? Да!
Давай не расставаться никогда!
На белом свете парня лучше нет,
Чем комсомол шестидесятых лет.

И глубь земли, и ширь небесных странствий
Ты на высокой скорости пройдешь,
И скажет космос: «Кончилось пространство,
Куда еще ты, комсомолец, прешь?»

Постой, постой, ты комсомолец? Да!
Давай не расставаться никогда!
На белом свете парня лучше нет,
Чем комсомол шестидесятых лет.

Готова наша юность к наступленью,
Быть впереди и я и ты привык.
Не комсомольцем к новым поколеньям,
Ты к ним придешь как старый большевик!

Постой, постой, ты комсомолец? Да!
Давай не расставаться никогда!
На белом свете лучше парня нет,
Чем комсомол шестидесятых лет.

21 апреля 1964 года

* * *

Какой это ужас, товарищи,
Какая разлука с душой,
Когда ты, как маленький, свалишься,
А ты уже очень большой.

Неужто все переиначивать,
Когда, беспощадно мила,
Тебя, по-охотничьи зрячего,
Слепая любовь повела?

Тебя уже нет — индивидуума,
Все чувства твои говорят,
Что он существует, не выдуман,
Бумажных цветов аромат.

Мой милый, дошел ты до ручки!
Верблюдам поди докажи,
Что безвитаминны колючки,
Что надо сжирать миражи.

И, сыт не от пищи терновой,
А от фантастических блюд,
В пустыне появится новый,
Трехгорбый счастливый верблюд.

Как праведник, названный вором,
Теперь ты на свете живешь,
Бессильпы мои уговоры —
Упрямы влюбленные в ложь.

Сквозь всю эту неразбериху
В мерцанье печального дня
Нашел я единственный выход —
Считай своим другом меня!

4 мая 1964 года

ЭПИГРАММЫ

М. ИСАКОВСКИЙ. А. ПРОКОФЬЕВ. А. ЯШИН

Неустанно, лихо, молодо,
В сердце песенный огонь.
Это Ладоги, и Вологды,
И Смоленщины гармонь.

К. ПАУСТОВСКИЙ

Он с удочкой стоит неутомимо,
Он знает, в чем задача рыболова,—
Чтоб не ленивой тушею налима,
А рыбкой золотой сверкнуло слово.

Л. ШЕЙНИН

В прокуратуре осмелев,
Пришел в литературу Лев.

С. МАРШАК

Труднейших множество дорог,
Где заблудиться может Муза,
Но все распутья превозмог
Маршак Советского Союза.

С. МИХАЛКОВ

Всегда в нем жив неукротимый дух,
Он, как Самсон, силен, как Аполлон,
прекрасен...
Проверить надо: может быть, сей слух —
Одна из михалковских басен?

И. АНДРОНИКОВ

В нем тысячи профессий хороши:
Пародия, рассказ, кинокартина.
И все же рады мы, когда от всей души
Прощает Лермонтов вернувшегося сына.

МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ

Пейзаж знакомый. День весенний.
Уж тает снег. Бегут ручьи.
На веточки стихотворений
Слетелись юные грачи.

Нам дорог каждый голос новый,
Мы все у юности в плену...
Мы круглый год встречать готовы
Литературную весну.

О. БЕРГГОЛЬЦ

Ты, как маленькая, живешь,
Каждой сказке по-детски рада,
Ты на цыпочках достаешь
То, за чем нагибаться надо.

А. ТВАРДОВСКИЙ

Скажите мне: не чудеса ль
В большой поэзии я вижу?
Чем дальше он уходит в «Даль»,
Тем он читателю все ближе.

С. ВАСИЛЬЕВ

Он пародией четкой и острой
Удивлял нас — поэтов — не раз...
Хорошо, что Васильевский остров
Есть в советской сатире у нас.

В. ПАНОВА

Устремлены всегда мы к жизни новой,
И — все читатели — мы
спутники Пановой.

А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Смятенье чувств, «Мозаика», «Парабола» —
Такая в творчестве его пора была,
Иная, ждем, к нему придет пора —
И ясный стих скользнет из-под пера!

А. РАЙКИН

В день современный пламенно влюблен,
Оружием сатиры он сражается,
И на советскую эстраду он
Всегда, как на трибуну,
поднимается.

И. ИГИН

Твоею кистью я отмечен —
Спасибо, рыцарь красоты,
За то, что изувековечил
Мои небесные черты!

ПЕРЕВОДЫ

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ

ИСКУССТВО ПОЭТА

Поэзии предназначенье
я понял лишь к концу годов,
как простоты проникновенье,
объединенье точных слов.

Ни подчиненья позолоте,
ни выкрутасов никаких!
Так подлости вы не найдете
в сердцах горячих и простых.

Когда эпитета стрелою
намечен к мысли твой маршрут,
когда дорогою прямою
тебя метафоры ведут,

когда сравненье выплывает,
как из высоких волн дельфин
(но только он не понимает
величия морских глубин),—

слова в покорности присягу
обязаны поэту дать,
заставь их — верность и отвагу,
как друг в сраженье, проявлять.

Твой компас — правда. Вечно помни,
морскими далями плывя:
вновь открывать простор огромный, —
поэт, обязанность твоя!

ПИМЕН ПАНЧЕНКО

* * *

Я все перепутал — где море, где небо,
Где тучи, где горы...
Иран.
Апрель.
Давно я не ел белорусского хлеба,
Чуть помню, как пахнет полесская ель.

Земля здесь гордится своим изобильем
Гранатов, и риса, и сладкой айвы,
И даже на мелких монетах застыли
Горная цепь, водопады и львы.

Из рощ апельсиновых
Солнечный ливень
И запах — на весь окружающий свет!
Иранец сказал мне: «Где был ты счастливей,
Чем в нашем Иране?
Прославь нас, поэт!»

Чудак!
Я совсем не хотел бы сравненьем
Унизить твой край. Тут красиво, но все ж

Не мне соловьиным приветствовать пеньем
Ширазские розы и горы Загрош.
Я прибыл для краткого только свиданья,
Чтоб горы твои осветить невзначай
Звезды моей неугасимым сияньем
И снова вернуться в родимый свой край.

За тысячи миль, в Беларуси зеленой,
Есть люди, и хата, и пуща пустая,
И солнце, плывущее по небосклону...
Я их никогда ни на что не сменяю!

НАЙДЕННЫЕ ЗВЕЗДЫ

Слетали с неба звезды, словно птицы,
Тысячелетьями на мягкий черный ил,
И лотать отцветала, и без сил
Тонула, чтоб для рыб приманкой становиться.

А время шло. Земля в себя впитала
Столетий порыжелые пласты,
Туманы шли, зловещи и густы,
И мрачной сказкой озеро лежало.

Но молодость взялась за труд почетный,
Чтоб звезды отыскать в глуши болотной
И оживить дыханье рыб и трав.

Три быстрых месяца прошли в труде упорном,
И вот уж провода бегут над торфом черным,
Веселые огни селеньям разослав!

ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ

НИНЕ ГРИБОЕДОВОЙ

Хоть ты теперь померкшая звезда,
Мне до сих пор твоя краса сияет.
Ты мне поведала, что никогда
Из мира красота не исчезает.

И ты жива, певцы твои живут,
Легенда их навек с тобой связала,
Ты грезам предоставила приют,
Ты много весен в гости принимала.

За красотой твоею — только мгла,
Закрыты наглухо врата рассвета,
Земля тяжелая на грудь твою легла,—
Ты розам редко разрешала это.

Спустя сто лет со мной живая ты,
Твой светлый образ годы не затмили,
О ты, чья буря нежной красоты
Склоняет голову мою к своей могиле!

МИХАИЛ КВЛИВИДЗЕ

ЛИСТЬЯ

Здесь листья сжигают. Дым серый и душный
Стоит над землей, как мольба о пощаде,
Но хмурое небо глядит равнодушно
И жертвует зеленью осени ради.

Пронзительна стужа. И пламя костра —
Как кладбище золота и серебра.

Но вдруг, обнадеженный ветра порывом,
Взвивается лист, нестерпимо багров,
Он к небу несется, он станет счастливым,
Пробив напоследок броню облаков.

Как хочется снова по-детски проснуться,
Весенние шелесты в сердце храня,
И бронзовым крылышком неба коснуться,
И скрыться навеки в сиянии дня!

НИГЯР РАФИБЕЙЛИ

ОТВЕТ СОЛНЦА

На сверкающем сазе играя,
Появилась весна молодая,
Воробья с воробьихой согрела
И веселую песню запела:

— Я весна! Я весна! Я весна!
И в меня вся земля влюблена!
Всех достатков моих и не счесть:
Разноцветные бабочки есть,
Есть и травка, и солнечный свет,
Есть стрекозы... Чего только нет!

Я хозяйство свое обойду,
Обласкаю я вишню в саду,
Я сонливых жучков разбужу
И фиалкам цвести прикажу!

Нет прекраснее времени года!
Больше всех меня любит природа!

Мой блистательный встретить приход
Будет очень доволен народ,

Поздороваться выйдет со мной
У зеленей опушки лесной.
Столько радости я доставляю,
Что людей каждый год удивляю!

Услыхав рассуждение это,
Возмутилось до крайности лето:

— Пусть весна утверждает хвастливо,
Что она хороша и красива,—
Извините, но я возражаю!
Это я приношу урожаи!

А послушайте птичьи рулады
Под защитой тенистой прохлады!
Не поднять вам тяжелого груза —
Моего наливного арбуза!

Это я научило на славу
Ребятишек саженками плавать!

Начинают при мне колоситься
И овес, и ячмень, и пшеница!
Я проходы в горах расчищаю
И туриста в поход снаряжаю...

Нет прекраснее времени года!
Больше всех меня любит природа!

Раскопав огородную грядку,
Осень слово берет по порядку.
Пожелтевшей листвой шелестит
И, прокашлявшись, так говорит:

— Вы томитесь от зноя, пока
Осень вам не пришлет ветерка.
Приходите, товарищи, в сад
И попробуйте мой виноград!

Я с большим удовольствием вам
Краснощекое яблоко дам...

Все ответят, кого мы ни спросим:
Всех богаче прекрасная осень!
До чего дорога я ребятам!
А весна или лето — куда там!

Нет! Не снегом покрыта земля —
Это хлопком белеют поля...

Вот, сложив аккуратненько книжки,
Направляются в школу детишки...
По желанью людей и природы
Я начало учебного года!..

Дед-мороз, опираясь на палку,
Приближается к детям вразвалку
И, завьюжив снегами простор,
Начинает такой разговор:

— Ну-с, мои молодые дружки,
Не сыграть ли нам с вами в снежки?
Я принес вам прекрасные лыжи,
И коньками я вас не обижу.

Я лучшую елку в лесу
Найду и домой принесу —
Приятно, когда запоет
Веселых детей хоровод.

Как мною довольна семья!
Понравился бабушке я,
А кот задыхается — он
В меня до безумья влюблен!

Он тысячу разных проказ
Уже совершил и сейчас
У печки горячей лежит,
Усами во сне шевелит.
Он также согласен со всеми:
Зима — это лучшее время!..

Так спорили осень и лето,
Весна и зима до рассвета,
А утром заря заблистала,
И солнце с улыбкой сказало:

— Не спорьте так долго, друзья!
Открою вам истину я!
Известно доподлинно мне —
Считают в Советской стране
И взрослые и малыши,
Что все времена хороши!

ЭДУАРДАС МЕЖЕЛАЙТИС

МЫСЛИ

Мои мысли,
словно птицы, поднялись,
С каждым днем быстрее их движенье,
Звездную преодолели высь
И земное победили притяженье.

Мы отвергли царства тьмы приход,
В нем поэзия давно заглохла б наша!
Мы обогатили небосвод
Звездами
кремлевских башен.

Я смотрю на наших звезд огни,
Это мы отправили в полет их,
Не на землю падают они,
Ярче разгораются в высотах.

Не обгонит время
мысль мою,
Всадника такого нет на свете!
Вот я победителем стою
У подножия тысячелетий.

Мысль моя
Преодолела горы,
Вырвалась
В бескрайние просторы.

Мои мысли раз и навсегда
Между звезд высоких гнезда свили,
Но грустят, бывает, иногда
И в тоске заламывают крылья.

На земле далекой все сродни,
Бесконечно дорог день вчерашний!
Тихо опускаются они,
Чтоб идти за трактором по пашне.

Вот они над заводским двором,
Вот они летят над каждой кровлей
И садятся на руки потом
Той, что я зову своей любовью.

По траве густой они идут,
Клювики в речушке умывают,
Ягодки пунцовые клюют
И в стихотворенье собирают.

Отдыхают ночью меж ветвей,
Чтобы утром к звездам устремиться,
Снятся сны им на земле своей,
Отдыхают мои мысли-птицы...

Утром снова в путь далеких странствий!
И соединяется вдали
Притяженье звездного пространства
С древним притяжением земли.

АНДРЕЙ ЛУПАН

МАГИСТРАЛИ

Я знаю — это будет завтра:
Через столетья пролетев,
Вернутся наши астронавты
В наш край земной, не постарев.

Космические магистрали
Их к дальним звездам приведут,
Скафандры из уральской стали
Астральной пылью заметут.

В пути их встретят метеоры,
Но никого не устрашат,
Сквозь раскаленные просторы
Земли посланцы полетят.

И за пределы света, века,
Сквозь тьму космических высот
Свободный гений человека
Отважный разум поведет.

Но все же будет жить желанье
Вернуться в милые края,
Где веет ветер созиданья,
Где дышит родина твоя.

Где человеческие судьбы
Мы можем все предугадать...
Через столетия взглянуть бы —
Вернется ль молодость опять?

Так будет! Молодость, встречай!
Как ни трудны твои усилья,
Астральной пылью покрывай
Свои натруженные крылья!

ИОХАННЕС СЕМПЕР

В ЭКСПРЕССЕ

В темном окне
Вверх и вниз,
Вверх и вниз,
От вокзала к вокзалу,
Минуя в пути города,
Бегут провода.

Курьер электрический
по проводам
Мчится с охапкою телеграмм
Взад — вперед,
Сколько событий с собой он
несет!
Правду и грех,
Слезы и смех.

Но для чего ж,
Для чего ты нужна еще,
Бесконечная нить проводов
На костылях телеграфных столбов,
Если мы можем без этой опоры

Вырваться
В космические просторы?

Пережитки,
Пережитки —
Человечества пожитки.
Все же я должен
Простить вас,
Прежде чем вы пойдете
В утиль.

Куда же иначе,
Чем на длинную нить проводов,
В полете на юг
Уселись бы в ряд
Стаи ласточек длиннохвостых
И жирных дроздов —
Эти нотные знаки,
По которым упорно
Учится сердце
На осеннем пороге
Спеть песню мечтаний...

МУСТАЙ КАРИМ

ТРИСТА ДЖИГИТОВ

То утро в огне и крови поднялось над землей,
И враг к нам ворвался, укрытый тяжелой броней.

И голос отчизны на битву, на подвиг позвал,
И громом железным тотчас отозвался Урал.

Вставайте, немедля коней оседлайте, башкиры,—
Кровавая туча зловеще затмила полмира!

И триста башкиров в башкирском ауле одном
На триста коней молчаливо уселись верхом.

Горячие искры рассыпались из-под подков,
При хмуром прощанье отцы не склонили голов.

И девушки не убеждали, что нет их верней,
Лишь в лоб на прощанье поцеловали коней.

И матери не проливали на проводах слез...
Так — знают повсюду — издревле у нас повелось:

Чтоб славным джигитам в священном бою не мешать,
Не надо слезами их воинский путь орошать.

И если джигита погубит военный огонь,
Вернется обратно к домашним приученный конь.

А если поверженный конь запрокинет копыта,
Вернется в аул непомеркшая слава джигита.

Немало прибавилось у матерей седины...
Мы были — все триста — в ауле одном рождены,

Но в дверь постучаться к родным не смогли пятьдесят,—
Отважные воины под обелиском лежат.

О них благодарная память не забывает...
Пропавших без вести среди храбрецов не бывает!

ЯКОВ УХСАЙ

МЕНЯ ТАТАРИНОМ СЧИТАЮТ

Меня татарином считают,
чай приглашают крепкий пить
и добродушно предлагают
мне тюбетеечку носить.

Похожестью, врагам в угоду,
пренебрегать ли чувашу?
Татарский честный облик гордо
я с дня рождения ношу.

Глаза татарские, большие,
широких, крепких скул разлет...
Татар встречаю — не впервые,
любой из них меня поймет.

С Мажитом Гафури, бывало,
не раз я по Уфе гулял,
тогда — ни много и ни мало —
большим поэтом стать мечтал.

А на дому, меня встречая,
кипел пузатый самовар,
мне Гафури стаканчик чая
преподносил, как песню, в дар.

Мечтал я, приложив усилья,
поэтом стать таким, как он,
неоперившиеся крылья
мечтали мчаться в небосклон.

И, ногу на ногу закинув,
еще не признанный поэт,
татарских песен строй старинный
я пел в свои семнадцать лет.

Поэтом необыкновенным,
как Гафури, хотел я стать,
вот почему на мне, наверно,
его поэзии печать.

Как будто в прошлом недалеком,
как будто нынче наяву,
Муса Джалиль, беря под локоть,
показывает мне Москву.

Душою необыкновенной
Мусы хотел я обладать,
вот почему на мне, наверно,
лежит татарина печать.

В Казани часто я бываю
и при Джалиле там бывал,
хоть и чуваш я, но Ухсая
все ж не один татарин знал.

Иду по улиц анфиладам,
и зелень буйствует вокруг...
Хасан Туфан со мною рядом —
мой давний седовласый друг.

Его душа всегда близка мне,
иду, с ним думы все деля,
пусть под ногами только камни,
но мягкой кажется земля.

Так хочется неимоверно
мне, как Туфап, уметь писать!
Вот почему на мне, наверно,
лежит татарина печать...

Все добродушно предлагают
мне тюбетеечку носить,
так люди эти мне желают
счастливым быть и в дружбе жить.

Похожестью, врагам в угоду,
пренебрегать ли чувашу?
Татарский честный облик гордо
я с дня рождения ношу.

АЛИМ КЕШОКОВ

НА ВЕРШИНЕ ГОРЫ

Над пропастями летний ветер веет,
пылинку он в лощине отыскал,
и вот уж на вершине скал
цветок со льдами рядышком алеет.

Совсем недолго длится срок тепла,
лишь зацветет цветок — ревут метели.
Он держится за землю еле-еле,
и кажется, что жизнь его ушла.

Но воли к жизни много у цветка,
недаром он из поколенья смелых,
и горы перед ним в шинелях белых
стоят, как перед знаменем полка.

КАЙСЫН КУЛИЕВ

* * *

Когда ошибался я, непутевый,
я клялся себе: это вновь не случится!
Но завтра все так же — и глупости снова
за мной как голодные мчались волчицы.

Ведь был предо мной путь большой и широкий,
а я, как безумный, лишь к скалам стремился...
Любовь моя! Все бесполезны упреки —
ведь я на земле человеком родился.

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

В ГОРАХ

Есть Карловы Вары на свете,
и к ним я приехал, я тут.
Все белые домики эти
в зеленой тарелке живут.

Леса и леса предо мною
на грани осенней поры,
здесь чехословацкой листвою
мои расстелились ковры.

Как с матерью дочка, в обнимку
общаются осень с весной:
вверху — легкой зелени дымка,
долины сквозят желтизной.

Так манят лесные тропинки,
к родному простору зовут,
где в древнем своем поединке
и горы и реки живут.

Вот эхо в горах раскололось,
весь мир показался родней —
отцовский мне слышится голос
и пенье дочурки моей.

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ БОТЯНА НА РОДНУЮ ЗЕМЛЮ

Ботяну за семьдесят лет.
Со всей семьей он в машине,
и вот за Цоросами вслед
поселки бегут по равнине.

От родины он не отвык.
Домишки привычно дымки разостлали,
растроганный смотрит старик
в родные широкие дали.

Он старую песню поет
над снова увиденным краем:
«Мы красное знамя свое
до синих небес поднимаем!»

Старик на подростка похож,
и юность ему все роднее,
и с песней живет молодежь,
с «Широкой страною моею».

То ль праздник, то ль свадьба в селе...
Калмыка на пир приглашают.
То вновь на родимой земле
родственники встречают.

Покинув автомобиль,
в сторонку Ботян подается,
смывает дорожную пыль
старик у родного колодца.

Живая вода наяву!
Подставил он голову струям,
он нежно погладил траву,
он землю накрыл поцелуем.

Все семьдесят лет перед ним
встают, и до слез он растроган —
далекого прошлого дым
поднимается понемногу.

А в небе летят журавли,
курлычут в полете на север...
Давно уж морозы прошли,
мечтает земля о посеве.

Просторы родимой земли!
Что может быть ближе калмыку?
И синее небо вдали
необходимо калмыку.

ГЕОРГИЙ КАЙТУКОВ

РАЗГОВОР С СОЛНЦЕМ

Сказал я солнцу: — Дивное светило,
Ну как же так случилось, дай ответ:
Ты нашу землю жизнью одарило,
А на тебе ни капли жизни нет?

Мне солнце улыбнулось из-за тучи:
— Не вижу я беды в такой судьбе,
Пусть вечный мой огонь живущих учит:
Я о других пекусь, не о себе.

РАИСА АХМАТОВА

* * *

Я с матерью снова стою у дверей,
в душе ее страх и тревога.
Привычные проводы, много друзей,
дорога, дорога, дорога...

Врывается поезд в широкий простор,
летит беспокойно, упрямо,
и снова, и снова отрогами гор
мелькает оконная рама.

И ветер так ласково бьет по плечу,
по-дружески треплет, колотит.
Сегодня я с небом сдружиться хочу,
поспорить с орлами в полете.

Земные дороги и звездная высь,
вся жизнь, словно мост через реку...
Вселенная, слушай! Звезда,
наклонись —
ты слышишь ли речь человека?

ЛЕВ КВИТКО

СКРИПКА

Я разломал коробочку,
Фанерный сундучок.
Совсем похож на скрипочку
Коробочки бочок.

Я к веточке приладил
Четыре волоска —
Никто еще не видывал
Подобного смычка.

Приклеивал, настраивал,
Работал день-деньской...
Такая вышла скрипочка —
На свете нет такой!

В руках моих послушная,
Играет и поет...
И курочка задумалась
И зерен не клюет.

Играй, играй же, скрипочка!
Трай-ля, трай-ля, трай-ли!
Звучит по саду музыка,
Теряется вдали.

И воробьи чирикают,
Кричат наперебой:
— Какое наслаждение
От музыки такой!

Задрал котенок голову,
Лошадки мчатся вскачь.
Откуда он? Откуда он,
Невиданный скрипач?

Трай-ля! Замолкла скрипочка...
Четырнадцать цыплят,
Лошадки и воробушки
Меня благодарят.

Не сломал, не выпачкал,
Бережно несу,
Маленькую скрипочку
Спрячу я в лесу.

На высоком дереве,
Посреди ветвей,
Тихо дремлет музыка
В скрипочке моей.

КОГДА Я ВЫРАСТУ

Те лошадки шалые,
С влажными глазами,
С шеями, как дуги,
С крепкими зубами,

Те лошадки легкие,
Что стоят послушно
У своей кормушки
В светлой конюшне,

Те лошадки чуткие
До чего тревожны:
Только сядет муха —
Вздрагивает кожа.

Те лошадки быстрые,
С легкими ногами,
Только дверь раскроешь —
Скачут табунами,

Скачут, разбегаются
Безудержной прытью...
Тех лошадок легких
Не могу забыть я!

Тихие лошадки
Свой овес жевали,
Но, завидев конюха,
Радостно заржали.

Конюхи, конюхи
С жесткими усами,
В пиджачишках ватных,
С теплыми руками!

Конюхи, конюхи
С выраженьем строгим
Выдают овес друзьям
Четвероногим.

Топчутся лошадки,
Веселы и сыты...
Конюхам нисколько
Не страшны копыта.

Ходят — не боятся,
Все им не опасно...
Этих самых конюхов
Я люблю ужасно!

А когда я вырасту,—
В длинных брюках, важно
К конюхам приду я
И скажу отважно:

«Пятеро детей у нас,
Всем работать хочется:
Есть поэт — братишка,
Есть сестричка — летчица,

Есть одна ткачиха,
Есть один учащийся,
Я же — самый младший —
Буду всадник мчащийся!»

«Ну, веселый парень!
Откуда? Издалече?
А какие мускулы!
А какие плечи!

Ты из комсомолии?
Ты из пионерии?
Выбери ж коня себе,
Ступай в кавалерию!»

Вот я мчусь как ветер...
Мимо — сосны, клены...
Кто это навстречу?
Маршал Буденный!

Если я отличник,
Так ему скажу я:
«Скажите, в кавалерию
Зачислен быть могу я?»

Маршал улыбается,
Говорит с доверием:
«Подрастешь немного —
Зачислим в кавалерию!»

«Ах, товарищ маршал!
Ждать мне сколько времени!..»
«А ты стреляешь? Ты ногой
Достаешь до стремени?»

Я скачу назад, домой —
Ветер не угонится!
Я учусь, расту большой,
Я с Буденным быть хочу:
Буду я буденновцем!

ИЦИК ФЕФЕР

В ПЛЕНУ

Под Киевом ночью черны поля,
Небеса далеки, темна земля.

В окна врываются с вышины
Запахи крови, снега, войны.

И падают люди в снежный сугроб,
Падают, словно в серебряный гроб...

С зарей синеватые тени легли,
Мы слышим свисток паровоза вдали,

Мы слышим растущий порыв и полет —
Свобода привет нам издали шлет.

Под Киевом ночью черны поля,
Небеса далеки и темна земля.

МЕНДЕЛЬ ЛИФШИЦ

ОШЕРУ ШВАРЦМАНУ

Он заслужил — наш Ошер,
чтоб вспомнили о нем
на языке хорошем,
на языке простом.

На языке ребят,
что жизнь прошли в походах,
забыв про сон и отдых,—
на языке солдат.

То тихая дорога —
опасность не грозит,
то вдруг звучит тревога —
«Враг у ворот стоит!»

Хочу тебя прославить,
хочу с тобою быть,
друзей тебе представить
и книгу посвятить.

Мы все доныне дышим
твоей живой мечтой,
и о тебе мы пишем,
наш Ошер дорогой!

Ты песнями своими
бессмертье заслужил,
твое родное имя
потомок не забыл.

Стихотворенье это
я посвятил тебе —
солдату и поэту,
погибшему в борьбе.

Мне вспомнились ребята
моей родной земли —
они, как ты когда-то,
с последней песней шли.

Их родина зовет:
«Вперед! Враг у ворот!»

Для пули нет границы,
для песни тоже нет,
и вот уж песня мчится
от сердца к сердцу — вслед!

Для песни нет препятствий,
оружья нет верней,
твердыни сокрушатся
пред песнею твоей.

Идешь ты в ногу с нами,
объятый дерзновеньем,
и с нашими друзьями
идешь ты к поколеньям!

АДАМ МИЦКЕВИЧ

ЛИСА И КОЗЕЛ

Уже с гусыней поздоровалась лиса,
Но — бедная — прыжка не рассчитала
И в сруб колодезный упала...
Что говорить — прыжок не удался!
Хоть сруб — сооружение простое,
Не выскочить оттуда ни за что ей:
Для лисьих ног
Весьма высок порог!
Так отшлифован он — до полного скольженья!
Войди теперь в лисицы положенье!
Другой бы зверь, не столь смышленый,
Метался бы, как в клетке, разъяренный,
И стал о стенки головою биться.
Но, как известно всем, не такова лисица
И на других зверей нисколько не похожа!
Отчаянье — всегда источник зла.
Лиса взглянула вверх — и что же?
Увидела почтенного козла,
Недвижно, с любопытством грубым
Стоящего над срубом.
Тотчас же морду опустив на дно,
Зачмокала лиса с притворным наслажденьем:

«Водица — упоение одно!
Такой — клянусь — я не пила с рожденья!
И так чиста, что жаль к ней прикоснуться,
Ах, так и тянет всю ополоснуться,
Да вот печаль —
Мутить такую воду жаль!
Ну и вода!»
Козел, пришедший за водой сюда:
«Эй! — сверху крикнул,— рыжая ты шуба!
Подальше прочь от сруба!»
И спрыгнул вниз... Лисица — на козла,
С рогов — на сруб — и ноги унесла!

ЮЛИАН ТУВИМ

ПАРИКМАХЕРЫ

Чаплину

В пустой парикмахерской чинно сидят парикмахеры.
Сидят без клиентов, скучают, сидят, дожидаются,
Побреются сами, прической украсятся аховой,
И снова задремлют, и снова потом просыпаются.

Подходят к окну. В окне — ничего, кроме осени,
Идут к зеркалам — в зеркалах парикмахеры только,
Прилизаны траурно, гладко, до блеска причесаны,
Но вся красота парикмахеров гибнет без толку.

Читают газету, свистят и массируют кожу,
Лениво зевают и все ожидают чего-то,
И сами себе перед зеркалом делают рожи,
И ежеминутно прилежно глотают зевоту.

А бурю уже накопила за окнами тьма,
Гремит за окном — и уже парикмахеры в страхе,
В парикмахерской — стон. Парикмахеры сходят с ума,
Рыдают, поют и вразвалку идут парикмахеры.

Вот подняли медленно руки и опускают их снова,
Вот слева направо вертят головами бесцельно,
Вот смотрят на столик, как будто бы он заколдован,
Вот смотрят на никель, чарующий блеском смертельным.

Они извиваются, ползают, слушают ливень гремящий,
Кричат, пресмыкаются, в ужасе вдруг застывают,
Как будто бы ангелов, в проклятом небе висящих,
Зеркальные рамы в глубинах своих отражают!

АКАЦИИ

Пьяным дыханием дышат акации белые,
Кругом полнолунье серебряным цветом легло...
Как будто вовеки таких ароматов и не было,
И быть никогда не могло!

И темные листья, и белых цветов наваждение
Заводят чуть слышный шуршащий ночной разговор...
Как будто других голосов я не слышал с рождения,
Как будто лишь этот вот шепот слыхал до сих пор!

Волшебная ночь не жалеет для неба алмазов,
И встал надо мною богатством таким небосвод...
Как будто с рожденья еще не любил я ни разу,
А только предчувствовал твой неизбежный приход!

ВЛАДИСЛАВ БРОНЕВСКИЙ

О ПОЛЬША! КАК ТЫ МНЕ БЛИЗКА...

Мне эта земля всех дороже,
С нее не могу я сойти,
Здесь Висла ветрами Мазовше
Мои обдувала пути.

Я вижу и тополь и поле...
О Польша! Как ты мне близка!
Наполнен и счастьем и болью,
Я слов поднимаю войска.

Земля моя их понимает,
Пусть горестно в сердце моем,
Ведь даже тюрьма обрастает
Поэзией, словно плющом.

Доверчивы тополь и верба,
Меж нами беседа течет.
Ты, сердце, все знаешь... Наверно,
Я здесь и умру... Где ж еще?

Укрой ты меня потеплее,
До боли родная земля.
Пусть траурной, грустной аллеей
За мною пойдут тополя.

И пусть у серебряной Вислы
Они продолжают шуметь,
Расскажут все чувства и мысли,
Все, что не успел я допеть.

К ПОЭЗИИ

Весь я зеркалу уподобляюсь,
злые судьбы глядят в меня,
где б я ни был, я опаляюсь
жаром жертвенного огня.

Ты, поэзия, не ослепла
и, на крыльях своих паря,
птицей фениксом встань из пепла,
гневной песнею бунтаря.

Пригвожденный к аду и раю,
слышу: голос твой не затих,
никого я не проклинаю,
а бросаю вперед свой стих.

Пусть судьба моя — вечная лгунья,
я тебя лишь одну зову
и во мраке и в полнолунье
в океане людей плыву.

Был солдатом своей отчизны,
жил, Икара завет храня...
О поэзия! В гущу жизни
с самолета ты сбрось меня!

Боевое мое заданье —
чтобы стих мой не отступал:
умирающим обещанье,
для живых боевой сигнал!

ЕЖИ ПУТРАМЕНТ

ВИНТОВКА

Парень, заснувший под вехой у самой обочины!
Откуда улыбка проникла в твой сон озабоченный?

Испачканный глиной рассвет ползет по жнивью,
Он чуть освещает неблизкую радость твою.

Винтовка в ладони и ранец под головою,
Страны разноцветной плывут небеса над тобою.

В росе предрассветной планета промокла до нитки,
За дальним холмом всю ночь не смолкают зенитки.

А ты сочиняешь во сне! Твой истрепанный ранец
Родной палисадник задел, георгина румянец,

Коснулся каштана, костела и школу впотьмах зацепил,
Где девушку — помнишь? — ты детской любовью любил,

Где друг-сорванец обнимал, как любящий брат,
Где юность, умершая года четыре назад.

И чувства все те же, и память огнеупорна,
И прошлое снова встречает улыбкой задорной,

И ты обнимаешь в восторге призрачность эту
И к сердцу прижал... Проснись! Понимаешь — нету!

Нет дома! Нет улиц! Нет города! Нет ничего!
И друг твой, и девушка только во сне существуют!

В костеле пустыня справляет свое торжество,
И пепел бездомный под ветром унылым кочует.

Над школой разбитой труба поднялась, как скелет,—
Здесь детство твое протекало легко и беспечно...

О близких не спрашивай... Ты понимаешь — их нет!
Ты их не увидишь ни ныне, ни завтра, ни вечно!

Еще раз пойми — ничего! Никого! Никогда!
И только винтовка, как спутник твой близкий и верный,

Как друг и товарищ, пришла через пламя сюда
По тяжким дорогам войны и печали безмерной...

Надежду приструнь! Ты сердце свое приготовь
К тому, чтобы терпкой местью насытилась кровь!..

На запад проносятся тучи, все громче грозы разговор.
Проснись и проверь — от росы не заржавел затвор?

ЯРОСЛАВ ИВАШКЕВИЧ

СВИТОК ОСЕНИ

XII

О нет, вовеки я так жизни не любил,
о смерти так упорно я не думал,
как с той поры, когда дугой огромной
предстала предо мной последняя черта.

Остаток дней — да будет он как пламя
моей любви, стремительной и пылкой.
И на вершинах, залитых закатом,
душа пусть вспыхнет и взнесется к небу.

ИВАН СКАЛА

ЖЕЛАНИЕ

Сергею Махонину

Поэзия — жена поэта и вдова.
О, как сказать мне новые слова,

чтоб искренне звучали, непредвзято,
чтоб завтра им звучать и послезавтра,

чтоб каждой ночью, вечером и днем
безмолвие взрывать, как барабанный гром.

И, жизнь свою не уточнив во многом,
будь самому себе судьей, не богом,

люби, поэт! Покой предай забвенью,
семь красок радуги — твое вооруженье!

АЛЕКСИС ПАРНИС

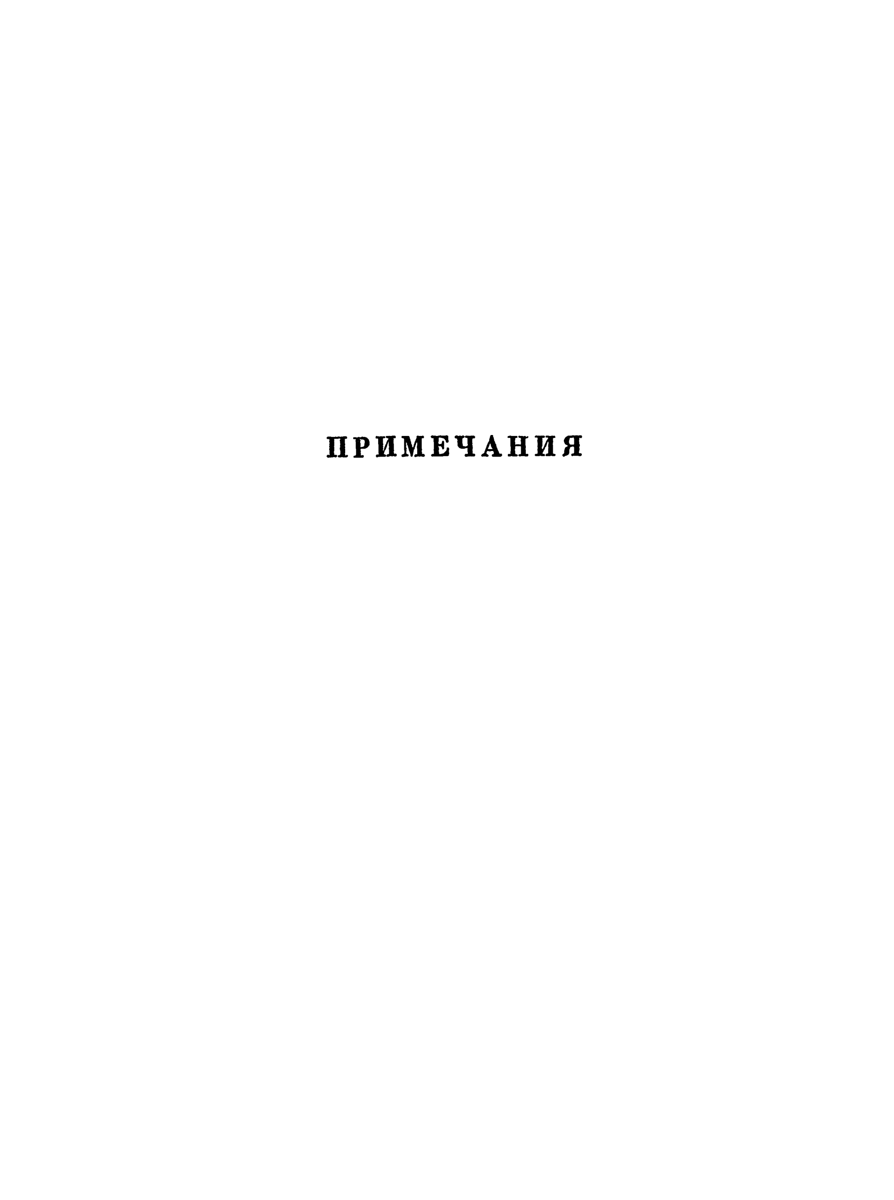
ТВОРЦЫ

Дети перелистывали время, как букварь,
Доводили гомоном улицу до одури
И веселой стайкой выбегали на бульвар,
Где отцы и братья в мастерских работали.

Кузницы, сапожные... Подростки, старики,
Никакого отдыха — вечное движенье,—
Ножницы мелькали, стучали молотки,
Храм труда свершал свое богослуженье.

Как они работали, скромные всегда,
С детских лет придавлены нуждою
бесконечною!
Разговор наивный, жалоб — ни следа,
Лишь одна работа — с рассвета
и до вечера.

На них смотрел я долго и не понимал,
Что вместе с этим деревом, железом
и глазурью
Мою лепили душу, ковали, как металл,
Чтоб горю не сдавалась и выдержала бурю.

ПРИМЕЧАНИЯ

В первый том настоящего Собрания сочинений Михаила Светлова включены стихотворения, поэмы, эпиграммы, переводы [1].

Тексты стихотворений сверены по всем печатным источникам, а при наличии автографов — и по рукописям, и печатаются в последней авторской редакции.

Рукописи поэта сохранились не полностью, они составляют фонд в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ). Некоторые автографы находятся в руках частных лиц.

В случае отсутствия авторской даты произведения датируются по самой ранней из известных публикаций. Дата, установленная редактором, дается в угловых скобках.

В примечаниях указывается первая публикация; издания, в которых автор значительно исправлял текст; основной источник, по которому печатается стихотворение. Из-за неразработанности газетно-журнальной библиографии иногда невозможно установить первую публикацию. В этих случаях указывается сборник, где впервые было напечатано произведение. В примечаниях же даны необходимые пояснения к тексту.

Сокращения, принятые в примечаниях:

«Горизонт» — М. Светлов. Горизонт. М., 1959.

Избр. (1932) — М. Светлов. Избранные стихи. М., 1932.

Избр. (1935, «Мол. гв.») — М. Светлов. Избранные стихи. М., «Молодая гвардия», 1935.

Избр. (1935, ГИХЛ) — М. Светлов. Избранные стихи. М., ГИХЛ, 1935.

---

[1] Том составлен Е. П. Любаревой и Р. И. Амирэджиби. *(Прим. ред.)*

Избр. (1948, СП) — М. Светлов. Избранные стихи. М., «Советский писатель», 1948.

Избр. (1948, «Правда») — М. Светлов. Избранные стихи. М., «Правда», 1948.

Избр. (1950) — М. Светлов. Избранные стихи и пьесы. М., 1950.

Избр. (1953) — М. Светлов. Избранное. М., 1953.

Кн. стихов (1929) — М. Светлов. Книга стихов. М., 1929.

«Корни» — М. Светлов. Корни. М., 1925.

«Музей друзей» — И. Игин, М. Светлов. Музей друзей. М., 1962.

«Ночные встречи» — М. Светлов. Ночные встречи. М., 1927.

«Охотничий домик» — М. Светлов. Охотничий домик. М., 1964.

«Рельсы» — М. Светлов. Рельсы. Харьков, 1923.

Стихи (1924) — М. Светлов. Стихи. М., 1924.

Стих. (1937) — М. Светлов. Стихотворения. М., 1937.

Стих. (1959) — М. Светлов. Стихотворения. М., 1959.

Стих. (1963) — М. Светлов. Стихотворения. М., 1963.

«Я — за улыбку!» — М. Светлов. Я — за улыбку! М., 1962.

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Вихри (стр. 39).— «Шаги», Екатеринослав, 1921; печ. по кн. «Корни».

Город (стр. 40).— «Шаги», с посвящением Василию Коженову. Печ. по кн. «Корни».

Комсомол (стр. 41).— «Рельсы», с подзаголовком «Отрывки» и посвящением «Васе Каменскому»; Стихи (1924). Печ. по кн. «Корни».

Моим друзьям (стр. 44).— «Рельсы». Печ. по Избр. (1953). М. *Голодный* (1903—1949), А. *Ясный* (1904—1945) — советские поэты, друзья Светлова.

Рельсы (стр. 45).— «Рельсы»; печ. по кн. «Корни». Г. *Пожницкий* — знакомый Светлова по Екатеринославу (с 1926 г.— Днепропетровск).

Русь (стр. 49).— «Рельсы», с посвящением Эммануилу Хазину. Под текстом помечено: «Чуднов — Волынск»; печ. по кн. «Корни».

Сосны (стр. 52).— Стихи (1924); печ. по Избр. (1935, ГИХЛ). *Славута* — ныне районный центр УССР.

Екатеринослав (стр. 55).— Стихи (1924); печ. по кн. «Корни». *Брянский завод* — один из крупнейших заводов Екатеринослава.

Ночная работа (стр. 59).— Печ. по кн. Стихи (1924).

Из цикла «Кавказ» (стр. 60).— Альм. «Под знаком комсомола», Пг.— М., 1924, под названием «Черкешенка». Печ. по кн. Стихи (1924).

Дни и ночи (стр. 62).— Печ. по кн. Стихи (1924).

«Вон там, в скучающих полях...» (стр. 64).— Печ. по кн. «Корни».

«Ночью, в полчаса второго...» (стр. 66).— Печ. по кн. «Корни».

Стихи о ребе (стр. 68).— «Мол. гв.», 1923, № 7—8; «Корни»; Избр. (1932). Печ. по кн. Стих. (1937). *Ребе* — учитель, раввин в еврейской религиозной школе. *Хедер* — еврейская религ. школа. *Тора* — атрибут религ. культа у евреев. *Талмуд* — свод предписаний, основанный на толковании еврейских священных книг и регламентирующий религиозно-правовые отношения и быт верующих евреев. Джордж *Керзон* (1859—1925) — министр иностранных дел Англии, один из организаторов интервенции против СССР.

Утром (стр. 77).— Печ. по сб. «Ленин». Харьков, 1923.

Теплушка (стр. 78).— «Прожектор», 1924, № 3. Печ. по Стих. (1937).

Москва (стр. 80).— «Мол. гв.», 1923, № 9—10.

«Не один, не два раза бессонницей...» (стр. 82).— «Прожектор», 1925, № 4. Печ. по Кн. стихов (1929).

Работнице (стр. 84).— Альм. «Под знаком комсомола», 1923, № 1. Печ. по кн. «Корни».

«Я в гражданской войне нередко...» (стр. 88).— Печ. по кн. «Корни».

Под вечер (стр. 90).— «Корни». Печ. по кн. Стих. (1937).

С извозчиком (стр. 93).— Сб. «Лёт». М., 1923. Печ. по кн. «Корни».

Колокол (стр. 94).— «Прожектор», 1925, № 4. Печ. по кн. «Ночные встречи». *Н. Коробков* — одноклассник и друг юности поэта.

Двое (стр. 96).— «Комс. правда», 1925, 27 сентября; «Ночные встречи». Печ. по кн. Стих. (1963).

Колька (стр. 97).— «Корни». Печ. по Кн. стихов (1929).

Песня отца (стр. 99).— «Прожектор», 1925, № 4. Печ. по кн. Стих. (1937).

На смерть Ленина (стр. 101).— Печ. по кн. «Корни».

Николаю Кузнецову (стр. 102).— Альм. «Перевал», 1924, № 2. Печ. по Кн. стихов (1929). *Н. Кузнецов* — советский поэт, друг Светлова; покончил самоубийством в 1924 г.

Ночные встречи (стр. 104).— Альм. «Перевал», 1925, № 3; «Ночные встречи»; Кн. стихов (1929); отрывки — в Избр. (1935, ГИХЛ). Печ. по кн. Избр. (1932). *«Там Маяковский, будто в бреду, с Пушкиным вел разговор...»* — Речь идет о стихотворении Маяковского «Юбилейное». *Гусеница Гум-Гум* — намек на рекламные стихотворения Маяковского (ГУМ — Государственный универсальный магазин в Москве). *«...Покровке, 3...»* — дом, где находилось общежитие, в котором тогда жили молодые писатели, среди них — Светлов. В 1-й редакции после строки «Здесь, на Покровке, 3» было:

Скажи, это верно, что вся печать
Бешеным лаем полна,
И только Воронский должен молчать,—
Один — как в небе луна?

Еще я слышал, который год
В литературе тьма,
И в этой тьме визжит и орет
Швабская школа МАПП.
И больше всех,
Горячей и злей —
Родов (такой поэт).
Его я знал еще в жизни моей —
Ему полтораста лет.

Пфицером звался тогда он...
И мысль
И стих были так же глупы...
Стар он, как бог, и давно
завелись
В морщинах его — клопы.
И будто в вашей пресной
стране
Безыменский соль земли...

С. А. *Родов* — советский поэт и критик, в 1923—1925 гг. был одним из руководителей журнала «На посту». Густав *Пфицер* (1807—1890) — поэт «швабской школы», литературный противник Гейне.

Товарищам (стр. 113).— Печ. по кн. «Корни».

«Отдавая молодые силы...» (стр. 115).— Печ. по кн. «Корни», где это стихотворение было эпиграфом к сборнику.

Рабфаковке (стр. 116).— «Комс. правда», 1926, 1 января. Печ. по Стих. (1963). *Жанна д'Арк* (ок. 1412—1431) — крестьянская девушка, возглавившая отряд французских войск во время борьбы с английскими захватчиками и освободившая в 1429 г. осажденный Орлеан; преданная феодалами, она была осуждена церковным судом и сожжена на костре. *Трианон* — большой Трианонский дворец в бывшей резиденции французских королей — Версале. *Мария-Антуанетта* (1755—1793) — жена Людовика XVI, во время французской революции была в центре контрреволюционных заговоров. По приговору революционного трибунала гильотинирована.

Медный интеллигент (стр. 118).— «Красная новь», 1925, № 4; «Ночные встречи». Печ. по Избр. (1935, ГИХЛ). *«Без десяти минут семь...»* — В шесть часов пятьдесят минут 21 января 1924 г. умер В. И. Ленин. *Потешные* войска — военные отряды, созданные царем Алексеем Михайловичем для «потех» царевича Петра, стали главными вооруженными силами Петра при ликвидации заговора Софьи в 1689 г.

Марокко (стр. 125).— «Мол. гв.», 1925, № 7. Рифские племена Марокко восстали против испанского владычества и образовали в 1921 г. республику Риф. Против рифов начала военные действия Франция. Война завершилась разгромом республики в 1926 г. *Абд эль Керим* (Абд аль Керим) — глава республики Риф, возглавивший борьбу против Испании и Франции. *Уэндсмун* — город в Марокко.

На море (стр. 128).— «Прожектор», 1926, № 4, под названием «Море»; «Ночные встречи», с посвящением Г. Лелевичу. Печ. по Стих. (1963).

Нэпман (стр. 132).— «Прожектор», 1926, № 13. Печ. по Стих. (1963). *Мери Пикфорд* — популярная в 20-е годы американская киноактриса.

Книга (стр. 134).— Печ. по кн. «Ночные встречи». *Зоро* — герой американского приключенческого фильма «Знак Зоро».

Призрак (стр. 136).— «Комс. правда», 1926, 23 мая; «Ночные встречи». Печ. по кн. «Я — за улыбку!».

Легенда об английских шахтерах (стр. 139).— «Прожектор», 1926, № 16; «Ночные встречи»; Кн. стихов (1929). Печ. по Стих. (1963). Написано в связи со стачкой горняков, переросшей во всеобщую забастовку английского пролетариата.

Лирический управдел (стр. 141).— «Мол. гв.», 1926, № 12. Печ. по Стих. (1963).

Есенину (стр. 143).— «Мол. гв.», 1926, № 2. Печ. по Кн. стихов (1929).

Песня (стр. 145).— «Комс. правда», 1926, 30 мая. Печ. по Стих. (1963).

Строительство (стр. 147).— «Октябрь», 1926, № 5.

Песня углекопов (стр. 149).— «Мол. гв.», 1926, № 6.

Клопы (стр. 151).— «Прожектор», 1926, № 11, с подзаголовком «Пролог к поэме» и эпиграфом: «Не вовремя визит — важнее, чем поэма. Эдм. Ростан»; Кн. стихов (1929). Печ. по кн. «Я — за улыбку!».

Гренада (стр. 155).— «Комс. правда», 1926, 29 августа. Печ. по Стих. (1963). «Гренада» переведена на многие языки мира, была любимой песней бойцов интернациональных бригад республиканской Испании. На памятнике командиру 12-й интербригады, венгерскому писателю Мате Залка, погибшему на фронте в 1937 г., были высечены строки:

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.

Фашисты во время второй мировой войны разрушили этот памятник. «Гренада» была гимном заключенных в Маутхаузене (см. Э. Триоле, «Незваные гости»). См. об истории создания «Гренады» в томе 3 наст. издания.

«Я в жизни ни разу не был в таверне...» (стр. 159).— «Новый мир», 1927, № 4. Печ. по Стих. (1963). *Амундсен* (1872—1928) — норвежский полярный исследователь; погиб, пытаясь спасти итальянскую экспедицию Нобиле, потерпевшую катастрофу во льдах. *Фонтанка* — здесь: набережная реки Фонтанки в Ленинграде. Об истории создания стихотворения см. в томе 3 наст. издания.

В казино (стр. 161).— «Прожектор», 1927, № 4. Печ. по кн. «Ночные встречи».

Песенка английского матроса (стр. 164).— «Прожектор», 1927, № 7, с подзаголовком «Из поэмы». Печ. по Избр. (1935, ГИХЛ). *«...Волнуется у берега китайская вода».*— 24 марта 1927 г. военные корабли ряда капиталистических стран, поддерживавших реакционное правительство Чан Кай-ши, подвергли жестокой бомбардировке Нанкин.

«Мы с тобою, родная...» (стр. 166).— «Прожектор», 1927, № 18. Печ. по кн. «Я — за улыбку!».

Граница (стр. 168).— «Прожектор», 1927, № 20. Печ. по Стих. (1963).

Смычка (стр. 171).— «Октябрь», 1927, № 3.

Песня (стр. 174).— «Октябрь», 1927, № 4. Написано в связи с событиями в Китае. См. прим. к стих. «Песенка английского матроса». Согласно старинной легенде, краковский трубач, увидев с башни Мариатского костела приближающиеся татарские орды, заиграл боевой призыв. Вражеская стрела пронзила горло трубача. С тех пор прерванная песня каждый час исполняется на башне краковского костела.

Старушка (стр. 177).— «Мол. гв.», 1927, № 2. Печ. по Стих. (1963).

Провод (стр. 178).— «Октябрь», 1927, № 5; Кн. стихов (1929); Избр. (1948, СП). Печ. по Стих. (1963).

Старая Русь (стр. 180).— «Звезда», 1927, № 6. Печ. по кн. «Я — за улыбку!».

Письмо Чемберлену (стр. 183).— «Известия», 1927, 23 июня. *«Правда, сломана мебель в советском торгпредстве...»* — 12 мая 1927 г. английские полицейские совершили налет на советское торгпредство в Лондоне.

Перед боем (стр. 186).— «Новый мир», 1927, № 9, в цикле из пяти стихотв. под общим названием «Перед боем» («Ветер», «Штатский», «Военный», «Голубь», «Перед боем»); Избр. (1932). Печ. по Стих. (1963). *«...Я слышал — проснулись военные ветры...»* — Имеется в виду осложнившаяся в 1927 г. международная обстановка.

Звезды (стр. 189).— «Октябрь», 1927, № 9. Печ. по Избр. (1935, ГИХЛ).

Поэту (стр. 191).— «На лит. посту», 1927, № 10.

Пирушка (стр. 194).— «Октябрь», 1927, № 11; Кн. стихов (1929). Печ. по Стих. (1963). *«Десять красных пожаров...»* — Стихотворение написано к десятилетию Октябрьской революции. *Бахмут* (с 1924 г.— Артёмовск), *Джанкой* — города на Украине.

Боевая октябрьская (стр. 198).— «Мол. гв.», 1927, № 11.

Десять лет (стр. 200).— Альм. «Земля и фабрика», 1927, № 1.

Еврей-земледелец (стр. 203).— «Звезда», 1927, № 2. Печ. по Избр. (1948, «Правда»). *Иордан* — река в Палестине.

Живые герои (стр. 205).— «На лит. посту», 1927, № 5—6; Кн. стихов (1929); Стих. (1937). Печ. по Стих. (1963).

В разведке (стр. 208).— Кн. стихов (1929). Печ. по Стих. (1963).

Хлеб (стр. 211).— «Новый мир», 1928, № 1 (гл. 1—3) и № 2 (гл. 4—5). Печ. по Стих. (1937). *Волынь* — древнерусская территория, ныне входящая в состав Западной Украины. *Царь Давид* (X в. до н. э.) — израильский царь, поэт и воин, по преданиям, победивший Голиафа. *Соломон* — израильский царь, сын Давида. *Синай* — горная группа в Египте, с которой связано много библейских легенд. *Маккавеи* — прозвание Иуды Маккавея (II в. до н. э.), распространенное затем на всех защитников и исповедников еврейской веры. *П. Е. Дыбенко* (1889—1938) — бывший матрос, выдающийся советский военный деятель. В гражданскую войну командовал крупными соединениями Красной Армии.

Сакко и Ванцетти (стр. 229).— Избр. (1948, СП). Печ. по Стих. (1963). Бартоломео *Ванцетти* (1888—1927), Николо *Сакко* (1891—1927) — американские рабочие-революционеры; в 1920 г. были арестованы по ложному обвинению и в 1927 г. казнены на электрическом стуле. *Губернатор Фуллер* — губернатор штата Массачусетс, где судили Сакко и Ванцетти.

Из А. Мкртчьянца (стр. 232).— Кн. стихов (1929), стихи 1, 2 и 3. Избр. (1935, ГИХЛ). Печ. по кн. «Я — за улыбку!». «Из А. Мкртчьянца» — оригинальные стихотворения Светлова, которые он выдавал за перевод с армянского.

Старость (стр. 234).— «Красная новь», 1936, № 1, в составе цикла «Из А. Мкртчьянца». Печ. по Стих. (1963).

Баллада (стр. 236).— Печ. по авторизованной машинописи (ЦГАЛИ, фонд 2286, оп. 1, ед. хр. 3)[1].

---

[1] В дальнейшем все ссылки на этот фонд даются сокращенно: ЦГАЛИ.

Похороны русалки (стр. 240).— «Звезда», 1928, № 1. Печ. по кн. «Я — за улыбку!». Эпиграф — неточная цитата из стихотв. Лермонтова «Русалка». *Летучий Голландец* — капитан сказочного судна, которое, согласно легенде, многие века бороздит океан, никогда не приставая к берегу.

Игра (стр. 245).— «Мол. гв.», 1928, № 1.

Кривая улыбка (стр. 248).— «Мол. гв.», 1928, № 4. Печ. по Избр. (1935, ГИХЛ). *ЧОН* — части особого назначения; были созданы в 1921 г. в период гражданской войны для борьбы против контрреволюции.

«Я годы учился недаром...» (стр. 255).— «Октябрь», 1928, № 6, под заглавием «Эпиграф». Кн. стихов (1929). Печ. по Стих. (1963).

Погода (стр. 257).— «Мол. гв.», 1928, № 8. С. *Малахов*, Я. *Шведов* — советские поэты.

Большая дорога (стр. 260).— «Нов. мир», 1928, № 11. Печ. по кн. «Я — за улыбку!».

Ночью (стр. 264).— «Мол. гв.», 1928, № 11.

Автодор (стр. 267).— «Звезда», 1929, № 1. *Автодор* — Общество содействия развитию автомобильного транспорта, тракторного и дорожного дела, существовавшее в СССР в 1927—1935 гг.

«Товарищ устал стоять...» (стр. 270).— Кн. стихов (1929). Печ. по Избр. (1932).

Три стихотворения (стр. 272).— «Нов. мир», 1929, № 1. Печ. по Стих. (1963).

Ростов (стр. 275).— «Прожектор», 1929, № 6. *«Аксай»* — крупный завод в Ростове-на-Дону «Красный Аксай».

Четыре пули (стр. 277).— «Октябрь», 1929, № 7.

Поздравление (стр. 279).— «Октябрь», 1929, № 7. Печ. по Избр. (1935, ГИХЛ).

Призрак бродит по Европе (стр. 283).— «Мол. гв.», 1929, № 23. Печ. по Избр. (1935, ГИХЛ). *«Призрак бродит по Евро-*

пе» — первая строка вступления к «Манифесту Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. *Дальневосточной* — Особая Дальневосточная армия, созданная в СССР в 1929 г. для отпора японским милитаристам.

Маленький барабанщик (стр. 285).— Печ. по журн. «Пионер», 1962, № 3; популярная молодежная песня 20—30-х годов, являющаяся вольным переводом с немецкого. *Спартаковцы* — члены революционной организации «Союз Спартака» (1914—1918), которую возглавляли К. Либкнехт и Р. Люксембург.

Вступление к повести (стр. 286).— «Мол. гв.», 1929, № 24. Печ. по Стих. (1963). *Э. Верхарн* (1855—1916) — бельгийский революционный поэт и драматург. *П. Верлен* (1844—1896) — французский поэт-романтик; один из основоположников символистского направления.

Дон-Кихот (стр. 289).— «Мол. гв.», 1930, № 9. Печ. по Стих. (1937).

Письмо (стр. 292).— Альм. «Год XVI», кн. 2, 1933, с посвящением — Лепе. Печ. по кн. «Охотничий домик».

Источник (стр. 295), Смерть (стр. 296), Перемены (стр. 297), Разлука (стр. 298).— «Красная новь», 1936, № 1, в цикле «Из А. Мкртчьянца». Печ. по кн. Стих. (1963).

Желание (стр. 299).— «Красная новь», 1936, № 1, в цикле «Из А. Мкртчьянца». Печ. по кн. Стих. (1937).

Выдумка (стр. 300).— Стих. (1937), в цикле «Из А. Мкртчьянца». Печ. по кн. Стих. (1963).

«Гудками ревут...» (стр. 301).— «Октябрь», 1930, № 10—11; Избр. (1948, СП); Избр. (1953). Печ. по Стих. (1963).

Комод (стр. 303).— «Чудак», 1930, № 1.

Тринадцать (стр. 305).— «Прожектор», 1930, № 30.

Приятели (стр. 308).— «Октябрь», 1930, № 10—11. Печ. по Стих. (1963).

Площадь Дзержинского (стр. 310).— Избр. (1935, «Мол. гв.»); Избр. (1948, СП). Печ. по Стих. (1963).

Жене Нагорской (стр. 313).— Печ. по машинописи (ЦГАЛИ). Адресат — знакомая Светлова по Харькову. Об этом стих. см.: С. Савельев, «По сосудам сердца моего...», в сб. «Ты помнишь, товарищ...». М., «Сов. писатель», 1973.

«Когда рисуешь портрет товарища...» (стр. 315).— Автограф. Частное собрание.

Красная площадь (стр. 317).— Избр. (1932); Избр. (1948, СП); Избр. (1953). Печ. по Стих. (1963). Во всех публикациях до 1948 г. рефрен читался так:

Не кровь с молоком —
Свинец со штыком,
Дисциплины краткая речь —
Так начиналась
Наша игра,
Которая стоила свеч.

Песня (стр. 321).— «Красная новь», 1936, № 1. Печ. по Стих. (1963).

Монолог (стр. 322).— «Мол. гв.», 1932, № 4. Печ. по Стих. (1963). А. Д. *Эйфель* (1832—1923) — французский инженер-строитель, создатель Эйфелевой башни в Париже.

Польский день (стр. 326).— Сб. «В боях за мировой Октябрь», М., 1932.

Осень (стр. 329).— Альм. «Год XVI», кн. 2, 1933. Печ. по Стих. (1937). *Тевтоны и франки* — древние германские племена, совершавшие варварские набеги на чужие земли.

«В каждой щелочке...» (стр. 331).— Альм. «Год XVI», кн. 2, 1933. Печ. по Стих. (1963).

Песенка (стр. 332).— Избр. (1948, СП). Печ. по Стих. (1963).

Потоп (стр. 333).— Избр. (1935, ГИХЛ). Печ. по Стих. (1963). *Содом* — древний город в Палестине, разрушенный, по библейской легенде, за грехи жителей. Чарльз *Линдберг* — американский летчик, совершивший в 1927 г. перелет из Америки во Францию. *Гудзон* — река в США.

Пейзаж (стр. 336).— «Знамя», 1933, № 2. Печ. по Избр. (1948,

СП). *Горгулов* — член белоэмигрантской фашистской группы, убил в мае 1932 г. президента Франции П. Думера с целью спровоцировать конфликт между СССР и Францией. *«...На место Людовика лег...»* — Горгулов был гильотинирован. *«И вспорхнули... бабочки японских самолетов».* — Речь идет о нападении империалистической Японии на Китай.

Баллада о чекисте Иване Петрове (стр. 338).— «Знамя», 1933, № 2 под назв. «Тост». Печ. по Стих. (1963).

На параде (стр. 339).— «Известия», 1933, 1 мая.

Утро (стр. 342).— «Знамя», 1933, № 9; Избр. (1948, СП). Печ. по Стих. (1963). *Буколики и георгики* — «Пастушеские песни» древнеримского поэта Вергилия; *«Георгики»* — его же поэма о сельской жизни.

Пятнадцать лет спустя (стр. 344).— «Мол. гв.», 1933, № 10. Печ. по Стих. (1963). О *Шпиндяке* Светлов вспоминает в автобиографии «Заметки о моей жизни» (см. том 3). *Триполье* — село вблизи Киева, где в 1919 г. погиб комсомольский отряд около 1000 человек, окруженный белобандитами. *Чухлома* — небольшой город в Костромской области.

«Прорывая новые забои...» (стр. 348).— «Известия», 1933, 7 ноября, под заглавием «16». Печ. по Стих. (1963).

Стихи о Москве (стр. 350).— «Известия», 1934, 14 января; Избр. (1948, СП). Печ. по Стих. (1963).

Всадник (стр. 354).— «Известия», 1934, 23 февраля; Избр. (1935, ГИХЛ); Избр. (1948, СП). Печ. по Стих. (1963). *Прованс, Бретань* — провинции Франции. *Неподкупный* — прозвище Робеспьера.

Возвращение (стр. 357).— «Известия», 1934, 5 июня. Написано ко дню встречи челюскинцев. В 1933 г. у Берингова пролива был затерт льдами пароход «Челюскин». Полярная экспедиция высадилась на льдину и почти месяц продолжала исследования, пока самолеты не переправили ее на землю. *Генрих IV* (1553—1610) — французский король. *Брунгильда* — героиня древних германских сказаний. *Ванкарем* — мыс на Чукотском полуост-

рове, откуда стартовали самолеты, спасавшие челюскинцев. *В. С. Молоков, Н. П. Каманин, И. В. Доронин* — летчики, участвовавшие в спасении челюскинцев, первые Герои Советского Союза.

Республике (стр. 361).— «Известия», 1934, 7 ноября.

Кирову (стр. 362).— «Известия», 1934, 5 декабря. Печ. по Избр. (1948, СП).

Деникин (стр. 365).— «Знамя», 1935, № 1.

Песня о Каховке (стр. 368).— «Творчество народов СССР», 1937. Печ. по Стих. (1963). Песня для фильма «Три товарища» (1935), муз. И. Дунаевского (Об истории создания «Песни» см. том 3 наст. изд.).

Мария Демченко (стр. 370).— Стих. (1937). Печ. по Стих. (1963). М. С. *Демченко* (р. 1912) — агроном, организатор массового колхозного движения за высокие урожаи сахарной свеклы, награждена орденом Ленина. *«...Знающий английский старичок!..»* — Речь идет о Томасе Море (1478—1535), выдающемся английском мыслителе-гуманисте.

Горькому (стр. 372).— «Известия», 1936, 20 июня. Печ. по Стих. (1963). *«И затмению солнца сопутствует сумрак утраты...»* — 19 июня 1936 г. (в день похорон Горького) было солнечное затмение.

Испанская песня (стр. 374).— «Известия», 1936, 18 сентября. Печ. по Стих. (1963). Написано в связи с борьбой испанских патриотов за республику.

Песня слепцов (стр. 376).— Печ. по машинописи. Частное собрание.

Украина (стр. 378).— Стих. (1937). Печ. по кн. «Стихи и пьесы». М., (1957). *«...Синельниковского вокзала».*— Синельниково — узловая железнодорожная станция на Украине.

Песня о тульском голубе (стр. 380).— Стих. (1937). Печ. по Стих. (1963).

Сон (стр. 381).— Стих. (1937). Печ. по Стих. (1963).

Молодежи (стр. 383).— Избр. (1948, СП). Печ. по Стих. (1963).

Детство (стр. 384).— Печ. по Стих. (1937).

Песня о трех товарищах (стр. 385).— «Правда», 1937, 27 июля. Имеются в виду летчики В. П. Чкалов, Г. Ф. Байдуков и А. В. Беляков, совершившие беспосадочный перелет по маршруту Москва — Северный полюс — Северная Америка в июле 1937 г.

Вступление к поэме (стр. 387).— «Лит. газета», 1938, 26 октября, под названием «Из поэмы «Юность». Вступление». Избр. (1948, СП). Печ. по Стих. (1963).

Песня летчицы (стр. 390).— Избр. (1948, «Правда»). Печ. по Стих. (1963). *Илья Муромец* — герой русских былин, именем которого был назван один из первых аэропланов.

Песенка (стр. 392).— Печ. по машинописи (ЦГАЛИ).

Полине Осипенко (стр. 393).— «Правда», 1939, 14 мая. Печ. по Стих. (1963). *П. Д. Осипенко* (1907—1939) — летчица, Герой Советского Союза, участница рекордного перелета Москва — район Комсомольска-на-Амуре (вместе с В. Гризодубовой и М. Расковой). Погибла 11 мая 1939 г. при исполнении служебных обязанностей.

Прощальная (стр. 394).— Печ. по машинописи. Частное собрание.

Доброе утро (стр. 396).— Печ. по машинописи. Частное собрание.

«Есть земля на севере...» (стр. 397).— Печ. по машинописи. Частное собрание. *«Земля ... Францева Иосифа».*— Имеется в виду Земля Франца-Иосифа.

Маяковскому (стр. 398).— Избр. (1948, СП). Печ. по Стих. (1963). *Б. М. Левин* (1904—1940) — советский писатель.

Клятва (стр. 399).— «Известия», 1941, 3 июля.

Священное слово (стр. 401).— «Лит. газета», 1941, 5 августа. Печ. по кн. «Отечество героев», М., 1942.

Ленинград (стр. 403).— «Красная звезда», 1941, 7 сентября.

Стихотворение передано по телефону из Ленинграда, где поэт в то время был спецкором «Красной звезды».

Фронтовая ночь (стр. 404).— «Красная звезда», 1941, 18 сентября под назв. «Ночь под Ленинградом». Печ. по Стих. (1963).

Двадцать восемь (стр. 405).— «Комс. правда», 1942, 1 марта; М. Светлов. «Двадцать восемь». «Мол. гв.», 1942; Избр. (1948, СП). Печ. по Стих. (1963). Поэма посвящена героям-панфиловцам, погибшим осенью 1941 г. на подступах к Москве в неравном бою с фашистскими танками.

Из стихов о Лизе Чайкиной (стр. 417).— «Комс. правда», 1942, 28 июня; Избр. (1948, СП); «Стихи и пьесы» (1957). Печ. по Стих. (1963).

Живые легенды (стр. 429).— «На разгром врага» (газ. 1-й Ударной армии Сев.-Зап. фронта), 1942, 26 августа.

О стойкости (стр. 431).— «На разгром врага», 1942, 18 октября.

7 ноября (стр. 432).— «На разгром врага», 1942, 7 ноября. Печ. по Стих. (1963).

Новый год (стр. 434).— «На разгром врага», 1942, 23 ноября. Печ. по Стих. (1963).

«Каленые сибирские морозы...» (стр. 436).— «На разгром врага», 1942, 5 декабря. Печ. по Стих. (1963).

Песня о фонариках (стр. 437).— Печ. по Стих. (1963). Музыка Д. Шостаковича.

Итальянец (стр. 439).— «На разгром врага», 1943, 18 февраля. Печ. по Стих. (1963). (Об истории создания «Итальянца» см. в 3 томе наст. изд.)

Застольная армейская (стр. 441).— «На разгром врага», 1943, 5 марта.

Русской женщине (стр. 443).— «На разгром врага», 1943, 8 марта.

Весна (стр. 445).— «На разгром врага», 1943, 15 апреля.

Песня о Калифорнии (стр. 446).— Печ. по Избр. (1953).

Каховка (стр. 448).— «Героический штурм», 1943, 4 ноября.

В Крыму (стр. 450).— Избр. (1948, СП). Печ. по Избр. (1953).

Сады-садочки (стр. 451).— Печ. по авторизованной машинописи (ЦГАЛИ). Муз. М. Блантера.

Снова в Москве (стр. 453).— Избр. (1948, СП). Печ. по Стих. (1963).

Возвращение (стр. 455).— «Москов. большевик», 1945, 18 июля. Печ. по Стих. (1963).

Письмо другу (стр. 458).— Печ. по машинописи. Частное собрание. *Тиргартен* — район в Берлине.

Песня нефтяника (стр. 460).— Печ. по сб. «Г. Кулиев. Песня нефтяника». Музгиз, 1949.

Солдату! (стр. 462).— «Лит. газета», 1948, 21 февраля.

Свадьба (стр. 463).— «Новый мир», 1948, № 8. Печ. по Стих. (1963).

Весна (стр. 466).— «Знамя», 1948, № 5. Печ. по Стих. (1963).

Артист (стр. 467).— «Огонек», 1948, № 25. Печ. по Стих. (1963). *И. П. Уткин* (1903—1944) — советский поэт, погиб во время Великой Отечественной войны. *Клеопатра* (69—30 гг. до н. э.) — египетская царица, здесь персонаж пьесы Шекспира «Антоний и Клеопатра».

Над страницами Коммунистического манифеста (стр. 470).— Избр. (1948, СП). Печ. по Стих. (1963). *«Столетие страницы шевелит...»* — Стихотворение написано к столетию со дня опубликования «Манифеста Коммунистической партии» (1848).

Студенческая песня (стр. 471).— Написана в 1949 г. Песня к пьесе А. Борозиной и А. Давидсона «Студент третьего курса». Печ. по Стих. (1963).

Поезд идет все быстрей (стр. 472).— Т. Хренников, М. Светлов. «Поезд идет все быстрей». М., «Сов. композитор», 1948. Песня для кинофильма «Поезд идет на восток». Муз. Т. Хренникова.

«Тихо светит месяц серебристый...» (стр. 474).— «Новый мир», 1949, № 6, под назв. «Сон». Печ. по Стих. (1963). *Черная речка* — место дуэли Пушкина.

Беседа (стр. 476).— Написано в 1949 г. Песня к пьесе А. Бороздиной и А. Давидсона «Студент третьего курса». Печ. по Стих. (1963).

«У девушек старшего брата...» (стр. 477).— Печ. по машинописи (ЦГАЛИ).

Солдатский сон (стр. 478).— «Октябрь», 1956, № 9. Печ. по Стих. (1963).

Корея, в которой я не был (стр. 480).— «Огонек», 1951, № 25. Печ. по Стих. (1963). Д. *Макартур* — американский генерал, один из главных организаторов агрессии против КНДР в 1950 г.

Живая вода (стр. 484).— «Новый мир», 1952, № 5. Печ. по Стих. (1963).

Здравица (стр. 486).— «Новый мир», 1952, № 5. Печ. по Стих. (1963).

Россия (стр. 488).— «Октябрь», 1956, № 9. Печ. по Стих. (1963).

Весеннее (стр. 492).— «Стихи и пьесы» (1957). Печ. по Стих. (1963). *«Когда еще призрак бродил по Европе...».*— См. прим. к стих. «Призрак бродит по Европе».

В дороге (стр. 494).— «Стихи и пьесы» (1957). Печ. по Стих. (1963).

Утро (стр. 496).— «Стихи и пьесы» (1957). Печ. по Стих. (1963).

С Новым годом! (стр. 498).— Печ. по машинописи (ЦГАЛИ).

Сулико (стр. 500).— «Лит. газета», 1953, 27 июня, без посвящения. Печ. по Стих. (1963). *Родам Амирэджиби* — жена поэта. *Гуляй-Поле* — город и район в Запорожье.

Отцы и дети (стр. 503).— «Стихи и пьесы» (1957). Печ. по Стих. (1963). *«...Кирсанова любимый сын...»* — Один из героев романа Тургенева «Отцы и дети» — Аркадий Кирсанов. *«Увы! Не тот, поэт который...»* — Имеется в виду советский поэт С. Кирсанов.

Весенняя песня (стр. 505).— Печ. по машинописи. Частное

собрание. Песня для кинофильма «Весенний поток», муз. А. Ленина.

Вечерняя песня (стр. 507).— Печ. по машинописи. Частное собрание. Муз. Н. Богословского.

Бессмертие (стр. 508).— «Лит. газета», 1957, 25 июля. Печ. по кн. «Охотничий домик».

Горизонт (стр. 510).— «Москва», 1957, № 8. Печ. по Стих. (1963). См. об этом стих.: И. Игин. О людях, которых я рисовал. М., 1966.

Сверстнице (стр. 513).— «Москва», 1957, № 8, под заглавием «Старая дева». Печ. по Стих. (1963).

Искусство (стр. 515).— «Лит. газета», 1957, 19 октября. Печ. по кн. «Охотничий домик». См. об этом стих.: Я. Хелемский. Вечный подданный поэзии («Знамя», 1966, № 12).

Первый красногвардеец (стр. 517).— «Лит. газета», 1957, 23 ноября. Печ. по Стих. (1963). *«...сквозь сорокалетье несется спутник над тобой».*— Первый искусственный спутник Земли был запущен в СССР в 1957 г.

Моя поэзия (стр. 519).— «Лит. газета», 1957, 26 декабря. Печ. по Стих. (1963).

Цветы (стр. 522).— «Дружба народов», 1958, № 3, без названия; «Горизонт». Печ. по Стих. (1963).

Собачка (стр. 524).— «Нева», 1959, № 4. Печ. по Стих. (1963). *Гончие Псы* — созвездие.

Встреча (стр. 526).— «Горизонт». Печ. по Стих. (1963). *«Где ты росла, где ты цвела?»* — строка из стих. Лермонтова «Ветка Палестины».

Одиночество (стр. 528).— «Горизонт». Печ. по Стих. (1963).

Весной (стр. 530).— «Горизонт». Печ. по Стих. (1963).

Разговор с девочкой (стр. 532).— «Горизонт». Печ. по кн. «Охотничий домик». *«Охотный ряд»* — часть большого торгового района — «ряды» в дореволюционной Москве.

Поздравление (стр. 536).— «Лит. газета», 1958, 22 февраля.

Печ. по Стих. (1963). Написано к 40-й годовщине Советской Армии.

Золото (стр. 537).— «Лит. газета», 1958, 11 марта; Стих. (1959); «Горизонт». Печ. по Стих. (1963).

Утром (стр. 539).— «Лит. и жизнь», 1958, 4 июня. Печ. по Стих. (1963).

Сорок лет (стр. 541).— «Лит. газета», 1958, 12 апреля. Печ. по Стих. (1963).

Неизвестному солдату (стр. 543).— «Комс. правда», 1958, 28 апреля, под названием «Памятник неизвестному солдату». Стихотворению предшествует письмо читательницы, которая просит разъяснить ей, какой подвиг совершил неизвестный солдат. Печ. по Стих. (1963).

Указание (стр. 544).— «Лит. газета», 1958, 6 мая. Печ. по кн. «Охотничий домик».

Басня (стр. 546).— «Лит. газета», 1958, 2 августа. Печ. по Стих. (1963).

Любовь (стр. 548).— «Лит. газета», 1958, 14 августа. Печ. по Стих. (1963).

Почтальонша (стр. 550).— «Лит. газета», 1958, 11 сентября. Печ. по кн. «Я — за улыбку!».

Трибунал (стр. 552).— Печ. по авторизованной машинописи (ЦГАЛИ).

Чувства в строю (стр. 554).— «Лит. газета», 1958, 20 ноября. Печ. по кн. «Охотничий домик».

Родные женщины (стр. 556).— «День русской поэзии». М., 1958. Печ. по Стих. (1963).

Тайны (стр. 558).— «Горизонт». Печ. по Стих. (1963).

Веселая песня (стр. 560).— «Нева», 1959, № 4. Печ. по Стих. (1963).

Видение (стр. 561).— «Горизонт». Печ. по Стих. (1963). *Ханко* — полуостров в Финляндии, где в 1940 г. по советско-финскому договору была советская военно-морская база; в 1941 г. советский гарнизон стойко держался против фашистских захват-

чиков и был эвакуирован; в 1944 г. СССР отказался от аренды полуострова.

Бессонница (стр. 563).— «Горизонт». Печ. по Стих. (1963).

Белый цвет, алый цвет... (стр. 564).— Печ. по сб. «Новые лирические песни в сопровождении баяна». М., Воениздат, 1959. Муз. А. Ленина.

Признание (стр. 565).— «Лит. газета», 1959, 19 февраля. Печ. по Стих. (1963).

Начало зимы (стр. 567).— «Лит. газета», 1959, 19 февраля. Печ. по Стих. (1963).

Ямщик (стр. 569).— «Лит. газета», 1959, 19 февраля; «Я — за улыбку!». Печ. по кн. «Охотничий домик».

Так живу я (стр. 571).— «Лит. газета», 1959, 19 февраля. Печ. по Стих. (1963).

Ленин смотрит на нас (стр. 573).— «Лит. газета», 1959, 21 апреля. Печ. по Стих. (1963).

Московский военный округ (стр. 574).— «Красная звезда», 1959, 28 апреля. Печ. по Стих. (1963).

Манолису Глезосу (стр. 576).— «Лит. газета», 1959, 4 июля. Печ. по Стих. (1963). *Манолис Глезос* — национальный герой Греции, борец против фашизма, долгие годы провел в фашистском застенке.

Придем! (стр. 578).— «Известия», 1959, 13 сентября. Печ. по Стих. (1963).

Для того живем со дня рожденья (стр. 579).— «Лит. газета», 1959, 14 ноября.

«Все ювелирные магазины...» (стр. 580).— «Лит. газета», 1959, 14 ноября. Печ. по кн. «Охотничий домик».

Ты только меня позови! (стр. 581).— Печ. по машинописи. Частное собрание. Песня свинопаса для комедии Е. Шварца «Голый король». Муз. Э. Колмановского.

Старинная прогулка (стр. 583).— Печ. по авторизованной машинописи (ЦГАЛИ).

Время (стр. 585).— Печ. по машинописи (ЦГАЛИ).

Весна (стр. 587).— Печ. по автографу (ЦГАЛИ).

Два признания (стр. 588).— Печ. по машинописи (ЦГАЛИ).

«Я прославить должен, как поэт...» (стр. 591).— Печ. по автографу. Частное собрание.

«К новой юности ревнуя...» (стр. 592).— Печ. по автографу. Частное собрание.

Песня вакерос (стр. 593).— Печ. по авторизованной машинописи (ЦГАЛИ). *Вакерос* — пастух. *Диас Порфирио* (1830—1915) — мексиканский диктатор.

Время (стр. 594).— Печ. по машинописи. Частное собрание.

«Воспоминаньем не стал ты...» (стр. 597).— Печ. по автографу (ЦГАЛИ). Стих. посвящено народному артисту СССР С. М. Михоэлсу (1890—1948).

Советские старики (стр. 598).— «Лит. газета», 1960, 17 мая. Печ. по кн. «Охотничий домик». *Нестареющие дьяволята* — намек на кинофильм «Красные дьяволята» (1923, реж. И. Перестиани), герои которого — дети, участвующие в гражданской войне.

Друзьям. Вступление (стр. 600).— «Лит. газета», 1960, 21 мая; под назв. «Друзьям-товарищам». Печ. по кн. «Я — за улыбку!».

Друзьям. Заключение к книге (стр. 601).— «Музей друзей». Печ. по кн. «Я — за улыбку!».

В час рассвета (стр. 603).— «Огонек», 1960, № 35.

Спичка (стр. 604).— «Сов. Россия», 1960, 9 октября, с посвящ. А. Гитовичу. Печ. по кн. «Охотничий домик».

Дисциплина (стр. 606).— Печ. по машинописи. Частное собрание.

Голоса (стр. 608).— «Лит. газета», 1961, 14 февраля. Печ. по кн. «Охотничий домик». С посвящением И. Эренбургу.

Сибири (стр. 610).— «Звезда», 1961, № 5. Печ. по Стих. (1963).

Жизнь поэта (стр. 611).— «Лит. газета», 1961, 15 июля. Печ. по кн. «Охотничий домик».

Павлу Антокольскому (стр. 613).— «Лит. и жизнь», 1961, 2 июля. Печ. по кн. «Охотничий домик».

Гость (стр. 614).— «Я — за улыбку!». Печ. по кн. «Охотничий домик».

Желание (стр. 616).— «Неделя», 1961, № 38. Печ. по кн. «Охотничий домик». *М. Шехтер* (1911—1963) — советский поэт.

Ко дню рождения (стр. 617).— «Юность», 1962, № 1. Печ. по Стих. (1963).

«Живого или мертвого...» (стр. 618).— «Юность», 1962, № 1. Печ. по кн. «Охотничий домик».

«Где я — в Сан-Франциско иль в Казани?..» (стр. 619).— «Юность», 1962, № 1.

Поиски героя (стр. 620).— Печ. по машинописи. Частное собрание. *Лиза бедная* — героиня повести «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина (1766—1826). *Федя Чистяков* — юноша-разведчик, сражавшийся под Ленинградом; прославился мужеством, погиб, выручая товарища.

Герой найден (стр. 622).— Печ. по машинописи. Частное собрание.

«Дети нищих! Вы помните, в складчину...» (стр. 624).— Печ. по машинописи (ЦГАЛИ).

Счастье (стр. 625).— «Дружба народов», 1962, № 1. Печ. по кн. «Охотничий домик».

Пушкину (стр. 627).— «Лит. и жизнь», 1962, 11 февраля.

Дождь (стр. 628).— «Лит. газета», 1962, 27 октября. Печ. по кн. «Охотничий домик». *С. Н. Халтурин* (1856—1882) — русский революционер, создатель «Северного Союза русских рабочих», организатор взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. Джузеппе *Гарибальди* (1807—1882) — народный герой Италии, один из вождей итальянской революционной демократии.

Звездная дорога (стр. 630).— «Лит. газета», 1962, 12 апреля. Печ. по кн. «Охотничий домик». *«Блестит кремнистый лермонтовский путь».*— Имеются в виду строки стих. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу, // Сквозь туман кремнистый путь блестит».

«Никому не причиняя зла...» (стр. 631).— «День поэзии», М., 1963. Печ. по кн. «Охотничий домик».

Охотничий домик (стр. 632).— «Юность», 1963, № 6. Печ. по кн. «Охотничий домик».

Книга (стр. 634).— Печ. по кн. «Охотничий домик».

Соловьи (стр. 635).— Печ. по автографу (ЦГАЛИ).

Арена (стр. 636).— Печ. по машинописи (ЦГАЛИ).

Загадки (стр. 638).— Печ. по машинописи (ЦГАЛИ). Написаны для постановки пьесы Карло Гоцци «Принцесса Турандот» в театре им. Вахтангова в 1962 г.

«Все мне кажется, что я молод...» (стр. 640).— Печ. по машинописи. Частное собрание.

«Выйди замуж за старика!..» (стр. 641).— Печ. по авторизованной машинописи. Частное собрание.

Негодяй (стр. 642).— Печ. по машинописи (ЦГАЛИ).

Сирень (стр. 644).— «Дружба народов», 1962, № 7.

«Нет, не в мире встреч, в краю прощаний...» (стр. 645).— Печ. по автографу. Частное собрание.

Поиски рифмы (стр. 646).— Печ. по машинописи (ЦГАЛИ). Написано к 60-летию К. Я. Шах-Азизова, бывшего в то время директором Центрального детского театра (Москва).

Слово (стр. 647).— «Москва», 1963, № 5. Печ. по кн. «Охотничий домик».

«Пусть погиб мой герой...» (стр. 648).— «Сов. Россия», 1963, 18 июня. *Ангола* — португальская колония в Западной Африке. *Алабама* — один из южных штатов США, где вопреки закону расисты преследуют негритянское население.

Песенка старого таксиста (стр. 649).— «Юность», 1963, № 6. Печ. по кн. «Охотничий домик». Муз. О. Фельцмана.

Грустная песенка (стр. 651).— «Дружба народов», 1963, № 6, под названием «Грустная песня», с посвящением: «К своему шестидесятилетию». Печ. по кн. «Охотничий домик».

«Мне много лет. Пора уж подытожить...» (стр. 653).— «День поэзии». М., 1963. Печ. по кн. «Охотничий домик».

«Мне неможется на рассвете...» (стр. 655).— «День поэзии». М., 1963. Печ. по кн. «Охотничий домик». Предпоследняя строфа в автографе:

Очень бережно, очень ласково,
Не декадно, а каждый час
Надо чувства свои прополаскивать,—
Ведь всегда оседает грязь.

Нине (стр. 657).— «День поэзии». М., 1963. Печ. по кн. «Охотничий домик». О Нине Александровне Федосюк см. в кн.: З. Паперный. Человек, похожий на самого себя. М., 1968, с. 19, 27, 221.

На рассвете (стр. 659).— «День поэзии». М., 1963. Печ. по кн. «Охотничий домик».

Разговор (стр. 661).— «День поэзии». М., 1963. Печ. по кн. «Охотничий домик».

Мрамор (стр. 663).— Печ. по машинописи (ЦГАЛИ).

На Парнасе (стр. 665).— «Лит. газета», 1963, 5 декабря. Печ. по кн. «Охотничий домик».

«Живешь ты, ничего не ожидая...» (стр. 666).— Печ. по машинописи. Частное собрание.

«Большие годы не остановились...» (стр. 667).— Печ. по машинописи. Частное собрание. *«Гармонь»* — поэма А. Жарова, написанная в те же годы, что и *«Гренада»* Светлова.

«Музыка ли, пенье, что ли, эхо ли...» (стр. 669).— «Юность», 1964, № 5. Печ. по кн. «Охотничий домик».

В больнице (стр. 671).— «Юность», 1964, № 5. Печ. по кн. «Охотничий домик».

«Столкновения все чаще, чаще...» (стр. 673).— «Новый мир», 1964, № 6. Печ. по кн. «Охотничий домик».

Комсомольская песня (стр. 675).— Печ. по кн. «Охотничий домик».

«Какой это ужас, товарищи...» (стр. 677).— «Новый мир», 1964, № 6. Печ. по кн. «Охотничий домик».

ЭПИГРАММЫ[1]

М. Исаковский. А. Прокофьев. А. Яшин (стр. 681).— «Московский литератор», 1961, 14 апреля. Печ. по кн. «Музей друзей». Шарж на М. Исаковского, А. Прокофьева, А. Яшина по картине А. Ржевской «Веселая минутка».

К. Паустовский (стр. 681).— «Лит. газета», 1960, 21 мая. Печ. по кн. «Музей друзей». Шарж на К. Паустовского по картине В. Перова «Рыболов».

Л. Шейнин (стр. 681).— «Музей друзей». *Л. Р. Шейнин* — советский писатель, в прошлом работал в прокуратуре. Шарж по скульптуре на набережной Невы в Ленинграде.

С. Маршак (стр. 681).— «Музей друзей». Шарж на С. Маршака по картине В. Васнецова «Витязь на распутье».

С. Михалков (стр. 682).— «Лит. газета», 1960, 21 мая. Печ. по кн. «Музей друзей». Шарж на С. Михалкова по скульптуре М. Козловского «Самсон».

И. Андроников (стр. 682).— «Вечерняя Москва», 1962, 3 февраля. Печ. по кн. «Музей друзей». Шарж на И. Андроникова по картине Рембрандта «Возвращение блудного сына». *И. Л. Андроников* — советский писатель, исследователь жизни и творчества М. Ю. Лермонтова.

Молодые поэты (стр. 682).— Печ. по кн. «Музей друзей». Шарж на Р. Рождественского, Е. Евтушенко, А. Вознесенского, В. Берестова, Е. Винокурова, В. Солоухина, Г. Пожепяна по картине А. Саврасова «Грачи прилетели».

О. Берггольц (стр. 682).— Печ. по кн. «Музей друзей». Шарж на О. Берггольц по картине В. Васнецова «Аленушка».

А. Твардовский (стр. 683).— Автограф. Частное собрание. Факсимиле воспроизведено в кн.: И. Игин. Улыбка Светлова. Л., «Сов. художник», 1968.

С. Васильев (стр. 683).— Автограф. Частное собрание. *Васильевский остров* — один из островов Ленинграда.

---

[1] Эпиграммы написаны в 1959—1961 годах.

В. Панова (стр. 683).— Автограф. Частное собрание.

А. Вознесенский (стр. 683).— Автограф. Частное собрание. *«Мозаика», «Парабола»* — названия ранних сборников А. Вознесенского.

А. Райкин (стр. 684).— Автограф. Частное собрание.

И. Игин (стр. 684).— Автограф. Частное собрание.

ПЕРЕВОДЫ

Искусство поэта (стр. 687).— «Дружба народов», 1961, № 10.

«Я все перепутал,— где море, где небо...» (стр. 689).— Печ. по кн. «Антология белорусской поэзии». М., Гослитиздат, 1952.

Найденные звезды (стр. 691).— Печ. по кн. «Антол. белорусской поэзии». М., Гослитиздат, 1952.

Нине Грибоедовой (стр. 692).— Печ. по кн.: Г. Леонидзе. Стихотворения и поэмы. М., Гослитиздат, 1951.

Листья (стр. 693).— Печ. по кн.: М. Квливидзе. Солнце сквозь листья. М., «Сов. писатель», 1955.

Ответ солнца (стр. 694).— Н. Рафибейли. Слово матери. М., «Сов. писатель», 1951. Печ. по кн. «Я — за улыбку!». *Саз* — азербайджанский народный музыкальный инструмент.

Мысли (стр. 698).— Э. Межелайтис. Кардиограмма. М., «Сов. писатель», 1963.

Магистрали (стр. 700).— «Дружба народов», 1961, № 10.

В экспрессе (стр. 702).— «Огонек», 1962, № 23.

Триста джигитов (стр. 704).— Печ. по кн. «Поэзия Башкирии». М., Гослитиздат, 1955.

Меня татарином считают (стр. 706).— «Дружба народов», 1961, № 10. Габдулмажит *Гафури* (1880—1934) — татарский и башкирский советский поэт. Хасан *Туфан* (р. 1900) — татарский советский поэт.

На вершине горы (стр. 709).— «Дружба народов», 1962, № 7.

«Когда ошибался я, непутевый...» (стр. 710).— «Дружба народов», 1962, № 7.

В горах (стр. 711).— «Дружба народов», 1962, № 7.

Возвращение Ботяна на родную землю (стр. 712).— «Дружба народов», 1962, № 7. *Доросы* — село в Калмыкии. *«Широкой страною моею...»* — Имеется в виду строка песни В. Лебедева-Кумача «Широка страна моя родная».

Разговор с солнцем (стр. 714).— «Дон», 1964, № 1.

«Я с матерью снова стою у дверей...» (стр. 715).— «Дружба народов», 1962, № 7.

Скрипка (стр. 716).— Печ. по кн.: Л. Квитко. Моим друзьям. М., Детгиз, 1960.

Когда я вырасту (стр. 718).— Печ. по кн.: Л. Квитко. Моим друзьям. М., Детгиз, 1960.

В плену (стр. 722).— Печ. по кн.: И. Фефер. Стихи и поэмы. М., Гослитиздат, 1958.

Ошеру Шварцману (стр. 723).— «Дружба народов», 1961, № 3. *О. Шварцман* (1889—1919) — поэт, герой гражданской войны, погибший в бою.

Лиса и козел (стр. 725).— Печ. по кн.: А. Мицкевич. Собр. соч., т. I. М., Гослитиздат, 1948.

Парикмахеры (стр. 727).— Печ. по кн.: Ю. Тувим. Избранное. М., Гослитиздат, 1946.

Акации (стр. 729).— Печ. по кн.: Ю. Тувим. Стихи. М., ИЛ, 1959.

О Польша! Как ты мне близка... (стр. 730).— «Иностранная лит.», 1962, № 4. *Мазовше* — область в Польше.

К поэзии (стр. 732).— Печ. по кн. «Польская поэзия», т. 2. М., «Худож. лит.», 1963.

Винтовка (стр. 734).— Печ. по кн. «Польская поэзия», т. 2. М., «Худож. лит.», 1963.

Свиток осени (стр. 736).— Печ. по кн. «Польская поэзия», т. 2. М., «Худож. лит.», 1963.

Желание (стр. 737).— «Иностранная лит.», 1964, № 4.

Творцы (стр. 738).— «Звезда», 1962, № 1.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭПИГРАММЫ

ПЕРЕВОДЫ

Светлов М.

С 24 Собрание сочинений. В 3-х томах. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Эпиграммы. Переводы. Вступ. статья Б. И. Соловьева. Подготовка текста Л. Н. Смирновой. Примеч. Е. П. Любаревой. Оформл. худ. Ю. Алексеевой. М., «Худож. лит.», 1975.

784 с.

В первом томе Собрания сочинений Михаила Светлова широко представлена его поэзия: стихотворения, поэмы, песни, эпиграммы, переводы. Наряду со зрелыми произведениями в том включены и до сих пор не входившие в его сборники ранние стихотворения, написанные подчас еще неопытной рукой, но дающие возможность увидеть стремительное формирование поэта.

С $\frac{70402-368}{028(01)-74}$ подписное Р 2

МИХАИЛ АРКАДЬЕВИЧ СВЕТЛОВ

Собрание сочинений
том 1

Редактор *В. Буланова*
Художественный редактор *А. Виноградов*
Технический редактор *С. Ефимова*
Корректор *Т. Кузина*

Сдано в набор 4/IV 1974 г. Подписано к печати А02282 от 21/VIII 1974 г. Бумага типогр. № 1. Формат $70 \times 108^1/_{32}$. 24,5 печ. л. 34,3 усл. печ. л. 23,385+ +1 вкл.=23,421 уч.-изд. л. Заказ № 1243. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 80 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, М-54, Валовая, 28

1р. 80к.